

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СТИЛИСТИКА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ АСПЕКТЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

19 (730)
2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Federal State-Funded Educational Institution
for Higher Professional Education
“Moscow State Linguistic University”

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 19 (730)

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

**INTERDISCIPLINARY ASPECTS
OF STYLISTICS**

Moscow
FSFEI HPE MSLU
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического
университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 19 (730)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СТИЛИСТИКА
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ АСПЕКТЕ

Москва
ФГБОУ ВПО МГЛУ
2015

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
И. И. Халеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

Халеева И. И. (*председатель*)
Нечаев Н. Н. (*заместитель председателя*)

Гаджиев А. А. (Азербайджан)	Моисеенко Л. В
Баранова Н. П. (Белоруссия)	Мусаев А. И. (Кыргызстан)
Бурнацева Э. К.	Ноздрина Л. А.
Голубина К. В.	Потапова Р. К.
Воронина Г. Б.	Прохоров Ю. Е.
Гаспарян Г. Р. (Армения)	Радченко О. А.
Гусейнова И. А.	Русецкая М. Н.
Дудик Н. А.	Семенова Т. И.
Имомов М. С. (Таджикистан)	Сорокина Т. С.
Ирисханова К. М.	Сухарев Ю. А.
Ирисханова О. К.	Тарасова А. Н.
Касюк А. Я.	Титкова О. И.
Краева И. А.	Убин И. И.
Красноженова Г. Ф.	Ли-Янке Х. (Швейцария)
Кунанбаева С. С. (Казахстан)	Ченки А. Д. (Нидерланды)
Лодейро Ф. Г. (Испания)	Шулепов Н. А.
Лю Лиминь (КНР)	Форстнер М. (Германия)
Маркес Д. С. (Испания)	
Медведева Т. В.	

Редакционная коллегия Выпуска 19 (730)

канд. филол. наук, проф. К. М. Ирисханова (ответственный редактор);
д-р филол. наук, проф. Е. Г. Беляевская;
д-р наук по славянским языкам (рус. яз.) Алан Джозев Ченки (Амстердам, Нидерланды);
д-р филол. наук Ионна Василюк (Варшава, Польша);
канд. филол. наук, проф. Н. Д. Токарева;
канд. филол. наук, доц. С. А. Андреева;
канд. филол. наук, доц. И. К. Сескутова;
канд. филол. наук, доц. О. Б. Найок;
канд. филол. наук, проф. Э. В. Салыгина

Издание входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. Эл № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВПО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании
с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Стилистика и прагматика

<i>Беляевская Е. Г.</i> Диалог в художественной прозе – текст в тексте	9
<i>Крюкова О. П.</i> Использование фрейма как матрицы для анализа и синтеза научного дискурса	19
<i>Токарева Н. Д.</i> Актуализация когнитивного диссонанса идеологии средствами стилистики в англоязычной прессе	30
<i>Андреева С. А.</i> Диалог вербального и визуального: художник и слово (на материале сонета Д. Г. Россетти «Вино Цирцеи» одноименной картины Э. Бёрн-Джонса)	37
<i>Зеленева А. А.</i> Стилизация речи героев художественного произведения: когнитивный аспект	45
<i>Найок О. Б.</i> К вопросу об иконизации художественного дискурса	54
<i>Соколова В. Л.</i> Интервью и пьеса: коммуникативное родство, его проявления и природа	64
<i>Шпетный К. И.</i> Лингвостилистические особенности политического дискурса сэра Уинстона Леонарда Спенсера-Черчилля	78
<i>Гусева А. П.</i> Полиmodalность экспериментального жанра художественного дискурса	96
<i>Мурашова Е. П.</i> О внутренней диалогичности текстов политической рекламы (на материале англоязычного политического спота)	105
<i>Павлова К. В.</i> Выдвижение информации и аллюзия (на материале англоязычных газетных публикаций)	117
<i>Солобуто Д. С.</i> Когнитивный диссонанс в лингвостилистической перспективе	128
<i>Хахалева А. Ю.</i> Способы репрезентации информации в полиmodalном тексте (на материале PR-дискурса)	140

Раздел II. Дискурс и семиотика

<i>Голубкова Е. Е.</i> Диалектная вариативность лексики как проявление альтернативных способов концептуализации действия (на материале фразовых глаголов английского языка)	152
<i>Гусейнова И. А.</i> Функции русского визуально-жестового языка	159
<i>Зыкова И. В.</i> Специфика функционирования фразеологизмов в дискурсе: теория в свете современных эмпирических данных	167
<i>Ильинова Е. Ю.</i> Риторические особенности дискурса ироничной языковой личности	181
<i>Василюк И.</i> Лексическая специфика массмедийного дискурса: язык виртуального пространства Рунета	190
<i>Защитина Г. В.</i> Коммуникативный потенциал стилистических средств интерпретации действительности в современном англоязычном журналистском дискурсе	199
<i>Косиченко Е. Ф.</i> Опыт классификации художественных онимов	206
<i>Нильсен Е. А.</i> Модели метафорической экспликации времени в ранненованглийских текстах	217
<i>Ржешевская А. А.</i> О сдвигах перспективы в драматическом дискурсе	231
<i>Павленкова О. Н.</i> Литота как средство семантического дефокусирования в стилистическом приеме антитезы	239
<i>Попова О. В.</i> Функциональные особенности собственных имен в блогговой коммуникации: сопоставительный аспект	246
<i>Троценкова Е. В.</i> Метарепрезентация партийных стереотипов в общественно-политическом дискурсе	258
<i>Чащина А. М.</i> Анализ дискурса политического интервью: стратегия самопрезентации	273

CONTENTS

Section I Stylistics and pragmatics

<i>Belyaevskaya E. G.</i> Dialogue in Emotive Prose — a Text in the Text	9
<i>Kryukova O. P.</i> Using Frame as Matrix for Analysis and Synthesis of Scientific Discourse	19
<i>Tokareva N. D.</i> Actualization of Ideological Cognitive Dissonance through Stylistic Means in English Mass Media	30
<i>Andreeva S. A.</i> Dialogue of Verbal and Visual: the Artist and the Word (on the Basis of Sonnet by D. G. Rossetti for “The Wine of Circe” by Edward Byrne-Jones)	37
<i>Zelenyayeva A. A.</i> Representation of a Character’s Speech: Cognitive Aspect	45
<i>Nayok O. B.</i> Iconicity in the Discourse of Fiction	54
<i>Sokolova V. L.</i> Drama and Interview: Digging Deep into their Shared Communicative Ground	64
<i>Shpethy K. I.</i> Linguostylistic Features of the Political Discourse of Sir Winston Leonard Spencer-Churchill	78
<i>Guseva A. P.</i> The Experimental Genre of Literary Discourse and its Multimodal Potential	96
<i>Murashova Y. P.</i> Dialogism of Political Advertising Texts (an Analysis of English Political Spots)	105
<i>Pavlova K. V.</i> Information Foregrounding and Allusion (on the Basis of English Newspaper Publications)	117
<i>Solobuto D. S.</i> Cognitive Dissonance from Linguostylistic Perspective	128
<i>Khakhaleva A. Y.</i> The Ways of Representing Information in a Multimode Text (on the Material of PR-discourse)	140

Section II
Discourse and Semiotics

<i>Golubkova E. E.</i> Dialectal Variability as Evidence of Multiple Conceptualization Strategies (based on British / American Phrasal Verbs of Action)	152
<i>Guseynova I. A.</i> Functions of the Russian Sign Language	159
<i>Zykova I. V.</i> The Specifics of Phrseologisms' Functioning in Discourse: Theory in the Light of Up-Dated Empirical Information	167
<i>Ilyinova E. Yu.</i> On Rhetorical Aspect of Ironic Language Personality in Discourse	181
<i>Wasiluk J.</i> Lexical Peculiarities of Mass-Media Discourse: Language of Russian Websites (Runet)	190
<i>Zashchitina G. V.</i> The Communicative Aspect of Tropes and Its Role in Viewing and Interpreting the World in Modern English Journalistic Discourse	199
<i>Kosichenko E. F.</i> Classification of Proper Names Used in Fiction Texts	206
<i>Nilsen E. A.</i> Metaphorical Models of Time Representation in Renaissance English Literature	217
<i>Rzheshevskaya A. A.</i> On the Shifts of Perspective in Drama Discourse	231
<i>Pavlenkova O. N.</i> Litotes as a Means of Semantic Defocusing in the Stylistic Device of Antithesis	239
<i>Popova O. V.</i> The Use of Proper Names in Blogs: a Comparative Study	246
<i>Troshchenkova E. V.</i> Metarepresentation of Party Stereotypes in Sociopolitical Discourse	258
<i>Chashchina A. M.</i> Political Interview Discourse Analysis: Self-Presentation Strategy	273

Раздел I Стилистика и прагматика

УДК 81' 38

Е. Г. Беляевская

доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики английского языка ФГПН МГЛУ; тел. : 8 (499) 245 13 60

ДИАЛОГ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ – ТЕКСТ В ТЕКСТЕ

В статье обосновывается положение о том, что диалог в художественной прозе следует рассматривать не только как одну из форм контекстно-вариативного членения наряду с авторским повествованием, описанием и рассуждением, но и как относительно независимую текстовую подструктуру, построенную на тех же когнитивных основаниях, что и авторский нарратив. Для диалога характерно контекстно-вариативное членение (дифференциация на формы, близкие к повествованию, описанию и / или рассуждению), что формирует персонажную линию интерпретации фикциональных событий, параллельную авторскому нарративу. Соотношение повествования, описания и рассуждения в диалоге связано с жанровой дифференциацией художественной прозы.

Ключевые слова: членимость текста; нарратив; диалог; повествование; описание; рассуждение; фреймвые семантики; жанры художественной прозы.

Belyaevskaya E. G.

Prof., Ph. D. Chair of English Stylistics Dept of Humanities and Applied Sciences, MSLU; 8 (499) 245 13 60

DIALOGUE IN EMOTIVE PROSE – A TEXT IN THE TEXT

The paper sets out to show that dialogue in emotive prose should be viewed not as a contextual form on a par with narration, description, and the writer's commentary but as a relatively independent textual substructure built on a cognitive basis similar to the one of the writer's narrative. The same divisibility principles may be applied to dialogue which might take the form of narration, description and/ or commentary, thus forming the protagonists' story-telling line running parallel to the writer's presentation. Proportion of narrative, description and commentary in the dialogue is related to the literary genre the dialogue appears in.

Key words: text divisibility; narrative; narration; dialogue; commentary; frame semantics; genres of emotive prose.

Несмотря на то что текст представляет собой интегральное единство, в котором все элементы связаны между собой множеством структурных и семантических «нитей», он (текст) может рассматриваться как своеобразная конструкция, состоящая из более мелких частей. Неслучайно поэтому профессор И. Р. Гальперин в своей работе «Текст как объект лингвистического исследования» подробно рассмотрел проблему членимости текста, посвятив ей целую главу [2].

Составляющие такого сложного образования, как текст, могут выделяться на разных основаниях, и наиболее простым случаем здесь можно считать выделение частей текста по их формальным признакам. Это, прежде всего, касается композиционного плана текста, т. е. его деления на структурные части, например, на главы в романе или на разделы в научной статье, которая в англоязычной традиции обычно подразделяется на *Introduction, Previous treatments, Methods, Experiment, Results, Discussion, Conclusion, Acknowledgements, References*. Кроме того, на чисто формальных основаниях текст может члениться на абзацы, а на основании комплекса формальных и семантических критериев в тексте можно выделить сверхфразовые единства (СФЕ). Выделение формальных конструктивных частей текста «...перекрещивается с другим видом разбиения текста, который... мы назовем контекстно-вариативным. В нем выделяются следующие формы речетворческих актов: 1) речь автора: повествование, описание природы, внешности персонажей, обстановки, ситуации, места действия и пр., рассуждение автора; 2) чужая речь: диалог (с вкраплением авторских ремарок), цитация; 3) несобственно-прямая речь» [2, с. 52].

Контекстно-вариативное членение художественного текста основывается на принципе референции. Иными словами, критерием выделения различных контекстно-вариативных форм является та информация, которую данная контекстная форма передает в ходе коммуникации, т. е. та информация, которую автор направляет своему читателю. В частности, *описание* предлагает читателю информацию, позволяющую воссоздать некоторую зрительную картину, представить, как выглядит тот или иной персонаж, местность и т. д. *Повествование* описывает последовательность действий и/или событий, а *рассуждение* содержит изложение мнения автора, оценку возможного развития событий и т. п., что можно отнести к сведениям «отвлеченно-абстрактного характера» [3, с. 4].

Все виды речетворческих актов в рамках контекстно-вариативного членения подразделяются на две большие группы: к первой группе относятся разновидности авторского дискурса, во вторую – И. Р. Гальперин включает контекстно-вариативные формы «чужой речи», т. е. речи персонажей. При этом необходимо учесть, что из всех форм «чужой» речи только диалог в наибольшей степени независим от автора художественного произведения. Всё, что относится к разновидностям несобственно-прямой речи, фактически транслируется через речь автора, и нужны специальные маркеры и специальный стилистический анализ для того, чтобы отделить речь автора от речи действующих лиц художественного произведения. Цитация также отражает мнение автора, который выбирает из «чужой речи» некий фрагмент, наиболее подходящий для реализации авторского замысла.

Таким образом, среди всех форм контекстно-вариативного членения диалог занимает особое положение. В диалоге писатель как бы передает свои функции рассказчика персонажам. Диалог непосредственно воспроизводит речь персонажей и позволяет читателю «услышать», что персонажи собираются делать и как они оценивают происходящее. В этом смысле диалог не прерывает авторский рассказ о происходящем, но продолжает «развивать действие».

Рассмотрение той информации, которой коммуниканты обмениваются в ходе диалога, с точки зрения ее референции (предмета сообщения) показывает, что диалог по своей референциальной отнесенности может быть близок описанию, повествованию или рассуждению.

Например, высказывания, выделенные в контексте (1), фактически представляют собой описание:

- (1) ‘What are you doing up here?’ asked Norman vaguely, as if he had just been awakened.
‘Same thing you are,’ replied Alison unpleasantly. ‘Looking for a place to cool off and be by myself.’
‘*The river looks as if it were made of glass from here.*’
Alison leaned against the board that barred the drop-off at Road’s End.
‘*It doesn’t seem to be moving at all,*’ she said.
‘*Nothing in the whole town seems to be moving.*’
‘*It looks like a toy village, with everything made out of cardboard*’
[10, с. 136].

Глазами персонажей читатель «видит» жаркий полдень в маленьком американском городке, реку, которая абсолютно неподвижна под

слепящими лучами солнца, и сам городок, который издали кажется игрушечным. Описание очень компактное – живая зрительная картина создается двумя-тремя штрихами. На описание указывает предмет сообщения, что обуславливает использование большого количества существительных – *place, river, glass, town, toy village, cardboard*. Более подробный анализ данного контекста показывает, что в нем присутствуют элементы рассуждения, на что указывают неоднократно повторяющиеся глаголы *to seem, to look like*, а также формы сослагательного наклонения *as if it were*.

Проведенный нами анализ показывает, что «описательный диалог» одинаково часто встречается в разных жанрах англоязычной художественной литературы – в романах и коротких рассказах, в произведениях научной фантастики, в детективах, в путевых заметках и др., причем обычно сочетается в пределах одного диалога с другой контекстной формой – с рассуждением. Например, в примере (2) собственно описание (выделено подчеркиванием) сопровождается комментарием говорящего (выделено курсивом).

- (2) His sharp black eyes didn't miss anything in my face.
'Well, Mr. Marlowe, what can I do for you?'
'Tell me about the Basher Doubloon.'
'Ah, yes,' he said. 'The Basher Doubloon. *An interesting coin.*' He lifted his hands off the desk and made a steeple of the fingers, like an old time family lawyer getting set for a little tangled grammar. *'In some ways the most interesting and the most valuable of all early American coins... Do you want me to tell you?'*
'What I'm here for, Mr. Morningstar?'
'It is a gold coin, roughly equivalent to a twenty-dollar gold piece, and about the size of a half-dollar. Almost exactly. It was made for the State of New York in the year 1787. It was not minted. There were no mints until 1793, when the first mint was opened in Philadelphia. The Brasher Doubloon was coined probably by the pressure moulding process and its maker was a private goldsmith named Ephraim Brasher, or Brashear. Where the name survives it is usually spelt Brashear, but not on the coin. I don't know why' [6, с. 46].

Как видно из примера (2), художественный диалог дает читателю информацию не только о том, как выглядит монета, хотя по предложенному персонажем описанию можно легко представить себе и саму монету, и ее размер, и надпись на ней, но также ощущение мистической

ауры, окружающей этот артефакт. Этот эффект обеспечивается градацией (*interesting* → *most interesting*), фактами из истории монеты: *It was not minted; there were no mints until 1793, when the first mint was opened in Philadelphia; its maker was a private goldsmith named Ephraim Brasher, or Brashear*, а также указанием на то, что о монете далеко не все известно: *I don't know why*. Вся эта информация мало что добавляет к описанию внешнего вида монеты, но хорошо передает отношение окружающих к предмету описания.

Можно было бы полагать, что рассуждение (комментарий говорящего) должно быть самой частотной контекстно-вариативной формой в диалогах произведений художественной прозы. Однако в чистом виде рассуждение появляется достаточно редко, на небольших по протяженности участках диалога, например:

(3) 'Have you decided what you want?' inquired Bebita.

'Yes, I know what I want, but it's a question of price. The owner does not look as though he's going to be reasonable.'

'He looks so *sweet*,' she said, and really meant it.

'Well,' I said at last, 'he doesn't look sweet to *me*' [8, с. 193].

Как известно, различные виды контекстно-вариативного членения редко присутствуют в художественной прозе в чистом виде; в тексте художественного произведения они обычно переплетаются, создавая единую ткань авторского нарратива. Аналогичным образом конструируется и художественный диалог: в ходе коммуникации могут описываться различные объекты (аналог описания), коммуниканты могут высказывать свое отношение к происходящему (аналог рассуждения) или же могут обсуждать последовательность своих или чужих действий (аналог повествования). При этом все контекстные формы могут разворачиваться параллельно, передавая разную информацию.

Особое место в числе других контекстно-вариативных сегментов диалога в художественной прозе занимает диалогический аналог повествования.

Рассмотрим следующий контекст.

(4) 'I'm from CBA News.' She showed her network press card.

His eyes were frankly appraising. 'Yes, I know.' ...

'What's going on?'

The officer hesitated. 'You're supposed to call the Public Information Office ___'

Rita said impatiently, 'I'll do that later. It's urgent, isn't it? So tell me.'
'Muskegon Airlines is in trouble. One of their Airbuses had a mid-air. It's in on fire. We're on Alert Two, which means all the emergency stuff is rolling, heading for runway one-seven left.' His voice was serious. 'Looks pretty bad.'

'I want my camera crew out there. Now and fast. Which way do we go?'
The DPS man shook his head. 'If you try it unescorted, you won't get beyond the ramp. You will be arrested' [9, c. 21].

Из нескольких строк приведенного выше диалога читатель получает информацию о пожаре на борту пассажирского самолета, о смертельной опасности, грозящей пассажирам, о мерах, которые пытаются предпринять соответствующие службы в аэропорту, и о вездесущих журналистах, стремящихся раньше всех оказаться на месте происшествия, несмотря на запреты.

Совершенно очевидно, что передаваемое в контексте (4) содержание по своей референтной отнесенности очень близко повествованию – изложению последовательности происходящих (или происходивших) событий. Это, в свою очередь означает, что информация, получаемая читателем из диалога, – это информация, формирующая сюжетную линию произведения художественной прозы. Можно сделать вывод о том, что читатель получает информацию о происходящих событиях из двух источников: во-первых, от автора-повествователя, и, во-вторых, от персонажей, которые рассказывают друг другу о том, что они собираются делать, что они делали и почему.

Таким образом, в произведении художественной прозы как бы присутствуют две линии повествования. Первую линию формирует рассказ автора-повествователя, вторую линию формируют высказывания персонажей. При этом одна линия повествования не только не исключает другую линию повествования, но, напротив, поддерживает и дублирует ее. Более того, обе эти линии повествования (от автора и от персонажей) не могут существовать друг без друга. Например, за три абзаца до контекста (4) автор-повествователь в своем собственном нарративе вводит информацию, которая объясняет последующие действия персонажей и в определенной степени дублирует содержание диалога:

(5) Then he became aware of some activity nearby.

The two DPS officers were still in the bar through which they had moved casually, but had suddenly become attentive and were listening to their

walkie-talkies. An announcement was being transmitted. Partridge caught the words, '... condition Alert Two... mid-air collision... approaching runway one-seven left ... all DPS personnel report...' Abruptly, hurrying, the officers left the bar [9, с. 20].

Повествование о происходящих событиях, которое ведется параллельно автором-повествователем и персонажами, делает изложение объемным, видимым с разных точек зрения, и позволяет писателю добавлять к формирующейся у читателя картине происходящего те детали, которые необходимы для дальнейшего развития сюжета.

Таким образом, диалог в художественной прозе (или полилог при большем количестве участников) – это своеобразный «текст в тексте», на основании которого легко представить себе происходящие события и восстановить сюжетные линии, о которых параллельно рассказывает и автор-повествователь.

Однако, будучи относительно самостоятельной текстовой подструктурой в тексте художественной прозы, диалог обнаруживает большее количество форм контекстно-вариативного членения, чем авторский нарратив. Прежде всего это связано с тем, что в художественном произведении диалог воссоздает в художественной форме реальную коммуникацию, которая помимо собственно информационного обмена включает в себя ситуацию установления контакта между коммуникантами, поддержание канала коммуникации, а также фатическое общение. Кроме того, те языковые средства, которые используют участники в реальной коммуникации, помимо информации о происходящих событиях передают значительные объемы информации о самих говорящих – об их происхождении, уровне образования, об их эмоциональном состоянии, о скрытых и явных мотивах, о степени уверенности или неуверенности в себе, о желании обмануть собеседника или, напротив, доказать ему свою искренность, т. е. обо всем том, что мы узнаем о своем собеседнике по его манере говорить и по его речевому поведению в разных ситуациях общения. В авторском нарративе вся эта информация передается, во-первых, через комментарий (рассуждение) писателя и, во-вторых, через внутреннюю речь персонажей (в разных формах). При этом в данной ситуации диалог также оказывается более экономичным способом трансляции больших объемов информации: читатель, «слушая персонажей», может посредством инференции декодировать намного больше смыслов, чем писатель может передать в своем рассуждении или объяснении.

Выделение различных форм контекстно-вариативного членения диалога в художественной прозе представляется важным направлением дальнейших исследований в сфере стилистики. Вопрос о возможной методологии в этом плане пока остается открытым, хотя можно полагать, что фреймовые семантики могут оказаться весьма полезными в ходе такого анализа [1; 7]. При этом, предваряя специальное исследование, следует отметить, что художественный диалог представляет собой очень сложную текстовую структуру, по-видимому, иерархически организованную. Как мы отмечали выше, диалог передает несколько потоков информации, среди которых можно выделить по крайней мере три: информацию о происходящих событиях (аналог авторского нарратива); информацию о персонажах, их эмоциях и мотивах, и информацию о том, как «выстраивается» диалог или полилог, т. е. о том, как люди вступают в контакт, в какой ситуации (официальной или неофициальной) происходит общение и т. д. Информация третьего потока в настоящее время определяется как метадискурсивная (см. о метадискурсе [4; 5]).

Все три потока информации декодируются слушающим (или читателем) в процессе коммуникации. Это означает, что каждый из данных потоков основывается на фреймовых семантиках – структурах знания об окружающей действительности [7; 11]. Совершенно очевидно, что для каждого из трех потоков характерен свой собственный набор фреймовых структур. Информация о событиях, происходящих в фикциональном пространстве, строится на системе фреймов, конструирующих сюжет художественного произведения.

Информация о персонажах частично выводится из сюжетной линии, но также в значительной степени задействует знание читателя об особенностях поведения людей и о причинах и проявлениях человеческих эмоций. И, наконец, знание метадискурсивных структур диалога необходимо для понимания того, как условия коммуникации влияют на речевое поведение индивидов. Все три системы фреймов тесно взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, однако для целей анализа их можно разделить и рассмотреть по отдельности. Соответственно контекстно-вариативное членение диалога должно учитывать фреймовые основания всех трех информационных потоков, присутствующих в диалоге.

В заключение остановимся на вопросе о том, чем может определяться выбор форм контекстно-вариативного членения диалога в том

или ином художественном произведении. При этом мы оставляем в стороне фактор индивидуального стиля писателя, который может в большей степени опираться на собственное повествование и объяснение происходящего, но может чаще использовать диалог. Среди прочих факторов, влияющих на использование диалога, во-первых, и факторов, влияющих на выбор аналогов повествования, рассуждения и описания, во-вторых, следует прежде всего назвать тот литературный жанр, к которому относится некоторое художественное произведение.

Традиционные литературные жанры, такие как исторический роман, психологический роман, детектив, произведения научной фантастики, путевые заметки, в значительной степени связаны с определенной тематикой, что может объяснить наши предварительные данные о частотности описательного диалога, повествовательного диалога и диалога-рассуждения в англоязычной художественной прозе. Описательный диалог чаще встречается в детективах, что может быть связано с тем, что в этих жанрах большое значение имеют детали, причем именно персонажи должны их заметить и привлечь к ним внимание читателей, поскольку эти детали важны для развития сюжета и могут иметь решающее значение для поиска преступника. В детективах также частотен диалог-рассуждение; особенно это характерно для классического детектива, где гениальный частный детектив по ходу всего текста объясняет своему напарнику (условному *доктору Ватсону*), почему он пришел к тому или иному заключению. В полицейском детективе и в «судебном» детективе (*courtroom story*) увеличивается роль диалога-повествования, что, очевидно, связано с выяснением обстоятельств расследуемого дела. В текстах научной фантастики превалируют диалоги-рассуждения и диалоги-повествования, в то время как в психологическом романе диалоги-рассуждения и диалоги-описания. В жанре путевых заметок не так много постоянных персонажей, поэтому и диалогические контексты встречаются нечасто. При этом наиболее частотной формой контекстно-вариативного членения диалога здесь является аналог повествования.

Эти данные, как уже отмечалось выше, носят предварительный характер, однако они показывают, что, несмотря на значительное количество работ, посвященных художественному диалогу, далеко не все особенности этой контекстной формы получили достаточное

освещение в лингвистической литературе. По нашему мнению, дальнейшее исследование принципов конструирования диалога в художественной прозе может позволить лучше понять те механизмы, которые обеспечивают репрезентацию реальной устной коммуникации в литературных произведениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е.Г.* Коммуникативная лингвистика: путь к когнитивной парадигме лингвистических исследований (использование фреймовых структур при анализе диалога) // Колшанский Геннадий Владимирович (1922–1985). Статьи разных лет. Развитие идей ученого в трудах его соратников и учеников. – М.: МГЛУ, 2006. – С. 227–244.
2. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
3. *Гришина О.Н.* Соотношение повествования, описания и рассуждения в художественном тексте (на материале английской и американской прозы XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 20 с.
4. *Губарева О.Н.* Сопоставительный анализ способов метадискурсивной организации англоязычных и русскоязычных научно-учебных текстов по экономике : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 24 с.
5. *Дубровская О.Г.* Социокультурная специфика дискурса: субъектный принцип формирования. – Тамбов : ТГУ, 2014. – 265 с.
6. *Chandler R.* The High Window. – London : Pan Books, 1972. – 192 p.
7. *Fillmore Ch.* Frame semantics // Linguistics in the morning calm, ed. The Linguistic Society of Korea. – Seoul : Hanshin, 1982. – P. 111–137.
8. *Durrell G.* The Drunken Forest. – London : Penguin Books, 1981. – 203 p.
9. *Hailey A.* The Evening News. – London : Corgi Books, 1990. – 647 p.
10. *Metalious G.* Peyton Place. – London : Pan Books, 1959. – 379 p.
11. *Minsky M.* A framework for representing knowledge // Frame conceptions and text understanding. – Berlin : de Gruyter, 1980. – P. 1–25.

УДК 81'42

О. П. Крюкова

доктор филологических наук, профессор-методист кафедры русского языка, иностранных языков и литературы МИСиС; e-mail: krukova-op@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРЕЙМА КАК МАТРИЦЫ ДЛЯ АНАЛИЗА И СИНТЕЗА НАУЧНОГО ДИСКУРСА

В статье описан эксперимент по созданию и использованию бинарной фреймовой структуры в качестве матрицы для анализа и синтеза текстового материала научной проблемы. Полученный лингвистический материал анализируется в терминах когнитивной стилистики.

Ключевые слова: фрейм; матрица; широкозначное понятие; интертекстуальность; семантическая сеть; когнитивное картирование; структурированный дискурс; семантическая классификация.

Kryukova O. P.

Ph. D., Professor, Methodology of Teaching Chair of the Russian language, foreign languages and literature Moscow Institute for Steel and Alloys; e-mail: krukova-op@yandex.ru

USING FRAME AS MATRIX FOR ANALYSIS AND SYNTHESIS OF SCIENTIFIC DISCOURSE

In the article an experiment is described where a binary frame structure (pragmatic and linguistic) is created to be used as matrix for analysis and synthesis of text material of a scientific problem. The linguistic material got as a result is analyzed in terms of cognitive stylistics.

Key words: frame, matrix, notion with broad meaning, intertextuality, semantic net, cognitive mapping, structured discourse, semantic classification.

1. Постановка проблемы

Развитие стилистики находится сегодня под влиянием информатики, когнитивной психологии, семантики и других наук, комплекс которых определяет развитие и трактовку коммуникативных процессов. Фреймовый метод как способ представления информации в виде сжатого структурированного текста – это феномен, который существует на практике *de facto*, но научно-лингвостилистически не описан. Это описание может помочь понять его природу и разработать практические указания о его использовании в лингвистическом аспекте. Этим объясняется цель данной статьи – дать научную лингвостилистическую трактовку фреймовому методу и тому продукту, который может быть получен в результате его применения.

Для реализации цели ставятся следующие задачи: разработать фрейм, описать его параметры как лингвопрагматической матрицы или фильтра, далее, отобрав текстовый материал научной проблемы, пропустить его через матрицу, снова проанализировав и переписав его под заданные параметры, оценить полученный результат.

План изложения материала следующий: после введения – «Постановки проблемы» – дается ряд основных положений и определений, отражающих подход автора, далее в разделе «О когнитивных признаках фрейма» описываются признаки матрицы исходя из исследований автора, и в разделе «Эксперимент» приводится описание эксперимента на материале теоретической фонетики (Раздел «Изменения звуков речи в речевом потоке»). В итоге – «Выводы».

Объем статьи не позволяет подробно описать эксперимент, в связи с чем нам пришлось ограничиться в разделе «Эксперимент» описанием отдельных примеров и феноменов, которые, мы надеемся, смогут дать читателю систематическое представление о целом.

2. Основные положения и определения

В научной литературе существует большое количество определений фрейма. Их многообразие продиктовано как сложностью самой модели, так и различными задачами авторов. Далее мы приводим те, которые нам представляются наиболее важными, акцентируя различные аспекты этого сложного феномена.

Динамика. По мнению Р.В. Гуриной, суммирующей подходы различных авторов, фрейм – динамическая концептуальная система, которая выстраивается в процессе обработки информации в сознании индивидуума как ментальная репрезентация в виде сжатого текста, контурной схемы, удобной для хранения в памяти [6]. Эта схема достраивается в процессе дополнения информации.

Вероятностная перспектива. Далее указывается, что фрейм – модель сложная, обеспечивающая вероятностное представление о поведении исследуемого объекта, ситуации и т. п. [6]. Ментальная репрезентация может также содержать и другие компоненты отображения реальности: сценарии, образы.

Непрерывность. Мы особо отмечаем тот факт, что в типологии фреймов одним из важнейших типов является фрейм-классификация, разработка которого требует изучения всех незаполненных позиций в ментальной репрезентации и в самой модели.

Лингвистичность. Фрейм – модель лингвистическая, она несет в себе информацию о лингвистических выборах, которые обслуживают процесс мышления по данной тематике [7].

Компактность. Фрейм – модель, способная распаковываться, раскрывать свои слоты (или семантические поля) и превращаться из сжатой схемы в дискурс. Последний трактуется, вслед за Г. М. Фадеевой [13], как система лингвистических компонентов – текстов, суб-текстов, высказываний по определенной тематике¹.

На основании определений фрейма мы гипотетически полагаем, что, будучи сжатым текстом, он несет в себе признаки стиля. И как фреймовый стиль он должен на уровне модели конструироваться из двух компонентов – фреймовой концептуальной модели и дискурса, представляющих собой когнитивное единство, где модель выполняет функцию матрицы, задающей через семантическую сеть связей свойство семантической непрерывности, соединяющей воедино компоненты дискурса, а также необходимую совокупность вероятностей, которые обеспечивают ее прогнозируемость, прозрачность внутренней структуры, интертекстуальность в информационном пространстве научного коллективного сознания. Особо следует подчеркнуть, что фрейм должен быть бинарным, т. е. содержать прагматическую и лингвистическую коммуникативную концептуальную модель. Вторая, коммуникативная, будет раскрываться в дискурс.

Мы также гипотетически полагаем, что если мы способны выстраивать фреймы как продукт обработки информации, объективирующий наше знание в компактной абстрактной форме, то возможно и обратное, использовать готовый фрейм для распаковки и проектирования изложения, направляя его в нужное и заданное моделью русло. В таком случае возможно получение вторичного продукта – дискурса, построенного на основе концептуальной модели фрейма, дискурса с новыми когнитивными стилистическими свойствами, которые эта модель проецирует на дискурс. Это положение определяет методический подход к организации данного исследования и его цель: написание дискурса научного стиля на основе фрейма. Полученный продукт может рассматриваться как материал лекции, раздел методического пособия.

¹ См. также [8], где представлена фреймовая модель наивной грамматики английского языка, в компактном представлении сведенная к категориям Аристотеля.

3. Когнитивные признаки фрейма

Концентрированность информации – большой объем содержания при малом объеме текста. Это достигается за счет того, что модель носит субстантивный (назывательный) характер, имеет вид классификации. Модель имеет нелинейную, парадигматическую организацию, где есть иерархия с отношениями между понятиями типа «род» – «вид» и нет горизонтальных когезивных связей. Рационализм этого свойства в том, что необходимо работать с меньшим объемом текста.

Связность – все понятия, используемые в модели связаны семантически и представляют собой единую непрерывную семантическую сеть, покрывающую и скрепляющую воедино всё информационное поле моделируемого объекта.

Транспонируемость – каркас фрейма может использоваться для интерпретации других данных (или другой тематики). Тем обстоятельством, что один фрейм концептуализирует или категоризирует разные предметные области, достигается экономия ресурсов памяти.

Цельность – моделируемый объект должен быть изучен, представлен и классифицирован полностью, с учетом всех аспектов своей тематики или «фасетов». Производится «фасетная классификация»¹. Фасетная классификация – классификация, в которой понятия представлены в виде фасетной структуры, а классификационные индексы синтезируются посредством комбинирования фасетных признаков в соответствии с фасетной формулой [1]. Полученный результат может быть описан как картина мира, концептосфера и т. п.

Инфографическая образность – модель графически представляется в виде структуры, схемы, рисунка. Это может быть граф или древовидная структура, возможны и другие виды инфограмм, способные усилить эффект концентрированности содержания. Такие схемы дают возможность представлять большой объем содержания на одном листе, в едином образе.

Когнитивная интероперабельность – способность концептов данной модели индуцировать другие мысли, представления в сознании по аналогии с исходной. Возникает ситуация когнитивной интертекстовости, когда возникают сопоставления различных

¹ Фасетная классификация – классификация, в которой понятия представлены в виде фасетной структуры, а классификационные индексы синтезируются посредством комбинирования фасетных признаков в соответствии с фасетной формулой [1, с. 160].

проблем и тематик, имеющих сходные семы и ролевые отношения между понятиями. Это достигается за счет того, что семантические связи создаются между понятиями, имеющими сходные семы. Связи между терминосистемами мотивируются через эти семы.

Динамизм: фрейм – модель динамическая, которая достраивается в процессе обработки информации, получаемая классификация требует заполнения всех свободных позиций.

4. Эксперимент

Для когнитивного моделирования проблемы научного стиля автором предлагается фрейм-каркас, моделирующий организацию научного исследования. Материалом исследования является «Теоретическая фонетика», раздел «Изменение звуков речи в речевом потоке»¹. Для придания динамики анализу этот фрейм расположен в семантическом поле понятия «изменение» (см. рис 1.).

Рис. 1. Прагматический компонент бинарного фрейма (теоретическая фонетика / изменение звуков речи в речевом потоке)

Сема «изменение» встраивается во все составляющие информационного поля подтемы, она изначально пуста в плане денотатов и конкретизирует свою семантическую структуру за счет комбинирования с различными денотатами. Объединяющую функцию выполняет само это родовое понятие.

¹ При отборе и анализе материала использовались различные учебники, однако ссылки даются на основные источники, использованные в данной статье [3; 12].

Лингвистический компонент бинарного фрейма включил следующий набор категорий – имен субтекстов: гипотезы, закономерности, тенденции, оценки, процессы, свойства, эффекты, факты, аргументы, мнения, проблемы, выводы. Перечень лингвистических категорий включает те единицы, которые могут быть изложены как субтексты, кратко, и маркированы наличием определенных лексических и/или фразеологических единиц, соединяющих их с родовым широкозначным понятием по принципу общее – частное¹.

Далее мы переходим к анализу примеров на материале семантических полей концептов прагматического и лингвистического рядов.

4.1. Об интертекстуальности и транспонируемости фрейма семантического поля «Идея»

На данном примере демонстрируется эффект транспонируемости фреймовой модели представленных знаний (далее ФМПЗ) на другие предметные области, а также эффект интертекстуальности – активации идей и представлений из фоновых знаний субъекта, обусловленный широкозначностью ключевых понятий, их использованием в других областях знаний.

Какое содержание должна нести «Идея»? Во-первых, «Идея» дает обобщенное представление об исследуемом феномене. Раскрытие «Идеи» через призму «Изменение» состоит в следующем. Доказано опытом (далее в скобках текст автора²), что *[изменения в Структуре материи ведут к тому, что в измененном варианте она (материя) приобретает новые Свойства, способные реализовать новые Функции, что меняет Значение данного феномена для человека]*. Стереотипы сознания выделяются скобками, а концепты фрейма выделяются прописными буквами.

Данный стереотип идеи и часть прагматического фрейма [Структура – Функция – Значение] может быть переносим на другие области науки. Очевидными являются для человека приложения данного стереотипа к области металлургии: *[Изменение физико-химических*

¹ О широкозначности см. работу И.А. Сёминой [10].

² Текст в скобках иллюстрирует активацию фоновых знаний, написан автором статьи как пример внутренней речи человека, который специалистом в этой области не является, но интерпретировать прочитанное может за счет широкозначности используемых категорий, а также наличия в рассуждении здравого смысла.

свойств металлов, позволяет менять их Свойства. При этом возникают новые виды материи – сплавы, которые имеют новые функции и значение для практической деятельности человека, решая ранее нерешенные задачи в машиностроении и других областях].

И еще пример, но уже из области нанотехнологий. [Использование свойств материи на микроуровне, т. е. с измененной Структурой в нанотехнологиях позволяет менять Свойства материи, создавать новые ее виды (Материалы), имеющие другие (новые) Функции и другое Значение (способы использования человеком в практике)].

Об эффекте непрерывности¹ в семантической сети

А теперь перепишем данный стереотип на материал теоретической фонетики – Фонология / Изменение фонем в потоке речи. [Изменения в Структуре звуков речи (фонем), происходящие под влиянием контекста и темпа речи, включают эффекты звуковой адаптации и ассимиляции, что позволяет сохранить внешние функции речи (ее динамизм, слитность), но при этом ведут к изменениям в структуре звуков речи для реализации экономии усилий и комфортности в процессе произношения. Звуки речи в измененном варианте приобретают новые Свойства, способные реализовать новые Функции ассимиляции и аккомодации в типовых ситуациях-контекстах, что меняет Значение данного феномена для человека, реализуя различные эффекты в рамках стилистических подсистем языка].

Важно то, что идея должна существовать в сознании людей как некий обобщенный стереотип смысловой интерпретации, вызванный или оформившийся как результат интертекстуальности языка науки в целом и глубинного сходства опыта. Но возникает этот эффект за счет другого – эффекта непрерывности категориальных широкозначных лексических понятий, семы которых проникают в термины других областей, но при этом доминирующие семы могут сохраняться.

Эффект непрерывности за счет семантической сети продолжается в результате за счет передачи значений уже на уровне терминов. Так, например, понятия «ассимиляция» и «аккомодация», несущие в себе сему Изменения, которые мы увидели в тексте Фонологии, используются и в других областях науки. И некоторые из их значений совпадают с теми, которые активируются в теоретической фонетике. Они интерпретируются в субтекстах определения как

¹ Об эффекте непрерывности в лексике см. [2].

уподобление и приспособление и могут соотноситься с названными как общее и частное.

Приведем цитату из словаря: «адаптация (*позднелат.* adaptatio – приспособление), в биологии приспособление строения и функций организмов (и их групп) к условиям существования. В физиологии и медицине обозначает также процесс привыкания» [11, с. 22].

Это общие широкозначные понятия и одновременно семы, объединяющие различные предметные области и вызывающие интертекстуальность между теоретической фонетикой (ТФ), биологией и др. – приспособление, уподобление, заложенные в более узкозначные понятия – адаптация и ассимиляция.

Таким образом, поле ИДЕЯ содержит несколько лингвистических компонентов: общая междисциплинарная ИДЕЯ, которая суммирует смысл всего прагматического фрейма. И вторая, специальная идея, ориентированная на ТФ. Эта идея говорить о наблюдениях фонетистов, опытных данных, которые требуют дальнейшего исследования проблемы изменения звуков речи под воздействием речевого контекста.

4.2. О классификации и когнитивном картировании – поле «Сценарий»

Концепт «Сценарий» предполагает наличие в своем поле субтекста «План реализации исследования» (см. рис. 2.).

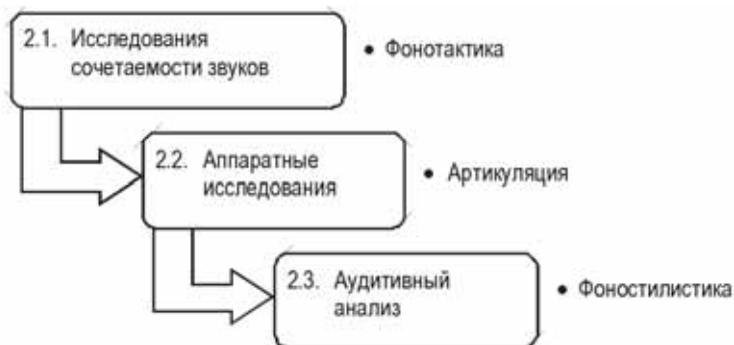

Рис. 2. Сценарий / план реализации исследования

Обращаем внимание читателя, что здесь в классификации представлены номера. Это также принцип фреймового метода описания

проблемной задачи: все элементы должны быть пронумерованы в соответствии с их местом в классификации и, соответственно, в семантическом пространстве проблемы. Это принцип когнитивного картирования. Концепт «Сценарий» также предполагает детализацию верхнего уровня и реализацию другого мыслительного стереотипа, который описывает различные взгляды на саму проблему (т. е. рассмотрение одного и того же под другим углом зрения), фасетность проблемы (рассмотрение всех ее аспектов в рамках каждой поставленной проблемы или ее варианта), классификация каждого фасета как рода и вида.

Интересно то, что проблема изменений звуков речи в теоретической фонетике может рассматриваться, по крайней мере, в трех разных вариациях: 1) как изменения фонем в ответ на влияние контекста (т. е. фонем соседних). Это изменения, ориентированные на описание вариативного контекста; 2) изменения, ориентированные на прототип – основной вариант звука речи, или фонему; 3) как изменения фоностилля, результат проявления небрежности говорящих и искажения нормы (patterns of simplification).

Фреймовое моделирование предусматривает, что каждое из указанных направлений должно содержать дальнейшее деление фрейма-каркаса на субфреймы, реализуя движение от общего к частному. В качестве примера приведен субфрейм по направлению – Контекстные изменения звуков \ \ Согласные \ \ Assimилиция.

Вся матрица заполняется при рассмотрении полей «Структура» и «Функции», где должно даваться описание структуры фонетических единиц и их перечень, а также перечень тех контекстов, в которых они употребляются в измененном виде.

Итогом всего аналитического представления должны стать ряды таксономических единиц. И мы пройдем в анализе проблемы от общего к частному, от широкозначных понятий и фасетов, к узкозначным и таксономиям. При этом соблюдаются все требования матрицы: концентрированность, цельность, связность, транспонируемость, инфографическая образность, интертекстуальность и интероперабельность.

Выводы

1. Данное исследование носит предварительный характер, и выводы, которые мы можем сделать здесь, также предварительные.

2. По-видимому, в современной научной речи мы наблюдаем новый фреймовый стиль. Он принципиально отличается в своих целях и методах от других стилей речи, описанных ранее. Речь здесь не идет об инвентаризации единиц (хотя мы их и так выводим) в соответствии с различными сферами общения и коммуникативными целями говорящих. Здесь идет речь о работе сознания, материализованной в языке, об организации смыслового пространства и его структурной обработке. Это очень строгий стиль, его представление картируется, и этим гарантируется точность передачи информации.

3. Категории предложенного здесь фрейма можно оспаривать, редактировать и дополнять. Важно то, что без них не сработает матричный подход, необходим этот фильтр, логизированный и лингвистически ориентированный.

4. Работы по описанию предметных областей такими методами, наверное, нужны. Но их выполнение требует больших усилий научных коллективов и должно иметь результатом программный продукт с поисковыми и консультирующими возможностями для использования в системе образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Башмаков А. И., Старых В. А.* Систематизация информационных ресурсов для сферы образования: классификация и метаданные. – М.: Рос. гос. ун-т инновационных технологий и предпринимательства, 2003. – 383 с.
2. *Беркетова З. В.* Непрерывность семантического пространства в лексике немецкого языка. – Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 1996. – 332 с.
3. *Васильев В. А., Буренкова О. В.* Фонетика английского языка (Нормативный курс). – Л.: Гос. изд-во Минобрнауки РФ, 1962. – 384 с.
4. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B3%D0%BB%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0
5. *Годман А., Пейн Е.* Толковый словарь английской научной лексики. – М.: Русский язык, 1989. – 684 с.
6. *Гурина Р. В., Соколова Е. Е.* Фреймовое представление знаний. – М.: Народное образование: НИИ школьных технологий, 2005. – 176 с.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. – 248 с.
8. *Крюкова О. П.* Самостоятельное изучение иностранного языка в компьютерной среде. – М.: Логос, 1998. – 122 с.

9. Лузина Л. Г. Распределение информации в тексте (когнитивный и прагматилистические аспекты). – М. : РАН ИНИОН, 1996. – 139 с.
10. Сёмина И. А. Когнитивно-функциональные основания теории субстантивной широкозначности (на материале французского языка): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014. – 352 с.
11. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет : А. М. Прохоров и др. ; гл. ред. С. М. Ковалев. – М. : Сов. энциклопедия, 1980. – 1600 с.
12. Соколова М. А., Тихонова И. С. Теоретическая фонетика английского языка. – Дубна : Феникс+, 2010. – 192 с.
13. Фадеева Г. М. «Лексикон – текст – дискурс» с позиций исследовательской практики // Язык в мире дискурсов: Лексикон. Текст. Дискурс. – М. : МГЛУ, 2009. – С. 93–102 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 559. Сер. Языкознание).

УДК 81'42

Н. Д. Токарева

кандидат филологических наук, профессор кафедры стилистики английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail tata2535@gmail.com

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА ИДЕОЛОГИИ СРЕДСТВАМИ СТИЛИСТИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Автор статьи рассматривает политический дискурс статьи из консервативной газеты на актуальную тему, связанную с острой политической дискуссией. В результате анализа становится очевидной интенсивность когнитивного диссонанса, который намеренно создается у читателя с помощью различных стилистических средств. Таким образом в его сознании формируется мнение, которое было целью всего тонко построенного дискурса, а именно преимущественное положение на политическом фоне консервативной партии.

Ключевые слова: дискурс; когнитивный диссонанс; стилистические приемы; политический фон.

Tokareva N. D.

Ph. D. Chair of English Stylistics, Dept of Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail tata2535@gmail.com

ACTUALIZATION OF IDEOLOGICAL COGNITIVE DISSONANCE THROUGH STYLISTIC MEANS IN ENGLISH MASS MEDIA

The article considers political discourse on the basis of an article from a conservative newspaper. The struggle is becoming tougher with the approach of the election to Parliament. The writer of the article deliberately creates cognitive dissonance in the reader's mind using a variety of stylistic devices. The outcome of the article inclines the reader to the only possible decision from the point of view of the paper that is to give the vote for the Conservatives.

Key words: discourse, cognitive dissonance; stylistic devices; political background.

Согласно теории когнитивного диссонанса [7] у тех, кто пользуется языком в какой-то конкретной сфере его применения, возникает общность видения проблемы или расхождение в понимании ее, которые в конечном итоге сводятся к когнитивному диссонансу в восприятии, мнениях, оценках, фактов объективной реальности или к противоположной точке зрения иной социальной группы или другого человека.

Поскольку стилистика является одним из индикаторов социальной языковой практики, любой текст может быть рассмотрен с точки зрения тех социальных контекстов, в которых язык употребляется

и вне которых он не может существовать. По мнению Дж. Тернера [8], два фактора обуславливают интенсивность диссонанса. Во-первых, это число несовпадающих позиций или точек зрения и, во-вторых, важность, которая приписывается тому или иному утверждению.

Диссонанс имеет место главным образом в тех ситуациях, где говорящему или пишущему необходимо сделать выбор между двумя или более (что случается гораздо реже) утверждениями, принципами или позициями. Теория когнитивного диссонанса применима прежде всего к рассмотрению *отношения* к какому-либо событию или какой-либо ситуации и выработки позиции к ним. Очень часто, как можно увидеть далее при анализе публицистического дискурса, позиции, формирующие диссонанс, являются противоречивыми, часто исключаящими одна другую.

Подход к рассмотрению публицистических дискурсов с точки зрения стилистики представляется абсолютно необходимым. Именно такой анализ с привлечением всего спектра языковых факторов является стержнем понимания дискурса в его многоплановом значении, так как дискурс стоит на пересечении целого ряда наук, в том числе психологии и психолингвистики, которые только в единстве могут способствовать пониманию когнитивных основ заложенных в диссонансе. По словам М. М. Бахтина [1], высказывание определяется не только своим отношением к предмету и к говорящему субъекту – автору (и своим отношением к языку как системе потенциальных возможностей данности), но, что для нас важнее всего, непосредственно к другим высказываниям в пределах данной сферы общения. Вне этого отношения оно реально не существует. Хотя М. М. Бахтин говорит о высказывании, рамки этого высказывания размыты и, по существу, могут быть истолкованы применительно к более широкому потоку речи, так как М. М. Бахтин говорит и о более развернутых высказываниях в данной сфере общения.

Согласно ван Дейку [5], идеологии представляют основные предпочтения различных социальных групп, отражая их самоидентификацию, цели, возможности и ценности. Поскольку идеологии являются также формами социального самосознания, они способствуют формированию представлений, свойственных данной социальной и культурной группе.

Газета является предметом чтения. По мнению М. И. Цветаевой, «что есть чтение – как не разгадывание, извлечение тайного

оставшегося за строками, за пределами слов... Чтение – прежде всего сотворчество» [3, с. 46]. Чтение показывает авторское понимание явлений и событий нашей жизни, но чтобы разгадать текст и извлечь из него то, что осталось за строками, за пределами слов, необходимо понять, как текст организован.

Накануне парламентских выборов в Великобритании столкновение мнений и борьба за возможность получения мест депутатов в британском парламенте становится наиболее ожесточенной, так как успешность предвыборной кампании может реализоваться в дальнейших возможностях победившей партии определять политику на следующий период и способствовать конструированию социальной реальности. Таким образом, идеология социальных групп и индивида, исповедующего идеалы и суждения, свойственные данной социальной группе (в данной случае это сторонники консерваторов), сочетаются в едином дискурсе. Но именно когнитивный диссонанс, выстроенный частично и на понимании объективной действительности, позволяет выявить противоречия внутри одной социальной группы, не говоря уже о диссонансе в понимании одних и тех же явлений и представлений разных социальных групп.

Предметом нашего анализа публицистического дискурса послужила статья из газеты «The Daily Telegraph» за 5 февраля 2015 г. [6], которая рассматривает экономическую ситуацию в Великобритании накануне очередных выборов в парламент. Поскольку консервативная партия находится у власти уже 4 года, следовало бы ожидать оптимистический экономический прогноз на последующий период с учетом тех шагов в сфере экономики, которые были сделаны за это время правительством. Но сам заголовок предполагает возникновение сомнений у читателя, так как, начиная с заголовка, который, как правило, предвосхищает общий тон статьи, читатель сталкивается с четко выраженными сомнениями по поводу экономического будущего Великобритании. Заголовок содержит негативные оценки, которые вызывают у читателя сомнения в отношении будущего экономики Великобритании. В заголовке «Changing Economic Times that May Finally End Britain's Age of Austerity» [6] содержится целый ряд указателей, которые не могут не вызвать если не тревогу, то сомнения в политике, проводимой главным образом консерваторами, при том, что в данном случае речь идет о коалиционном правительстве. Таким образом, уже заголовок приводит читателя в состояние когнитивного диссонанса,

когда уверенность в будущем подвергается сомнению. Заголовок ставит перед читателем на первый взгляд трудно разрешимую концептуальную задачу: с одной стороны, это определенная размытость смысла словосочетания *changing economic times*, что может формировать у читателя разноплановое или даже противоречащее здравому смыслу понимание того, что же на самом деле является стержнем высказывания, принимая во внимание общую направленность газеты. Заголовок содержит модальный глагол *may*, который предполагает возможность улучшения экономической ситуации в стране. Использование в заголовке наречия *finally* подводит читателя, при всей недосказанности заголовка в целом, к мысли о радужных возможностях развития экономики при новом консервативном правительстве. Эта недосказанность может быть интерпретирована как аллюзия к экономической политике противника, а именно лейбористов. Наличие в тексте заголовка словосочетания *age of austerity*, т. е. лишения, жестокая экономия, не может не быть воспринято как рефлексия на тему о состоянии экономики, которое является следствием пребывания лейбористов у власти (1997–2010). Лексическая единица *austerity* несет в себе много негативного смысла. По существу это означает *demolition of welfare state*.

Таким образом, уже заголовок выстраивает через тонко и умело подобранную систему лексических единиц взгляд консервативной партии на возможное улучшение экономической ситуации на фоне тяжелых последствий пребывания лейбористов у власти. Подбор лексических единиц *changing, may, finally* в противовес концептуальной метафоре *age of austerity* формирует представление читателя о нацеленности статьи, т. е. о возможности экономического улучшения положения страны.

В тексте статьи ясно прослеживается когнитивный диссонанс с помощью фразы *The economy is on course for another year of strong growth and low inflation*, причем следует иметь в виду, что рост экономики и низкая инфляция являются решающими факторами экономического успеха. При этом, в конце первого абзаца содержится риторический вопрос, в который удивительным образом включены разнонаправленные лексические единицы. С одной стороны, вопреки заголовку присутствует утверждение о звездном подъеме экономики (*stellar growth*), а с другой – сомнение в возможности Великобритании выбраться из финансовой дыры (*fiscal hole*). Таким образом, уже в первом абзаце присутствуют признаки, способствующие созданию

когнитивного диссонанса в сознании читателя, которые дальше прослеживаются на протяжении всей статьи. Далее мы читаем о некоторой потере темпов роста (*growth lost some momentum*), однако ожидается поступление больших финансовых средств (*higher spending*), несмотря на снижение цен на нефть (*falling oil prices*). Статья говорит о быстром росте потребления (*this enabled a consumption to grow strongly*). Хотя в следующем же абзаце употребляется художественный прием литоты (*the forecast is not without its risks*), что снижает радость перспектив, причем в данном случае литота играет важную роль в желании умозрительно уменьшить вероятность рисков. Для создания положительного видения будущего в противовес очевидным негативным факторам очень важны в статье эмоционально окрашенные прилагательные (*robust, strong growth, at a robust pace*). Таким образом, очевидна противоречивость, с которой автор представляет ситуацию. По мнению Ю. М. Лотмана, при имманентной замкнутости текста в нем развиваются «структурно-контрастные подтексты» [2, с. 86]. Для нас в этом словосочетании представляется особенно важным указание на контрастность, что по существу и формирует когнитивный диссонанс у читателя.

Восприятие читателем информации, как известно, происходит не совсем в плоскости текста, в его линейном понимании, а по мере его развертывания и с распределением внимания на одни или другие его элементы. Эмоционально выделенные элементы направлены на рефлексию по поводу трудностей, которые являются, по мнению газеты, следствием ошибочных действий правительств предыдущего десятилетия, но частично они также предупреждают о возможных трудностях на путях действия будущего консервативного правительства. Так, безусловно, как заголовок абзаца «Austerity», так и его использование в первом абзаце отсылает читателя к прошлому и возможному будущему в случае прихода лейбористов к власти (*UK households would have endured more than a decade of austerity*)

Наряду с этим, это же существительное повторяется в тексте еще один раз при ярком использовании метафоры (*to tear up the austerity agenda*), что возможно сделать, по мнению газеты, лишь при консерваторах. Вместе с тем нельзя не отметить вкрапление в текст возможных векторов развития экономики в противовес другим, что строится на антитезе, которая прослеживается на примере многочисленных противопоставлений и, в частности, на употреблении такой яркой

эмоционально окрашенной фразеологической единицы, как *belt-tightening* в сочетании с фразовым глаголом *to tear up*, который несет в себе значение резкости, решительности. Газета предупреждает читателя о наличии структурного дефицита в экономике, так как вопрос о дополнительном финансировании населения остается даже тогда, когда экономика достигнет приемлемого уровня, приписывая это также длительному пребыванию у власти лейбористов.

Когнитивный диссонанс создается не только с помощью лексических единиц, но и с помощью грамматических, особенно синтаксических структур, например с помощью повтора. Так, глагол *to implement* повторяется в статье шесть раз, причем необходимо отметить, что сочетания, в которых он употребляется, строго зависят от ближайшего контекста. Так, например, критикуя лейбористов, автор употребляет сочетания, несущие негативный оттенок (*to implement cuts*, *to implement extra expenses*). Диссонирующее сочетание *to implement changes*, которое используется в конце статьи, звучит обнадеживающе при изменении политической ситуации в случае победы консерваторов на выборах.

Графически выделенное существительное *austerity* (а также то, что это слово является последним в заголовке, а следовательно несет на себе основное значение всей фразы), при том, что оно неоднократно используется на протяжении всей статьи, как и значительное количество лексики с негативным значением, часто имеющей угрожающий характер, создает у читателей ощущение когнитивного диссонанса, когда на фоне предстоящих выборов избирателю придется сделать выбор между улучшением своего благосостояния и неизвестностью.

Примечательно, что в отличающейся либеральными взглядами газете от того же числа редакционная статья отмечает, что планы министра финансов консервативного правительства, если они будут реализованы, приведут к еще большей чем в любой другой стране напряженности в экономике. Здесь также употребляется существительное *austerity*, что нельзя не сопоставить с первым рассмотренным заголовком при разных акцентах, которые газеты делают в отношении своих идеологических установок.

Таким образом, в рассмотренной нами статье автор использует самые различные лингвистические средства, создавая у читателя чувство неопределенности с помощью хорошо выверенной техники. Автор

манипулирует средствами языка, в результате чего читатель оказывается в двойном капкане, по выражению антрополога Дж. Бейтсона [4, с. 94]. По существу, в статье содержится двойное послание: критика лейбористов и возможность улучшения экономического положения в стране в случае прихода к власти консерваторов. Читатель испытывает эмоциональное смятение на фоне концептуального диссонанса, но автор пытается донести до него надежды при возможной победе консерваторов на выборах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
2. *Лотман Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста. – Таллинн : Александра, 1992. – 240 с.
3. *Цветаева М. И.* Избранные сочинения: в 2 т. – Т. 2. Автобиографическая проза. Воспоминания. Дневниковая проза. Статьи. Эссе. – М. : Литература, 1999. – 653 с.
4. *Bateson G.* Mind and Nature, a Necessary Unity. – L. : Hampton Press, 1979. – 176 p.
5. *Dijk, T. A., van.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. – L. : Abebooks, 2006. – 210 p.
6. *Hope C.* Changing Economic Times that May Finally End Britain's Age of Austerity // The Daily Telegraph. – 05.02.2015. – P. 3.
7. *Festinger Leon* (Ed.). Conflict, Decision and Dissonance. – Vol. 3. – Stanford University Press, 1964. – 140 p.
8. *Turner J. C.* Towards a Cognitive Redefinition of the Social Group // H. Tajfel (Ed). Social Identity and Intergroup Relations. – Cambridge : Cambridge Univ. Press. – 252 p.

УДК 81'221.4

С. А. Андреева

кандидат филологических наук, профессор кафедры стилистики английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail: sandreeva1@yandex.ru

**ДИАЛОГ ВЕРБАЛЬНОГО И ВИЗУАЛЬНОГО:
ХУДОЖНИК И СЛОВО**

**(на материале сонета Д. Г. Россетти «Вино Цирцеи»
и одноименной картины Э. Бёрн-Джонса)**

Статья продолжает исследование связей между вербальным и визуальным в случае, когда живописное полотно и поэтический текст принадлежат разным авторам. Делается вывод о том, что эти связи разнонаправленны и несимметричны, что обусловлено разными коммуникативными целями художника и поэта.

Ключевые слова: образность; поэтический дискурс; вербальные и визуальные средства; прерафаэлиты.

Andreeva S. A.

Ph. D., Professor; Chair of English Stylistics Dept of Humanities and Applied Sciences MSLU; e-mail: sandreeva1@yandex.ru

**DIALOGUE OF VERBAL AND VISUAL:
THE ARTIST AND THE WORD**

**(on the Basis of Sonnet by D. G. Rossetti for
“The Wine of Circe” by Edward Byrne-Jones)**

The article continues research into links between the verbal and the visual in cases when the painting and the poem belong to different authors. The researcher comes to the conclusion that these links are asymmetrical and are differently directed in accordance with the communicative aims of the painter and the poet.

Key words: imagery; poetic discourse; verbal and visual means; Pre-Raphaelites.

Настоящая статья является продолжением проведенного в 2012 г. исследования «Словотворчество художника: образность прерафаэлитов» [1], в ходе которого мы рассмотрели связи между поэтическим произведением и живописным полотном, которые принадлежат одному и тому же автору.

Мы отмечали, что возможность сопоставления анализа живописного полотна и поэтического текста обусловлены следующими обстоятельствами:

1) и поэзия, и живопись являются формами эстетически значимой коммуникации, следовательно, их сравнение возможно;

2) художественный (поэтический) дискурс обладает «надлинейностью» восприятия, тесной взаимосвязанностью его элементов, ввиду которой ни один элемент не может быть отчужден без потери значимости для целого. Это обстоятельство позволяет сопоставить поэтический дискурс с гештальтом. В то же время визуальное сообщение воспринимается именно как гештальт, опять-таки делая сравнение возможным;

3) понимание картины невозможно без обращения к контексту, в котором она была создана и в котором она существует. В этом случае мы можем в некотором роде говорить об интертекстуальности картины. Наличие сопроводительного поэтического текста позволяет художнику направить понимание живописного произведения в нужное ему русло.

В диссертационном исследовании Е. В. Первенцевой [5] выделяются три функции визуальной составляющей формирования смысла художественного дискурса: якорная, когерентная и аддитивная.

Якорная функция визуальной составляющей закрепляет смысл текста путем фиксации отдельных свойств текстуально представленных объектов или определенной точки зрения на них.

Когерентная функция визуальной составляющей обеспечивает смысловую целостность художественного дискурса и реализуется путем выстраивания существенных связей между двумя пространствами. При этом визуальная составляющая устанавливает внутритекстовые и интертекстуальные связи и реализует дискурсивную стратегию выделения значимых смысловых фрагментов.

Аддитивная функция визуальной составляющей заключается в существенном дополнении или расширении смысла текста. В частности, она реализует дискурсивные стратегии повышения метафоричности текста, восполнения смысловых пробелов, расширения повествовательной точки зрения.

Однако наше предыдущее исследование [1] показало, что в случае сосуществования художественного полотна и поэтического текста на один и тот же сюжет функции эти действуют скорее разнонаправленно.

В ходе рассмотрения двух стихотворений Д. Г. Россетти, написанных для его собственных живописных полотен «Отрочество Марии»

и «Найденная», мы пришли к выводу о том, что картины выполняют якорную и когерентную функции по отношению к поэтическому тексту, в то время как текст, напротив, выполняет аддитивную функцию по отношению к художественному полотну.

В этой статье мы обратимся к вопросу о взаимоотношении между поэтическим текстом и живописным произведением, выполненным разными авторами. В качестве материала исследования мы взяли сонет Д. Г. Россетти «For the Wine of Circe» [8], написанный под влиянием одноименной картины Э. Бёрна-Джонса.

Dusk-haired and gold-robed o'er the golden wine
She stoops, wherein, distilled of death and shame,
Sink the black drops; while, lit with fragrant flame,
Round her spread board the golden sunflowers shine.
Doth Helios here with Hecaté combine
(O Circe, thou their votaress!) to proclaim
For these thy guests all rapture in Love's name,
Till pitiless Night give Day the countersign?
Lords of their hour, they come. And by her knee
Those cowering beasts, their equals heretofore,
Wait; who with them in new equality
To-night shall echo back the sea's dull roar
With a vain wail from passion's tide-strown shore
Where the disheveled seaweed hates the sea.

Д. Г. Россетти написал стихотворение в 1869 году для того, чтобы «включить упоминание произведения [Бёрна-Джонса] в мою книгу» (т. е. в сборник стихов 1870 года), как он написал Барбаре Бодикон. «Я попытался в первых строках дать представление о цветовой гамме, а в последних – некоторое понимание масштаба работы – понимая заколдованных зверей как образы уничтоженной страсти – как спутанные водоросли в море страсти. Вы, наверное, помните, что на картине есть окно с видом на море и парусники, которые везут новых любовников и жертв колдуньи»¹.

Картина была написана Э. Бёрном-Джонсом в период с 1863 по 1869 год, моделью для Кирки (Цирцеи) выступила Мария Замбако, проживающая в Лондоне гречанка, которая вдохновила художника на ряд полотен [7].

¹ Письмо Д. Г. Россетти от 15 марта 1870 года. Цит. по: [8].

О Кирке (Цирцеи) существуют разные мифы, но в целом можно отметить, что она считается дочерью Гелиоса (бога Солнца) и океаниды Персеиды [3]. Она состояла в родстве с Гекатой¹ и Медеей и – как и Геката, и Медея – считалась колдуньей. В частности, она опоила спутников Одиссея, превратив их в свиней.

На картинах она часто изображалась в окружении хищных животных, которых она смирила своими колдовскими чарами, а также с сосудами для вина, в которое она подмешивала свои зелья.

Подсолнухи вокруг ее стола – символ бога Гелиоса. Согласно легенде, нимфа Клития была в него влюблена, но он не обращал на нее внимания. Она грустила, и тогда боги превратили ее в подсолнух, который всегда неотступно следит за солнцем, поворачиваясь за ним весь день [4; 6; 9].

Художник изобразил Кирку в тот момент, когда она, согнувшись и облокотившись на стол, капают свое зелье в сосуд с вином, готовясь угостить им прибывающих на ее остров моряков. У ног ее два черных хищных зверя, смиренно глядящих на свою повелительницу.

Обратимся теперь к стихотворению.

Сонет состоит из 14 строк, написан пятистопным ямбом; схема рифмовки типична для итальянского сонета (первые 8 строк состоят из двух катренов с кольцевой рифмой, последние 6 – сестет с перекрестной рифмой, за исключением строк 13 и 14, где порядок обратный). Строки 5, 6 и 8 являются гиперометрическими, поскольку содержат 11 слогов.

В стихотворении присутствует значительное количество ритмических модификаций:

Dusk-haired and **gold-robed o'er** the golden wine
She stoops, wherein, distilled of death and shame,
Sink the black drops; while, lit with fragrant flame,
Round her **spread board** the golden sunflowers shine.
Doth Helios **here with** Hecaté combine
(O Circe, thou their votaress!) to proclaim
For these thy guests all rapture in **Love's name**,
Till pitiless **Night give Day the countersign**?

¹ Геката – богиня лунного света, преисподней и всего таинственного. Она была также богиней ведьм, ядовитых растений и многих других колдовских атрибутов [2].

Lords of their hour, they come. And by her knee
 Those **cowering beasts**, their equals heretofore,
Wait; who with them in new equality
 To-night shall echo back the sea's **dull roar**
 With a **vain wail** from passion's tide-strown shore
 Where **the disheveled seaweed hates the sea.**

Желтым цветом выделен спондей, а зеленым – ритмическая инверсия. Оба эти приема замедляют скорость прочтения текста и тем самым привлекают внимание к данному отрезку текста.

Жирным шрифтом мы выделили те элементы, которые отражают детали полотна, а подчеркнуты лексические стилистические приемы (эпитеты и метафоры). Таким образом мы видим, что максимальное совпадение по всем параметрам осуществляется только на словах *dusk-haired*, описывающих Кирку и открывающих описание картины.

Теперь обратимся к синтаксису и вновь попробуем найти корреляции между синтаксическими стилистическими явлениями и тем, что изображено на картине.

Dusk-haired and gold-robed o'er the golden wine
She stoops, wherein, **distilled of death and shame**,
Sink the black drops; while, **lit with fragrant flame**,
Round her spread board the golden sunflowers shine.
 Doth Helios here with Hecaté combine
 (O Circe, thou their votaress!) to proclaim
 For these thy guests all rapture in Love's name,
 Till pitiless Night give Day the countersign?
 Lords of their hour, they come. **And by her knee**
Those cowering beasts, their equals heretofore,
Wait; who with them in new equality
 To-night shall echo back the sea's dull roar
 With a **vain wail** from passion's tide-strown shore
 Where the **disheveled seaweed hates the sea.**

Здесь зеленым цветом мы выделили случаи *инверсии*, желтым – *обособление* (отделение определений от определяемого слова); жирным **шрифтом** отмечены случаи *аллитерации*, подчеркнуты случаи *ассонанса*. В строке 14 помимо аллитерации присутствует *ономатопея* (наличие шипящих и свистящих согласных передает шум морских волн, откатывающихся от берега).

В данном случае можно сделать вывод, что синтаксическими и фонетическими приемами насыщены именно те отрезки сонета, которые передают описание картины, а практически лишены синтаксических приемов те отрезки текста, которые обращаются к фоновым элементам мифа о Кирке, не представленным на картине.

Рассмотрим наличие лексических стилистических приемов в тексте:

Dusk-haired and gold-robed o'er the golden wine
She stoops, wherein, **distilled of death and shame**,
Sink the black drops; while, lit with **fragrant flame**,
Round her spread board the golden sunflowers shine.
Doth Helios here with Hecaté combine
(O Circe, thou their votaress!) to proclaim
For these thy guests all rapture in Love's name,
Till **pitiless Night give Day the countersign**?
Lords of their hour, they come. And by her knee
Those cowering beasts, their equals heretofore,
Wait; who with them in new equality
To-night shall echo back the sea's **dull roar**
With a **vain wail** from **passion's tide-strown shore**
Where the **disheveled seaweed hates the sea**.

Где желтым выделены эпитеты, а зеленым метафоры (поскольку не представляется возможным частично наложить 2 цвета друг на друга, случаи, когда эпитет, по сути, включен в состав метафоры, подчеркнуты). Опять-таки, мы видим, что значительное количество стилистически значимых явлений наблюдается в начале и в конце текста, а восьмая и четырнадцатая строки (заканчивающие восьмистишие и шестистишие, составные части итальянского сонета) содержат сочетание эпитета и метафоры.

Интересно, что из общего ряда как бы выпадают строки 5–8. В трех из них содержатся 11 слогов вместо 10, положенных в пятистопном ямбе; они содержат аллюзию, перечисляя всех мифологических персонажей, задействованных в истории Кирки; они содержат метафору и эпитет (*Till pitiless Night give Day the countersign*), но при этом они не передают содержание картины, а в некотором роде извлекают уроки из истории Кирки. Аналогично и строки 11–14 развивают историю Кирки, но представляют собой фантазии поэта, полет его воображения, для которого периферийная деталь картины (паруса в окне) выступают стартовой точкой.

Следовательно, в целом мы можем отметить, что поскольку картина и стихотворение принадлежат разным авторам (в отличие от нашего предыдущего исследования, где авторство было едино), взаимодействие между вербальной и визуальной составляющей усложняется.

Для Э. Бёрна-Джонса его картина выполняет якорную и когерентную функции по отношению к мифу о Кирке. Для Д. Г. Россетти его стихотворение выполняет все три функции по отношению к картине, причем роль аддитивной функции в тексте значительна, потому что развитие поэтом сюжета картины занимает больше половины текста. Думается, что это можно объяснить тем обстоятельством, что проникновение в смысловое пространство чужого живописного произведения для поэта менее важно, чем вербализация своих мыслей по этому поводу. Следовательно, поэт излагает содержание мифа, которое ему может быть знакомо и из иных источников, обращает внимание на значимые для него детали (в частности, использование цвета), но основное внимание уделяет морализаторской части мифа, его чувственным аспектам.

В заключение мы считаем необходимым отметить, что, конечно же, рано делать далеко идущие выводы о характере взаимоотношений между живописным полотном и поэтическим текстом, созданными разными авторами, но наше исследование может послужить стартовой точкой. После проведения сходных исследований с использованием поэтических произведений иных авторов можно будет с большей долей уверенности говорить о природе связей между вербальной и визуальной коммуникацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева С. А. Словотворчество художника: образность прерафаэлитов // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика. – Ч. 1. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 16–29. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 19 (652). Сер. Языкознание).
2. Геката. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0>
3. Кирка (Цирцея). – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%BA%D0%B0_%28%D0%BC%D0%B8%D1%84%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%29
4. Клития. – URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F>

5. *Первенцева Е. В.* Смысловое пространство художественного дискурса и роль визуальной составляющей в его формировании (на материале англоязычной художественной прозы): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 192 с.
6. *Подсолнух.* – URL: <http://sigils.ru/signs/podsolnuh.html>
7. *MacCarthy, Fiona.* Burne-Jones' Pursuit of Love // Oxford Today – URL: <http://www.oxfordtoday.ox.ac.uk/features/burne-jones%E2%80%99-pursuit-love>
8. *Rossetti, Dante Gabriel.* For the Wine of Circe. – URL: <http://preraphaelitesisterhood.com/the-wine-of-circe-by-edward-burne-jones-poem-by-dante-gabriel-rossetti/>
9. *Sunflower.* – URL: <http://lightworkers.org/blog/178326/facts-about-sunflower>

УДК 800

А. А. Зеленева

кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail: anaszel@mail.ru

СТИЛИЗАЦИЯ РЕЧИ ГЕРОЕВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируются различные способы стилизации речи героев художественного произведения. На примере текста романа Д. Киза «Цветы для Элджернона» показывается, что усложнение концептуальной системы речи главного героя отражает развитие его интеллектуальных способностей.

Ключевые слова: речь персонажа; концептуальная система; метафорический концепт.

Zelenaeva A. A.

Ph. D., Associate Professor, Department of English Stylistics MSLU;
e-mail: anaszel@mail.ru

REPRESENTATION OF A CHARACTER'S SPEECH: COGNITIVE ASPECT

The article is devoted to the different mechanisms in representation of fictional characters' speech. The undertaken linguistic analysis of the text of the novel "Flowers for Algernon" by D. Keyes shows that the conceptual system of the protagonist's speech is in close correlation with his intellectual capacity.

Key words: character's speech; conceptual system; metaphoric concept.

Речь персонажей в художественной литературе всегда признавалась одним из основных средств их характеристики: причем довольно сложно определить, что играет ведущую роль – содержательное наполнение или особенности речи героя. Выбор языковых средств является важным механизмом создания образа литературного персонажа.

Когнитивная парадигма, уже несколько десятилетий господствующая в лингвистике, позволяет провести более глубокий анализ речи героев: в фокус интересов теперь попадают не отдельные языковые факты, а то, как их совокупность отражает мировосприятие героев. С этой точки зрения нам кажется интересным посмотреть насколько меняется речь героев, если изменяется их понимание окружающего мира. Одним из примеров коренного изменения личности главного героя является роман «Цветы для Элджернона» («Flowers for Algernon») Дэниела Киза [7]. В основе сюжета лежит «эксперимент»

над Чарльзом Гордоном, умственно отсталым человеком: ученые изобретают способ стимулирования ментальной деятельности живых существ и после эксперимента над мышью Эдджернон решают провести такой же эксперимент над человеком. В результате операции уровень интеллекта главного героя романа стремительно повышается. Повествование ведется от первого лица: роман представляет собой дневник Ч. Гордона, в котором главный герой отражает все происходящее с ним. Первые заметки написаны Ч. Гордоном еще на стадии отбора кандидата на операцию. Через речь главного героя автор должен показать развитие его интеллектуальных способностей, а затем и их угасание, так как после определенного периода «расцвета» когнитивных способностей у испытуемых наблюдается их ослабление.

В соответствии с замыслом автора на первых страницах романа и в его конце читатель сталкивается с мастерской имитацией речи умственно отсталого человека. Интересно отметить, что Д. Киз некоторое время преподавал английский язык в школе для детей с ограниченными интеллектуальными способностями. Скорее всего, именно этот опыт позволил автору романа стилизовать речь главного героя под конкретный уровень развития его умственных способностей: мы видим определенные изменения в речи Ч. Гордона на протяжении всего романа, которые затрагивают все уровни языка.

Первое, что бросается в глаза читателю – огромное количество орфографических ошибок в первых записях Ч. Гордона. Интересно отметить, что написание слов скорее напоминает транскрипцию, т. е. передает звуковую форму используемых им слов, например:

Dr Strauss says I *shoud* rite down what I think and *remembir* and evrey thing that *happins* to me from now on (*March 3*).

He said you know Charlie we are not *shure* how this *experamint* will *werk* on *pepul* because we *onley* tried it up to now on *animils* (*March 5*).

I told him nothing *speshul* ever *happins* to me and it dont look like this *speshul exper 'tmint* is going to *happin* neither (*March 20*).

Данные речевые отрывки могут продемонстрировать и наличие грамматических и синтаксических ошибок в первых записях главного героя. Приведем еще несколько примеров:

He said Miss Kinnian *toll*d him I was her *bestist* pupil (*March 4*).

I coundt *werk* the *puzzels so good* (*March 4*).

I never even *knowed* I had that (*March 5*).

Then Dr Strauss said Charlie even if this fales *your making* a grate contribyushun to sience (*March 5*).

По мере того, как уровень интеллекта главного героя романа повышается, количество орфографических и грамматических ошибок начинает уменьшаться, а затем они исчезают совсем. Похожую тенденцию можно наблюдать и в пунктуации: сначала в высказываниях отсутствуют знаки препинания за исключением точек в конце предложений. Однако далее в тексте появляются запятые, а позже пунктуация начинает полностью соответствовать требованиям английского языка. По мере угасания интеллекта Ч. Гордона можно наблюдать обратный процесс: количество орфографических и грамматических ошибок, появляющихся в дневниках, постепенно возрастает, а знаки пунктуации пропадают.

Особое внимание автор уделяет и синтаксису предложений. Первые записи напоминают «поток сознания»: мысли Ч. Гордона путаются, и это находит свое отражение в «смещении» предложений. Несколько идей автор «впихивает» в одно предложение:

I dint know what he was gonna do and I was holding on tite to the chair like sometimes when I go to x dentist onley Burt aint no dentist neither but he kept telling me to rilax and that gets me skared because it always means its gonna hert (*March 4*).

Значительные изменения происходят и со словарным запасом главного героя. В его первых записях не используются синонимы. Однако по мере развития интеллектуальных способностей главного героя его словарный запас расширяется, и в отчете за 25 мая, чтобы описать свои эмоции, Ч. Гордон использует несколько синонимов, пытаясь более точно передать свои чувства (*I've been **afraid** before. This **terror** of being kicked out... .. **a fear** I don't understand. You don't feel **the panic***).

Приведенные выше примеры стилизации речи главного героя заметит каждый читателей, даже если он не является лингвистом. Можно сказать, что читатель наблюдает за умственным развитием ребенка через овладение им правильной с точки зрения орфографических, синтаксических и других норм речью в ускоренном режиме. Однако усвоение правил грамматики, орфографии, пунктуации, расширение словарного запаса не являются единственным маркером развития интеллектуальных способностей человека.

В психологии выделяют несколько видов мышления: наглядно-действенное, наглядно-образное, наглядно-схематическое и словесно-

логическое [2]. Взрослый человек использует все вышеперечисленные виды мышления, однако ребенок овладевает ими постепенно. В онтогенезе человек осваивает эти виды мышления именно в приведенном выше порядке, двигаясь от конкретных образов к их схематическим представлениям и далее к абстракции. Подобные изменения автор романа показывает не только через поступки главного героя, но и через его речь. Описанный в романе тест, когда главному герою предлагали описать то, что он видит, предъявляя ему карточки с чернильными пятнами, может служить доказательством освоения «новых» видов мышления главным героем. Однако данные изменения не лежат на поверхности: читатель скорее всего будет ощущать изменение общей манеры изложения, но не будет отдавать себе отчет, за счет каких языковых средств автор достигает подобного эффекта. «Увидеть» эти механизмы, на наш взгляд, позволяет анализ концептуальной составляющей речи главного героя.

Записи Ч. Гордона часто содержат прямую речь других героев. Отметим, что сначала интеллектуальные способности протагониста не только не позволяют ему адекватно передавать свои мысли, но мешают ему правильно воспринимать речь других персонажей романа. Однако речь других героев (в основном представленная в романе в виде прямой речи) осталась за рамками нашего анализа. Объектом анализа выступала исключительно речь Ч. Гордона, так как именно она должна была отразить развитие когнитивных способностей главного героя.

Так как в когнитивной лингвистике «постулируется прямая зависимость между способностью оперировать метафорами и способностью к абстрактному мышлению» [3, с. 79], в данной статье мы обратимся к анализу именно метафорических концептов в речи главного героя. Использование в речи метафорических концептов «предполагает «сращение» языковой и когнитивной систем человека» [6, с. 10] и, следовательно, должно отражать уровень развития его умственных способностей. На наш взгляд, использование метафорических концептов в речи индивидуума возможно только тогда, когда человек может анализировать окружающую действительность, выявлять сходства и различия, присущие определенным объектам и явлениям, категоризировать их, другими словами, обладать определенным уровнем развития когнитивных способностей. Особое внимание мы уделим не только наличию или отсутствию случаев использования

метафорических концептов, но и их характеру, сложности составляемых с их помощью образов.

Многие метафорические концепты настолько прочно вошли в систему языка, что они не осознаются носителями языка как метафорические концепты, но постоянно используются в речи. Согласно предложенной Е. Г. Беляевской терминологии, их можно назвать базовыми метафорическими концептами [1]. Среди таких концептов можно выделить метафорические концепты КОНТЕЙНЕР, ПРОСТРАНСТВО, ДВИЖЕНИЕ, ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ и др. [4]. Подобные концепты часто выступают основой для построения более сложных образов, которые будут задействовать и более сложные метафорические концепты. В ходе анализа текста романа нами были выявлены примеры использования метафорических концептов разного уровня: можно отметить, что в начале романа в речи Ч. Гордона присутствуют концепты исключительно базового уровня:

ПРОСТРАНСТВО:

...evrey thing that happins to me from now on... (*March 3*).

ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ:

But then Prof Nemur and Dr Strauss had a argament about it frist (*March 5*).

КОНТЕЙНЕР:

...why Idont come in to the lab... (*March 24*).

Потом к ним добавляются и более сложные метафорические концепты. Чаще всего в этом случае происходит наложение этих концептов на базовые, что приводит к формированию более сложного образа, чем образ, использованный автором записей ранее. В качестве примера рассмотрим базовый концепт КОНТЕЙНЕР. Данный концепт был подробно описан многими лингвистами, так как является одним из самых распространенных способов представления большого количества объектов и явлений окружающего мира [5; 8]. Например, тело человека или отдельные части тела могут описываться как контейнер, внутри которого что-то заключено. Данный метафорический концепт используется и в романе «Цветы для Элджернона». Голова главного героя представляет собой контейнер, который можно наполнить идеями, мыслями:

...because thats when most of the changes happin *in* my brane (*March 29*).

And I even understand a lot of the things I'm reading about, and they stay *in* my mind (*April 13*).

But other things come *into* my head too (*April 13*).

...they'll still have *to fill me up* with the stuff (*April 16*).

Приведенные выше предложения являются примерами традиционного использования данного метафорического концепта и скорее всего не будут даже восприниматься носителями языка как единицы, в основе которых лежат метафорические концепты, так как они являются естественной, традиционной формой выражения определенной идеи. Впоследствии в романе нами были зафиксированы случаи использования метафорического концепта КОНТЕЙНЕР в «связке» с концептом СТРОИТЕЛЬСТВО. Это позволяет автору создать более сложный образ, представляя тело человека в виде контейнера, внутри которого «возводится» на подобии здания какое-то чувство:

The tightness inside me *built up* (*June 24*).

Overwhelming her with all the *built-up* excitement that was ready to tear me apart (*June 24*).

Немного позже на основе базового концепта КОНТЕЙНЕР формируется еще один более сложный образ. Тело главного героя рассматривается как контейнер, наполненный жидкостью, в которой скрыты его эмоции. Проявление эмоций ассоциируется с их «всплыванием» на поверхность:

I talked on and on, spewing out of myself every doubt and fear that *bubbled to the surface* (*June 24*).

Кроме того, нами были зафиксированы и другие случаи «усложнения» базового концепта КОНТЕЙНЕР. Например, Ч. Гордон воспринимает себя как животное, заключенное в определенный контейнер – клетку. Использование подобного концепта во многом продиктовано тем, что Ч. Гордон ассоциирует себе с Элджерноном, который находится как раз в клетке:

I'm like an animal who's been locked out of his nice, safe cage (*May 25*).

Like Algernon, I found myself behind the mesh of the cage they had built around me (*June 11*).

В следующем примере образ контейнера конкретизируется до элементов отдельного строения:

There are so many *doors* to open I am impatient to apply my own knowledge and skills to the problem (*June 24*).

Как показывают приведенные примеры, случаи использования метафорических концептов присутствуют во всем романе, однако в начале романа в основном используются только базовые метафорические концепты, а по мере развития когнитивных способностей Ч. Гордона в романе появляются языковые репрезентанты более сложных метафорических концептов. Кроме того, изменяется и частотность языковых репрезентантов в тексте: она незначительно возрастает по мере развития интеллектуальных способностей главного героя.

Анализ концептуальной структуры романа также показал, что все произведение строится на двух основных метафорических концептах ЗНАНИЕ – СВЕТ и ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – ЛАБИРИНТ, которые тесно связаны между собой. Рассмотрим каждый из данных концептов.

Метафорический концепт ЗНАНИЕ – СВЕТ является традиционным для многих культур. Первые случаи его использования были зарегистрированы в записях, сделанных Ч. Гордоном через какое-то время после операции, когда умственные способности главного героя уже были на довольно высоком уровне развития:

I haven't done anything wrong. I'm like a man born blind who has been given a chance to see light (*May 20*).

In my mental blindness (*June 24*).

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет метафорический концепт ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – ЛАБИРИНТ. Символическим смыслом в романе наделена ситуация поиска выхода из лабиринта. В ходе эксперимента по повышению интеллектуального уровня Элджернона, ученые тестируют его ментальные способности, заставляя мышь находить в лабиринте правильный путь к кормушке. Если Элджернон ошибается, выбирая неправильный поворот, он приходит к тупику, который в романе постоянно называют «blind alley». Точно такое же задание ученые предлагают Ч. Гордону, причем два испытуемых выполняют его одновременно. Момент выполнения задания главным героем в первый раз описан в романе довольно подробно:

When he said go I tried to go but I dint know where to go. I didnt knowt feet skratching like he was runing alreedy. I startid to go but I went in the rong way and got stuck and a littel shock in my fingers so I went back to the START but evertime I went a differnt way I got stuck and a shock (*March 5*).

Как мы видим, в данном отрывке встречаются такие лексические единицы, как *to go, way, to take* и др. При этом они употребляются именно в своем денотативном значении: автор описывает конкретную

ситуацию. Однако образ человека, который ищет «правильный путь», в ходе развития романа приобретает символическое значение. Проецируя действия Элджернона на свои собственные, Ч. Гордон переносит образ лабиринта на свою жизнь. Причем можно довольно четко указать момент перехода Ч. Гордона от конкретного мышления к абстрактному:

Downstairs, in front of the building, I stood, not knowing which way to go. No matter which path I took I got a shock that meant another mistake. Every path was blocked. But, God.. everything I did, everywhere I turned, doors were closed to me. There was no place to enter. No street, no room, no woman (*June 25*).

В данном отрывке герой романа описывает то, как он не мог найти себе место в квартире и вышел прогуляться по городу: такие лексические единицы, как *to go*, *way* в третьем предложении приведенного фрагмента еще являются денотатами конкретных физических объектов или определенных действий в окружающем Ч. Гордона мире. Однако уже в следующем предложении слова *path*, *to take* употреблены в переносном значении. Автор абстрагируется от конкретной ситуации и начинает говорить о своей жизни в целом. Таким образом, данный отрывок является одним из случаев языковой реализации метафорического концепта жизнь – лабиринт. В тоже время это не единственный пример реализации рассматриваемого концепта: на протяжении всего романа автор возвращается к одному и тому же образу, используя одни и те же лексические средства:

I don't understand it. Let's just say I'm not ready yet. And I can fake it or cheat or pretend it's all right when it's not. It's just another *blind alley* (*June 25*).

Blind alley for the past two days. Nothing. I've *taken a wrong turn* somewhere, I know enough about the processes of the mind not to let this block worry me too much (*August 11*).

Таким образом, жизнь Ч. Гордона посредством метафорического концепта жизнь – лабиринт предстает перед нами как лабиринт, в котором главному герою нужно найти правильный путь, чтобы прийти в решение стоящей перед ним проблемы, не важно какого характера – этического, морального или научного.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает одна из записей главного героя, в которой соединяются все центральные для романа метафорические концепты. В двух предложениях Д. Киз

представляет Ч. Гордона как человека, который сидит внутри темной комнаты и смотрит через замочную скважину на свет, т. е. знание, но не может выйти из замкнутого пространства (клетки), в котором он находится:

The mind of low intelligence peering from *a dark room*, through the keyhole. At *the dazzling light* outside (*June 24*).

Приведенные выше примеры использованных автором метафорических концептов не охватывают все случаи их языковой реализации. Наряду с проанализированными, нами были зарегистрированы случаи реализации в романе «Цветы для Элджернона» и других метафорических концептов. Однако рассмотренные в рамках статьи концепты показали нам наиболее яркими примерами усложнения концептуальной составляющей записей Ч. Гордона, отражающей развитие его интеллектуальных способностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е. Г.* Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сб. науч. тр. К 100-летию проф. И. И. Чернышевой / отв. ред. Г. М. Фадеева. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 13–30.
2. *Григорович Л. А., Марцинковская Т. Д.* Педагогика и психология: учеб. пособие. – М. : Гардарики, 2003. – 480 с.
3. *Елова Ф. А., Перехвальская Е. В., Саусверде Э.* Метафора и эвристическая функция языка: бывает ли язык без метафор // Вопросы языкознания. – 2014. – № 1. – С. 78–99.
4. *Зеленьева А. А.* Метафорическая репрезентация концепта «Государство» в современном медиадискурсе (на материале русского, английского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 211 с.
5. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
6. *Шабалина О. В.* Структура и функционирование метафоры в детской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2007. – 21 с.
7. *Keyes D.* Flowers for Algernon. – URL: royallib.com/book/Keyes_Daniel/Flowers_for_Algernon.html.
8. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. – Chicago–London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

УДК 81'42

О. Б. Найок

кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail: nayok.o.b.@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИКОНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются актуальные вопросы, относящиеся к изучению смыслового пространства художественного дискурса и роль иконизации в его формировании. Предлагается описание процессов иконизации на визуальном, звуковом и концептуальном уровнях. Иконизация художественного дискурса проявляется в приобретении языковыми средствами иконических значений, реализация которых способствует возникновению различных стилистических эффектов.

Ключевые слова: иконичность; художественный дискурс; образность; выдвижение; концепт; повтор; метафора; грамматическая метафора.

Найок О. В.

Ph. D., Associate Professor Chair of English Stylistics, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: nayok.o.b.@mail.ru

ICONICITY IN THE DISCOURSE OF FICTION

The paper looks into the role of iconicity in the process of meaning construction in the discourse of fiction and describes it at visual, auditory and conceptual levels. In the discourse of fiction iconicity manifests itself in giving iconic meanings to different linguistic means, which can be a source of various stylistic effects.

Key words: iconicity; discourse of fiction; imagery; foregrounding; concept; repetition; metaphor; grammatical metaphor.

Исследование особенностей процессов иконизации художественного дискурса как на концептуальном, так и на формальноязыковом уровнях является актуальным на современном этапе развития языкознания. «Как сложная когнитивная структура дискурс претерпевает действие нескольких когнитивных принципов, которые в частности включают: 1) принцип иконичности, в основе которого лежит отражаемое в языке соответствие между представлениями о мире и репрезентацией этого представления в языке, в то время как упорядоченность восприятия реальности отражается через посредство определенным образом упорядоченных элементов текста, обусловленных пространственно, хронологически, каузально или социально и 2) принцип

разделения информации на данную (ту, которая по презумпции говорящего знакома адресату) и новую (неизвестную адресату). Передача информации ведется на основе синтеза фоновых знаний и конкретного контекста. Данные принципы неразрывно связаны с основной чертой логического рассуждения, в котором каждая мысль, вытекающая из предыдущей и обуславливающая последующую, существует в виде заключения и строится на знании, возникшем путем обобщения некоторой совокупности фактов. В том числе преобразование «сцен реального мира» происходит в соответствии со стандартизированными представлениями, соответствующими типовым ситуациям, типовому набору характеристик объектов (к ним относятся сценарии, фреймы, схемы и т. д.)» [7, с. 28].

Иконический знак мотивирован феноменологическими особенностями его восприятия интерпретатором (а не онтологическими свойствами его референта, т. е. иконический знак воспроизводит не физические свойства объекта, а ментальную схему его восприятия [9].

Круг языковых явлений, в которых лингвисты обнаруживают иконичность, постоянно пополняется. Иконичность может проявляться на разных уровнях вербального текста – фонетическом, лексическом, синтаксическом, а также в структурной организации всего текста. Соответствие отношений между частями языковой структуры и частями концептуальной структуры, отражающей действительность называют иконической мотивированностью. Некоторыми лингвистами постулируется наличие континуума (шкалы) иконичности. Как известно, Ч. С. Пирс выделял несколько разновидностей иконического знака: образы, диаграммы и метафоры. Первые два типа основаны на отношении сходства/подобия между формой и концептуальным содержанием, а последний – на сходстве / подобии двух понятий [6; 8]. Иными словами образы или изображения представляют собой иконические знаки, в которых означающее представляет «простые качества» означаемого. К таким иконическим знакам относятся фотографии, скульптуры, живопись, а также некоторые музыкальные произведения (например, «Полет шмеля» Н. А. Римского-Корсакова или «Море» К. Дебюсси). Диаграммы представляют собой «нефигуративные» изображения, к которым можно также отнести разнообразные схемы и чертежи. Выделение метафор как иконического знака основано на параллелизме между знаком и объектом. Этот вид активно задействован в театральной практике и литературе [3; 6; 8].

Рассматривая лингвистические аспекты художественных текстов, Дж. Лич и М. Шорт выделяют среди прочих принцип имитации, основанный на том, что художественные тексты выполняют не только презентационную функцию, выражающуюся в декодировании читателем полученного сообщения, но и репрезентативную функцию, заключающуюся в некотором «изображении» текстом выражаемого значения [9]. При этом Дж. Лич и М. Шорт подробно останавливаются на рассмотрении типов синтаксической иконичности, при которой синтаксические отношения между словами имитируют отношения между объектами и событиями, обозначаемыми этими словами. Сюда можно отнести хронологическую последовательность (последовательность слов, соответствует хронологии событий), причинно-следственные отношения (слова, обозначающие причину предшествуют словам, обозначающим следствие), последовательность по степени важности информации (наиболее важное упоминается первым, за ним следует менее важное и т. д.), принцип близости расположения (близкое расположение слов соответствует близкому расположению объектов).

В соответствии с семиотическими и когнитивными представлениями в языке выделяют разные типы иконичности, которые в общем виде можно свести к таким базовым типам, как индексальная иконичность, иконичность релевантности, локативная иконичность и диаграмматическая иконичность. Индексальная иконичность вызывает более очевидную и более легкую для восприятия перестройку текста по подобию изображения его сопровождающего и реализуется, например, в инструкциях с помощью следующих языковых маркеров: звукоподражания (копирования звуков, характерных для работы того или иного прибора), употребления и повтора слов, детализирующих работу с прибором (числительных, существительных, обозначающих названия деталей прибора, предикатов, выраженных глаголами, которые указывают на типичные действия с устройством и его функцией), а также специфической последовательности предложений, описывающей необходимую очередность действий для работы с прибором. Иконичность релевантности реализуется в повторах слов и словосочетаний, указывающих на наиболее значимые объекты. Локативная иконичность отражает место события, например, изображенного на иллюстрации к тексту, и соотносит текст в основном с онтологической системой координат, т. е. обеспечивает указание на место событий в мире. Диаграмматическая иконичность

ориентирует зрителя/читателя прежде всего в условной системе координат, ограниченной рамками изображения/иллюстрации, и отражает движение взгляда зрителя/читателя и отношения между предметами в описываемой реальности или на изображении, сопровождающем текст, и реализуется посредством дейктических единиц в роли обстоятельств места. При этом можно выделить иконичность знака, присущую ему изначально и определяемую онтологически – по соотношению с референтом (например фотографией), и иконичность, приобретаемую знаком под влиянием другого знака или знакового комплекса в определенном контексте. Соответственно, под иконизацией компонента текста/ дискурса можно понимать не только уподобление знака референту, но и приобретение изначально арбитрарным знаком (вербальным текстом) тех или иных свойств иконичности в результате взаимодействия с изначально иконическим знаком (например с иллюстрацией) [1].

Проявление иконичности в тексте может способствовать реализации текстовой категории образности. «В чисто лингвистическом плане образность – это языковое средство воплощения какого-то абстрактного понятия в конкретных предметах, явлениях, процессах действительности, и наоборот, каких-то конкретных предметов и понятий в абстрактных или в других конкретных понятиях» [2, с. 81]. Текстовая категория образности обладает своей системой средств выражения, к которым традиционно относят такие стилистические приемы, как метафора, сравнение, эпитет, метонимия, перифраз, гиперболы и др. Если принять во внимание, что образность иногда трактуется как изобразительность речи, как способность текста вызывать систему представлений о чем-либо, то к средствам образности могут быть отнесены не только традиционно выделяемые средства тропической образности, но и нетропические средства, когда изобразительность текста или его фрагмента основывается, например, на подробности описания, его конкретном, наглядно-зрительном характере. Звукоподражание и звуковая символика тоже часто относятся к средствам создания образности. В когнитивной лингвистике образы понимаются как отражения в сознании человека реальных предметов, действий и событий, характеризующиеся множеством признаков, в том числе наглядностью и недискретностью [4].

Символ/символическая образность богаче метафоры, поскольку она «вовсе не имеет самодовлеющего значения, а свидетельствует

еще о чем-то другом, субстанциально не имеющем ничего общего с теми непосредственными образами, которые входят в состав метафоры» [5, с. 439]. В смысловом отношении она содержит указания «на то или другое свое инобытие» [5, с. 440]. По определению А. Ф. Лосева, символ «есть такая образная конструкция, которая может указывать на любые области инобытия, в том числе также и на безграничные области» [5, с. 443]. Символ может рассматриваться в узком смысле, а может обладать высокой степенью генерализации. Поэтому категория символа, с одной стороны, «конечна, а с другой – бесконечна» [5, с. 443].

Рассмотрим, как иконизация художественного дискурса проявляется в приобретении различными языковыми средствами иконических значений. Проиллюстрируем функционирование иконичности на примере отрывка из короткого рассказа Т. J. Shanter «The Square or The Tiger and The Wolf Played Pool» [10], где иконизация способствует проявлению стилистических эффектов и созданию символической образности. Предлагается описание процессов иконизации на визуальном, звуковом и концептуальном уровнях.

The room was gray-walled and dark, the assorted lamps bolted to the ceiling lighting the bar only dimly. It was warm, not a sound nor movement disturbing the stagnancy of the surroundings. **An impressive pool table** seemed the center of the room, the wood edging and legs gleaming dully in the bad light. **The chairs and tables** arranged around it lent an unusually **displaced air of entropy** to the **atmosphere**, as did the uniform **smoke that curled and wafted** around the room, spouting from various cigarettes and mouths, reaching gray-blue tendrils upward and pooling in intoxicating clouds of smog in the corners of the ceiling. **The whole room** was clothed in an unmistakable, **surreal** quality probably due to fact that the room was **misty with smoke** (or perhaps it was what was in the **smoke**) and no one not one of the patrons was really aware of where they were. In fact, I doubt that any of them knew at all. Welcome to The Square [10].

Одно из проявлений иконичности в приведенном выше первом абзаце рассказа заключается в том, что он открывается словом комнаты (*the room*), что соответствует общему представлению пустого помещения, постепенно заполняемого предметами по мере их упоминания в тексте. Семантическая последовательность соответствует последовательности восприятия комнаты: стол для пула – центр комнаты, другие столы и стулья, расположенные вокруг него, упомянуты во вторую и третью очередь.

Синтаксическая иконичность реализуется в приведенном отрывке в первых трех предложениях, представляющих собой параллельные конструкции, где простые предложения осложнены следующими за предикативной группой сочетаниями существительных с причастиями и причастными оборотами. Подобная синтаксическая организация создает в данном контексте ощущение монотонности или даже стагнации, которое, с одной стороны, усиливает впечатление, создаваемое такими лексическими средствами, как *not a sound nor movement, the stagnancy of the surroundings*, а с другой – находит в тексте в дальнейшем более конкретное выражение в образе медленного движения клубов дыма. Это впечатление стагнации продолжается и в последующих двух сложных предложениях, где придаточные предложения и причастные обороты также расположены в постпозиции. Если описание в первых трех предложениях фокусируется на обстановке комнаты, то последующие сфокусированы на ее атмосфере, что иконически выражается в употреблении синонимов *air* и *atmosphere* в четвертом предложении.

Впечатление монотонности, создаваемое с помощью синтаксических конструкций, поддерживается и на морфемном уровне благодаря обилию слов, оканчивающихся на *-ing* и *-ed*. Медленный ритм движения дыма ощущается благодаря повтору указанных морфем, и получает лексическое выражение во фразе *smoke that curled and wafted around*. Кроме того, можно приписать некоторый звуковой символизм повтору морфемы *-ing*, где звук [ŋ], ассоциирующийся, помимо всего прочего, с чем-то медленным и затяжным, в данном контексте может вызывать ассоциации с процессом испускания колец дыма [8].

Выдвижение концепта SMOKE в четвертом и пятом предложениях реализуется с помощью многочисленных лексических и семантических повторов, которые с одной стороны, являются иконическим выражением важности концепта SMOKE для данного контекста, а с другой – способствуют иконической реализации дискурсом ощущения всепроникающего присутствия дыма, его удушающей вседушежности. Это ощущение передано с помощью следующих средств:

1) употребление синонимичного ряда *smoke – smog – (mist)y* [11, с. 618, 894];

2) вербализация информации, относящейся к концепту SMOKE: цвет дыма обычно включает следующую информацию: *gray, brown or blackish* [12, с. 1345].

В отрывке эта информация находит следующие варианты вербализации: *gray-walled and dark, lighting the bar only dimly, the bad light, gray-blue*, дым также может ассоциироваться с опасностью удушья или интоксикации.

Выдвижение этой информации в рассматриваемом контексте основано на иконичности релевантности, выраженной с помощью следующих семантических повторов:

1) употребление лексических единиц, вербализующих информацию о курении и загрязнении воздуха (*spouting from various cigarettes and mouths; pooling in intoxicating clouds of smog*);

2) употребление лексических единиц, вербализующих информацию об отсутствии видимого движения (*not a sound nor movement; the stagnancy of the surroundings*);

3) употребление лексических единиц, вербализующих информацию об отсутствии упорядоченности (*displaced, entropy*);

4) употребление лексических единиц, вербализующих информацию об отсутствии пространственной ориентации и осознания реальности (*no one not one of the patrons was really aware of where they were; doubt that any of them knew at all, surreal*);

5) употребление лексических единиц, вербализующих информацию о всепроникающей природе дыма (*uniform smoke; the whole room was clothed...; around the room, spouting from ..., reaching... upward and pooling... in the corners of the ceiling*);

Движение дыма в воздухе традиционно выражается употребленным в данном отрывке глаголом *curled*. Создаваемый на концептуальном уровне визуальный образ поддерживается иконически с помощью семантических и синтаксических повторов упомянутых выше, а также усиливается с помощью метафор *tendrils* и *spouting*. Указанные метафоры создают параллель между кольцами дыма и завитками стеблей растения, проникающего везде и цепляющегося за все своими длинными гибкими отростками, закручивающимися в спирали.

Как видно из представленного анализа повтор является одним из основных средств иконизации рассматриваемого текста. В приведенном выше анализе отмечалось значение повторов морфем, а также лексических, семантических и синтаксических повторов способствующих иконизации на визуальном, звуковом и концептуальном уровнях.

Так, например, грамматические метафоры¹ СХОЖЕСТЬ ФОРМЫ СООТВЕТСТВУЕТ СХОЖЕСТИ СОДЕРЖАНИЯ, а также МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ФОРМЫ [8] реализуют иконическое значение повторов морфем *-ing* и *-ed* в конце слов и способствуют созданию образа клубящегося дыма. Иконическое значение количественных повторов, реализованных в семантическом повторе информации, вербализующей концепт *SMOKE*, заключается в доминирующей роли этой информации в рассматриваемом контексте и важности самого концепта в системе образов анализируемого текста. Повтор на семантическом уровне, выраженный в форме параллельных конструкций, реализует иконическое значение монотонности, усиливающее эффект, производимый употреблением таких лексических средств, как, например, *stagnancy*, и, в конечном счете, поддерживает образ медленно клубящегося дыма.

В рассмотренном тексте иконичность способствует реализации образа дыма, символизирующего в контексте рассказа некую иную, опасную реальность, что может быть представлено в виде следующей ассоциативного ряда, вербализованного в отрывке:

темный (плохое освещение: *dark, lighting the bar only dimly, the bad light* и т. д.) – потерянный (туман: *misty with smoke, no one not one of the patrons was really aware of where they were* и т. д.) – душный (дым: *smoke that curled, intoxicating clouds of smog* и т. д.) – опасный (возможный намек на наркотики, либо какое-то предчувствие, витающее в воздухе: *or perhaps it was what was in the smoke*).

Последнее выделено синтаксически и находит дальнейшее развитие в описании драки в этом баре, являющемся помимо всего прочего притоном наркоманов.

Анализируемый отрывок заканчивается необычно коротким для данного абзаца предложением *Welcome to The Square*, где *the Square* является названием описываемого бара. Краткость предложения и его место в абзаце можно рассматривать как средства выдвижения приведенной в нем информации. Принимая во внимание, что одним из центральных событий рассказа является драка, а также то, что игра в пул, практикуемая в баре, также может рассматриваться метафорически

¹ Грамматические метафоры представляют собой конвенциональные концептуальные метафоры, придающие форме иконические значения и таким образом способствующие образованию взаимной связи между формой и значением / содержанием как на уровне отдельных сегментов текста, так и на уровне его макроструктуры [8].

как сражение, название бара приобретает ассоциативную связь с боксерским рингом, часто называемым *the square circle* или *the circled square*.

Таким образом, в указанном отрывке можно говорить об иконизации дискурса на всех уровнях языка для создания образа медленно клубящегося дыма, символизирующего опасность и потерю нравственных ориентиров.

Предложенный выше анализ проиллюстрировал, что иконизация художественного дискурса проявляется в приобретении языковыми средствами иконических значений, реализация которых способствует возникновению различных стилистических эффектов. Очевидно, что в рамках отдельной статьи невозможно представить доскональное рассмотрение существующих подходов к исследованию такого сложного и многопланового лингвистического явления как иконизация художественного дискурса. Однако здесь были отмечены некоторые аспекты, являющиеся, на наш взгляд, наиболее значимыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волоскович А. М.* Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 21 с.
2. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
3. *Дайнеко П. М.* Дискурсивные стратегии самопрезентации в институциональном интернет-общении: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 159 с.
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
5. *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
6. *Пирс Ч. С.* Из работы «Элементы логики. *Grammatica speculativa*» // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова; пер. с англ. Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева. – М.: Радуга, 1983. – С. 151–210.
7. *Темнова Е. В.* Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Вып. 26. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 24–32.
8. *Hiraga Masako K.* Metaphor and Iconicity: A Cognitive Approach to Analyzing Texts. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005. – 261 p.
9. *Leech G., Short M.* Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. – London–N. Y.: Pearson Longman, 2007. – 425 p.

10. *Shanter T. J.* The Square or The Tiger and The Wolf Played Pool. – URL: <http://www.jhedge.com>
11. *The New Oxford Thesaurus of English / Ch. Ed. P. Hanks.* – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 1087 p.
12. *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language.* – N. Y. : Portland House, 1989. – 2078 p.

УДК 81'42

В. Л. Соколова

кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail: sokolova_mglu@mail.ru

ИНТЕРВЬЮ И ПЬЕСА: КОММУНИКАТИВНОЕ РОДСТВО, ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ И ПРИРОДА

В статье рассматривается явление, обеспечивающее «коммуникативное родство» дискурса пьесы и дискурса интервью. Это явление определяется автором как интерактивность – обращенность к читателю или зрителю – и рассматривается на трех уровнях коммуникации: информационном, когнитивном, эмоциональном. Отмечены различия и общие черты в реализации интерактивности в анализируемых формах дискурса, а также предпринята попытка объяснить природу этих различий и аналогий.

Ключевые слова: интерактивность; обращенность к читателю; драматический дискурс; дискурс интервью; медиадискурс; стиль художественной литературы; коммуникация; коммуникативные ожидания; эмотивность; эмоциональность.

Sokolova V. L.

Ph. D., Associate Professor, Chair of English Stylistics Department of Humanities and Applied Sciences MSLU; e-mail: sokolova_mglu@mail.ru

DRAMA AND INTERVIEW: DIGGING DEEP INTO THEIR SHARED COMMUNICATIVE GROUND

The article addresses the communicative property, which is shared by the discourse of drama and the discourse of the interview. This communicative property is presumed to be an appeal to the reader / watcher, and is defined as interactivity, which is further explored on different levels of communication. The research contains observations and conclusions about the characteristics and the nature of interactivity in the two varieties of discourse under consideration.

Key words: interactivity; appeal to the reader; drama discourse; discourse of the interview; media discourse; the belles-lettres style; communication; emotivity; emotionality.

Интервью и пьеса являются, казалось бы, двумя разнородными по сути своей формами дискурса: одна из них принадлежит к жанру интервью подстиля языка средств массовой информации публицистического стиля, а вторая – к драме, подстилю художественной литературы. Однако, обращаясь к различного рода исследованиям, мы нередко встречаем эти два жанра в качестве материала для

исследования устно-речевого дискурса. Например, об использовании интервью для изучения устной коммуникации пишет Ю. В. Красноперова [6], а использование драматического дискурса в аналогичных целях исследования устной коммуникации так или иначе отмечается в ряде работ [1; 2; 3; 5; 10].

Мы полагаем, что выбор дискурса интервью и дискурса пьесы в качестве материала для некоторых исследований устно-речевого дискурса объясняется соображениями практичности и доступности материала: скрипты многих интервью находятся в общем доступе на сайтах новостных агентств (<http://www.bbc.co.uk/programmes/articles/3hshxFhHM4dKd3px6Q3NzRF/transcripts>; <http://transcripts.cnn.com/TRANSRPTS/>), а большинство пьес современных авторов и классиков доступны для исследования как в печатном, так и цифровом формате. Несомненно, использование материалов, находящихся в широком доступе, несет в себе гораздо меньше потенциальных проблем этического и юридического характера, чем, например, метод скрытого магнитофона, при котором исследователь не информирует испытуемого о том, что он производит запись его речи, чтобы не нарушать спонтанности и произвольности коммуникации.

Тем не менее при более внимательном рассмотрении дискурса драмы и дискурса интервью выясняется, что их сближает нечто большее, чем удобство и доступность материала. И, как это ни парадоксально звучит, сближает пьесу и интервью, на наш взгляд, именно та коммуникативная характеристика, которая отличает пьесу и интервью от устно-речевого дискурса. Эта характеристика обусловлена наличием дополнительного уровня коммуникативного взаимодействия с аудиторией, к которой обращены пьеса или интервью [4; 9; 12; 14], и, как полагаем, может быть названа **интерактивностью** дискурса интервью и пьесы.

Сближая дискурс интервью и дискурс пьесы, интерактивность отдаляет их от устно-речевого дискурса. При этом подчеркнем, что в зависимости от целей исследования мы считаем вполне допустимым и даже целесообразным использование материалов интервью и пьес в работах, посвященных устно-речевому дискурсу.

В данном исследовании мы предлагаем обратиться к проявлениям интерактивности на трех уровнях: *информационном*, когда зрителю или читателю предоставляется достаточная информация об участниках интервью или пьесы и об обсуждаемых ими вопросах; *когнитивном*,

когда в ходе восприятия пьесы или интервью либо оправдываются, либо опровергаются коммуникативные ожидания зрителя или читателя; *эмоциональном*, когда имеет место обращение к эмоциональной сфере зрителя или читателя.

На *информационном* уровне интерактивность дискурса интервью и пьесы появляется, на наш взгляд, достаточно эксплицитно. Рассмотрим несколько случаев реализации коммуникативной задачи «представление участников речевого взаимодействия и предмета обсуждения» на примере медиадискурса (примеры 1–3) и драматического дискурса (примеры 4–8):

(1) **FAREED ZAKARIA, HOST:** Joining me now is the former first lady of the United States, the former senator from the state of New York, the former Secretary of State of the United States, Hillary Clinton ... [18].

(2) **TRANSCRIPT:** Bill O'Reilly interviews President Obama

BILL O'REILLY, HOST: Mr. President, thank you for doing this.

BARACK OBAMA, PRESIDENT OF THE UNITED STATES:
Great to be with you.

(3) **ANDREW MARR:** Right let's move on, if we may, to the leadership issue, which you raised very vividly this week and you talked about Wallace and you talked about the bacon sandwiches and all of that ... [20].

(4) **Mollie:** ... How stupid of Giles [17, с. 288].

(5) **Giles:** (*Calling*) Mollie? Mollie? Where are you? [17, с. 289].

(6) **Giles:** (*Kissing her*) Hullo, sweetheart. Your nose is cold [17, с. 289].

(7) **Christopher:** ... Are you Mrs. Ralson? How delightful! My name's Wren. ... My parents, you know, baptized me Christopher, in the hope that I would be an architect [17, с. 294].

(8) ... There is a fire burning. A freshly painted signboard is standing on its side on the stairs against the archway Left; it has on it in large letters: MONKWELL MANOR GUEST HOUSE. ... She [Mollie] looks around and notices the large signboard lying on its side of the stairs. She picks it up and places it against the wall Left of the window alcove. She steps back, nodding her head [17, с. 288].

В примере (1) ведущий точно называет должность интервьюируемого политика: *the former first lady of the United States ... Hillary Clinton*. В этом случае реплика предназначена не интервьюируемому коммуниканту, а читателю / слушателю.

В примере (2) личность интервьюируемого устанавливается сразу несколькими средствами: для читателей скрипта интервью – через его заголовок («Bill O'Reilly interviews President Obama»), а для зрителей и слушателей – через диалогическую реплику ведущего, имплицитно содержащую информацию об интервьюируемом: *Mr. President, thank you for doing this*, через видеоряд (для зрителей) и через обращение к фоновым знаниям слушателя или читателя (например знанию, что Барак Обама – президент Соединенных Штатов Америки).

Пример (3) является «антиинформативным» для аудитории, не обладающей определенными фоновыми знаниями. В частности, не знающей о том, что лидера британской лейбористской партии Эда Милибенда сравнивали с персонажем мультфильма «Wallace and Gromit» и что незадолго до интервью Эд Милибэнд попал в скандальную хронику таблоидов: журналисты засняли, как он неловко расправлялся с бутербродом.

В примере (4) один из персонажей (Молли) косвенно, озвучивая свои мысли, представляет другого персонажа по имени Гайлз (*How stupid of Giles*).

Гайлз, в свою очередь, как следует из примера (5), косвенно представляет зрителям Молли, обращаясь к ней (*Mollie? Mollie? Where are you?*).

В примере (6) читатель или зритель может сделать вывод относительно родственных (возможно, романтических) отношений, связывающих главных героев, на основании их невербального взаимодействия (поцелуй), используемой ими лексики (*sweetheart*) и проявлений заботы (*Your nose is cold*).

Пример (7) иллюстрирует сразу прямое и косвенное представление персонажей читателю или зрителю. Обращаясь к Молли как к *Mrs. Ralson*, Кристофер косвенно указывает зрителю и читателю на ее фамилию и семейное положение, а представляясь сам (*My name's Wren*), Кристофер сообщает свою фамилию не только другим персонажам, но и читателю/зрителю. В пример (7) также включена фраза, практически прямо называющая нам имя данного персонажа и причины, почему его так назвали – в честь архитектора Кристофера Рена (*My parents, you know, baptized me Christopher, in the hope that I would be an architect*). Ментальное усилие, которое предпринимает зритель, чтобы сделать вывод об имени говорящего, очень незначительное: необходимо только несложное умозаключение, что если родители

назвали персонажа Кристофером, то его и сейчас зовут Кристофер. Для читателя в данном случае необходимость в ментальном усилии отсутствует, поскольку имена персонажей непосредственно указаны в тексте пьесы, напротив реплик.

В примере (8) информация о роде деятельности главных героев сообщается нам косвенно: мы сначала видим лежащую на ступеньках вывеску с названием гостиницы («MONKWELL MANOR GUEST HOUSE»), а потом наблюдаем, как Молли прилаживает вывеску к стене. Исходя из этих действий, мы делаем вывод, что Молли, вероятно, намеревается открыть гостиницу. Таким образом, релевантная для зрителя информация о виде деятельности одного из персонажей предоставляется в невербальной форме в пьесе-постановке и в виде авторских ремарок – в пьесе для чтения.

Как следует из приведенных выше примеров, примечательно, что коммуникативные средства «общения» с читателем / зрителем в пьесе и интервью варьируются в зависимости от канала передачи / восприятия информации: визуального при прочтении, аудиовизуального при просмотре видео, акустического при прослушивании. В частности, для исключительно визуального восприятия письменного текста есть заголовок (для скрипта интервью) или авторский комментарий (для пьесы), а для аудиовизуального или исключительно акустического канала релевантная для зрителя/слушателя информация вводится в сам диалог и включается в видеоряд (зритель видит персонажа пьесы и интервьюируемое лицо). В случае с интервью, предназначенным для просмотра или прослушивания, достаточная информация представляется уже в аудиоматериале (*Mr. President, thank you for doing this; Mollie? Mollie? Where are you?*). При этом видеоряд для интервью является дублирующим, вспомогательным средством. Как в пьесе, так и в интервью, в некоторой мере, может содержаться обращение к фоновым знаниям слушателя или читателя (например, к общеизвестному факту, что Барак Обама – президент США или к способности читателя к логическому обобщению (если люди целуются при встрече, то, вероятно, они родственники). Обращение к фоновой информации и логическому обобщению, как представляется, не имеет «привязки» к какому-либо каналу передачи информации.

Характерной особенностью интервью, отличающей его и от пьесы, и от устно-речевого дискурса, является то, что некоторые реплики

напрямую предназначены для читателя / зрителя (например: *Joining me now is the former first lady of the United States...*). Полагаем, что подобное непосредственное обращение к читателю или зрителю, обеспечивает необходимую в медиадискурсе информативность и оперативность в передаче информации. В художественном дискурсе автор намеренно нередко оставляет читателя в неведении относительно некоторых интересующих его вопросов, чтобы желание получить ответы на эти вопросы подогривало интерес читателя к пьесе.

Замечено, что, в отличие от дискурса пьесы, в дискурсе интервью встречаются обращения к фоновым знаниям определенного круга читателей или зрителей, непонятные более широкой аудитории. Мы это связываем с высокой степенью обращенности медиадискурса к целевой аудитории, обладающей «по умолчанию» определенными фоновыми знаниями. Экспликация этой фоновой информации для более широкой аудитории, представляется нецелесообразной в рамках медиадискурса, отличающегося своей динамичностью представления информации.

В дискурсе же пьесы, в отличие от дискурса интервью, информация о персонажах нередко предоставляется зрителю/читателю косвенным образом. Например, мы узнаем об имени персонажа, когда к нему обращаются другие персонажи или делаем вывод о его статусе или роде занятий на основании информации нелингвистического характера (например атрибутов рода деятельности персонажа). Подобный способ подачи информации тоже объясним особенностями художественного дискурса. Самостоятельно «достраивая» ту или иную информацию, читатель или зритель чувствует свою причастность к действию в пьесе и даже может испытывать удовольствие от проделанного ментального усилия по декодированию заложенной в пьесе информации. Следует отметить, что в ряде случаев догадываться относительно имени персонажа приходится именно зрителю, поскольку читателю имена персонажей понятны из текста пьесы, где они указаны напротив реплик.

Еще один уровень проявления интерактивности в дискурсе интервью и пьесы – *когнитивный*. Его мы рассматриваем не в широком смысле, а применительно к оправданию или неоправданию коммуникативных ожиданий зрителя или читателя. Коммуникативные ожидания существуют у читателя или зрителя априори, еще до того как он начал смотреть или читать пьесу или интервью. Они основаны

на его предыдущем опыте и способности к логическому мышлению. Например, одно название «The Mousetrap» или «Bill O'Reilly interviews President Obama» устанавливает для зрителя определенные коммуникативные ожидания, которые впоследствии будут либо подтверждаться, либо опровергаться.

Коммуникативные ожидания для интервью, несомненно, во многом связаны с личностью коммуникантов. Нельзя отрицать, что коммуникативные ожидания зрителя, слушателя или читателя интервью предопределены в значительной степени коммуникативными ролями его участников. В частности, здесь доминирующую позицию неизбежно занимает журналист, проводящий интервью, и он может позволить себе перебивать интервьюируемого им политика и задавать уточняющие вопросы. Например:

PHILIP HAMMOND: Because it has been impossible to get agreed access to the site by the parties who currently control it, and the only people ...

ANDREW MARR [Show Host]: (over) You mean you've got to negotiate with the separatist rebels?

PHILIP HAMMOND: Unless you want to fight your way in, you've got to negotiate with the people who control the site on the ground [19].

Как следует из приведенного примера, ведущий Эндрю Марр перебивает своего высокопоставленного гостя – Министра иностранных дел Великобритании Филипа Хаммонда. В любом другом случае подобная коммуникативная стратегия рассматривалась бы как проявление агрессии и маркер диалога-конфликта. Однако в данном случае поведение ведущего воспринимается нами как должное, поскольку доминирующая коммуникативная роль «по умолчанию» принадлежит ведущему программы, вне зависимости от статуса лица, с которым он беседует. Следует отметить, что доминирующая роль ведущего коммуникативно оправдана, поскольку отвечает одному из основных требований медиадискурса – информативности и динамичности в предоставлении информации.

По нашим наблюдениям, в большинстве рассмотренных случаев коммуникативное поведение участников интервью (в плане субординации) соответствует коммуникативной модели с доминирующей ролью ведущего и таким образом оправдывает коммуникативные ожидания аудитории.

По сравнению с интервью, в пьесе ситуация с коммуникативными ожиданиями, на наш взгляд, менее однозначна. С одной стороны, известно, что драматический дискурс требует определенной стереотипизации характеров персонажей и традиционной типизированности, гиперболичности и предсказуемости театрально-драматического образа [13]. Представляется, что этот принцип организации драматического дискурса берет начало еще в итальянской комедии дель арте, где каждый из персонажей имел свою ролевую модель поведения [15]. Подобная стереотипизация образов представляется необходимой, при ограничении драматического действия в пространстве и во времени. При этом степень этой стереотипизации может быть минимальной в реалистической пьесе и максимальной при стилизации под комедию дель арте или бурлеск.

С другой стороны, коммуникативные ожидания читателя/зрителя могут не оправдываться. Так, например, в детективных пьесах Агаты Кристи «And Then There Were None» и «The Mousetrap» автор до последнего момента ведет зрителя/читателя по ложному следу, и раскрытие личности убийцы в конце пьесы становится для читателя откровением. Столь мощное воздействие на когнитивную сферу читателя объясняется, на наш взгляд, реализацией когнитивного механизма, описанного в статье М. Минского «Остроумие и логика когнитивного бессознательного». Обращаясь к понятию фрейма как структуры данных для представления стереотипной ситуации [7; 8], М. Минский говорит о том, что неожиданная смена фреймов, когда предмет описывается с одной точки зрения, затем неожиданно (для этого часто достаточно одного-единственного слова) предстает совершенно в ином ракурсе, оказывает воздействие на когнитивную сферу человека, вызывая в ряде случаев юмористический эффект [8].

Несоответствие действия пьесы ожиданиям зрителя, несомненно, носит интерактивный характер – содержит обращение к его системе ценностей и представлений, приглашает зрителя к полемике.

Полагаем, что как соответствие, так и несоответствие драматического действия коммуникативным ожиданиям зрителя/читателя предопределяется характеристиками и задачами драматического дискурса. Так, оправдание коммуникативных ожиданий зрителя (в виде стереотипизации драматического образа) обусловлена ограничениями пьесы во времени и в пространстве, а неоправдание коммуникативных ожиданий зрителя/читателя предопределяется эстетической

функцией художественного дискурса, вызывая у зрителя удивление и восхищение мастерством автора.

Как видим, в некоторой степени интерактивность пьесы и интервью на когнитивном уровне может вызвать и эмоциональную реакцию читателя, тем не менее представляется целесообразным выделить интерактивность на *эмоциональном* уровне отдельно.

Полагаем, что обращение к эмоциональной сфере зрителя или читателя призвано служить в качестве усилителя коммуникативного эффекта, производимого пьесой или интервью.

Так, например, более «острая» постановка вопроса ведущим создает в студии бóльший эмоциональный накал интервью, который предположительно должен вызвать бóльший интерес зрительской аудитории:

O'REILLY: I don't know about that, because last week, there was an Associated Press call of people who actually went to the Web site and only 8 percent of them feel that it's working well, working well.

Why didn't you fire Sebelius, the secretary in charge of this...

OBAMA: (inaudible).

O'REILLY: ...because I mean she had to know, after all those years and all that money, that it wasn't going to work?

OBAMA: You know, my main priority right now is making sure that it delivers for the American people. And what we...me you've got technology, a new program rolling out, there are going to be some.

O'REILLY: You're not going to answer that?

OBAMA: ... what ... what we've ended up doing is we've got three million people signed up so far. We're about a month behind of where we anticipated we wanted to be. We've got over six million people who have signed up for Medicaid [20].

В данном фрагменте интервью эмоциональный накал создается с помощью провокационных вопросов (например: *Why didn't you fire Sebelius, the secretary in charge of this?... You're not going to answer that?*) и перебивов как со стороны ведущего, так и со стороны интервьюируемого.

Мы полагаем, что подобные элементы эмотивности в интервью являются необходимыми для поддержания читательского / зрительского интереса к интервью, имеющего в качестве своей основной прагматической задачи информирование, а не развлечение зрителя. Кроме

того, в ряде случаев проявление эмотивности в интервью может быть спонтанным, как в неподготовленной речи.

Применительно к драматическому дискурсу, эмоциональная интерактивность представляется одной из важнейших коммуникативных характеристик пьесы.

В качестве иллюстрации высокой эмотивности драматического дискурса приведем фрагмент одного из финальных диалогических взаимодействий из пьесы Агаты Кристи «And Then There Were None»:

WARGRAVE: (*Angrily*) Silence in Court! (*Looks around suspiciously*). If there is any more noise, I shall have the Court cleared. ... You thought I was a ghost. You thought I was dead. ... (*Vera is petrified with horror.*) You were all guilty, you know, but the Law could not touch you, so I had to take the Law into my own hands. (*Holds up hands in a frenzy of delight*) Into my own hands. Silence in Court! (*Vera hammers on Left door. Wargrave takes her arm and drags her to Right above Left sofa.*) ... Prisoner at the Bar, have you anything to say why sentence should not be passed on you? Vera Elizabeth Claythorne, I sentence you to death-

VERA: (*With a sudden outcry*) Stop! Stop! I'm not guilty! I'm not guilty! ... [16, с. 76].

Эмотивность диалогического дискурса в приведенном фрагменте выражается с помощью вербальных и невербальных средств.

В частности, на вербальном уровне отмечаются:

– лексические и грамматические повторы (*Silence in Court!* (повторяется два раза) You thought I was a ghost. You thought I was dead. ...into my own hands. Into my own hands. Stop! Stop! I'm not guilty! I'm not guilty! ...);

– восклицательные конструкции (*Silence in Court! Stop! Stop! I'm not guilty!*);

– перебивы (...*I sentence you to death- Vera: (With a sudden outcry) Stop! Stop! ...*).

В качестве контекстуально-значимого средства проявления эмотивности отметим вкрапление в непрофессиональную коммуникацию элементов юридического дискурса: *Silence in Court! ... Prisoner at the Bar, have you anything to say why sentence should not be passed on you? Vera Elizabeth Claythorne, I sentence you to death...* Вследствие своей неуместности вне профессионального контекста юридические клише способствуют усилению эмоциональной напряженности фрагмента.

Невербальные средства выражения эмотивности в письменном дискурсе отражены через авторские ремарки и указывают на эмоцию, сопровождающую произнесение реплики (*Angrily*), характер произнесения реплики (*With a sudden outcry*), эмоцию, которую испытывает персонаж и соответствующие невербальные проявления (*Vera is petrified with horror*), действия, сопровождающие речь персонажей (*Looks around suspiciously. Holds up hands in a frenzy of delight. Vera hammers on Left door. Wargrave takes her arm and drags her to Right above Left sofa*). Все приведенные выше невербальные проявления свидетельствуют о высокой эмоциональной напряженности данного фрагмента диалогического взаимодействия.

В приведенном примере высокий накал эмоционального напряжения объясняется характером коммуникативной ситуации: обезумевший судья Воргрейв «приговаривает к смерти» Веру Клейторн и намеревается исполнить свои намерения. Однако, как показывает приведенный выше пример, даже для данной коммуникативной ситуации эксплицитная эмотивность диалогического дискурса пьесы, несомненно, очень высока.

Чем объясняется столь высокая эмотивность драматического дискурса? В лингвистических и литературоведческих исследованиях высокий «накал страстей» и эмоций в драматическом произведении связывается прежде всего с общей тенденцией к «демонстративной гиперболичности традиционного театрально-драматического образа» [13, с. 111; 115]. Мы разделяем точку зрения, что одной из основных причин высокой эмотивности дискурса пьесы является необходимость идентификации зрителем той или иной эмоции: чтобы быть адекватно распознанной и оцененной зрителем, эмоция должна достигать определенной (обычно, высокой) интенсивности [13]. Кроме того, как известно, у истоков даже реалистического драматического произведения стоят такие экспрессивные формы драматического искусства, как греческая трагедия и итальянская комедия дель арте, поэтому высокую эмотивность драматических произведений можно объяснить традицией драматического искусства [11]. И, наконец, высокая эмотивность дискурса драматического произведения обусловлена одной из его прагматических установок – развлечь зрителя или читателя и доставить ему эстетическое удовольствие.

Как следует из приведенных выше наблюдений, средства обеспечения эмоциональной интерактивности в интервью и в драме разные:

в интервью это бóльшей частью провокационные вопросы, задаваемые ведущим, а в пьесе – вербальные и невербальные характеристики речи персонажей.

Таким образом, в качестве одного из **ВЫВОДОВ**, сделанных нами в ходе настоящего исследования, отметим, что эмоциональная интерактивность драматического произведения не является самодостаточной характеристикой: она предопределена характером и прагматическими установками дискурса пьесы. То же самое можно сказать и об эмоциональной интерактивности дискурса интервью, где эмотивность является дискурсивно обусловленной характеристикой, и о когнитивной и информационной интерактивности пьесы и прозы. Иными словами, и драматический дискурс, и дискурс интервью должны быть интерактивными – содержать обращенность к читателю или зрителю на разных уровнях, чтобы в полной мере реализовывать свои доминирующие прагматические функции: эстетическую функцию для пьесы и информирование/оказание влияния на читателя/зрителя в дискурсе интервью.

Отметим также, что, хотя интерактивный характер драматического дискурса и дискурса интервью является общей характеристикой для этих двух – во многом очень разных – форм дискурса, способы ее реализации в пьесе и в интервью не всегда одинаковые. Так, например, замечено, что характерной особенностью интервью, является то, что некоторые реплики напрямую предназначены для читателя/зрителя. Полагаем, что подобное непосредственное обращение к читателю или зрителю обусловлено важностью для медиадискурса информативности и оперативности в передаче информации.

В отличие от дискурса пьесы, в дискурсе интервью могут быть обращения к фоновым знаниям определенного круга читателей или зрителей, не понятные более широкой аудитории, что, на наш взгляд, также объясняется динамичным характером медиадискурса.

Отмечено также, что коммуникативные средства «общения» с читателем/зрителем варьируются в зависимости от канала передачи/восприятия информации. Применительно к когнитивной интерактивности следует отметить ее большее разнообразие в драматическом дискурсе по сравнению с дискурсом интервью: в некоторых случаях коммуникативные ожидания зрителя/читателя пьесы оправдываются, а в некоторых – нет.

Применительно к эмоциональной интерактивности, отмечено, что средства ее достижения различаются в интервью и в пьесе, и что

в ряде случаев проявления эмотивности в интервью могут быть спонтанными, как в неподготовленной речи.

В заключение выскажем предположение, что реализуясь на разных уровнях коммуникации – информирование, когниция, эмоции – интерактивность способствует созданию коммуникативной целостности как дискурса интервью, так и дискурса пьесы: донесению до зрителя или читателя тех идей, которые драматург вложил в свою пьесу, и предоставлению зрителю или читателю интервью наиболее полной и объективной информации относительно точки зрения интервьюируемых по тому или иному вопросу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 50–64.
2. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.
3. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 3. – С. 84–93.
4. Беляевская Е. Г. Коммуникативная лингвистика: путь к когнитивной парадигме лингвистических исследований (использование фреймовых структур при анализе диалога) // Колшанский Геннадий Владимирович (1922–1985) Статьи разных лет. Развитие идей ученого в трудах его соратников и учеников. Коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам на основе идей Г. В. Колшанского. – М.: Рема, 2006. – С. 227–244.
5. Жалагина Т. А. Коммуникативный фокус в диалогических событиях // Языковое общение: единицы и регулятивы: сб. науч. тр. – Калинин : Изд-во КГУ, 1987. – С. 107–115.
6. Красноперова Ю. В. Дискурсивные стратегии участников интервью : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2005. – 19 с.
7. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума ; под ред. Ф. М. Кулакова. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.
8. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – Вып. XXIII. – М. : Прогресс, 1988. – С. 281–309.
9. Одинцов В. В. Стилистика текста. – М. : Наука, 1980. – 263 с.
10. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 38 с.

11. Соколова В. Л. Коммуникативная структура англоязычного художественного диалога (на материале англоязычной прозы и драмы XX века) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 250 с.
12. Теплицкая Н. И. Некоторые проблемы диалогического текста: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 253 с.
13. Хализев В. Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 260 с.
14. Штырева В. В. Прагмалингвистическая характеристика интервью (на материале французской прессы) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 163 с.
15. Brockett O. The Essential Theatre. – Fort Worth, TX: Harcourt Brace College Publishers, 1996. – 495 p.
16. Christie A. And Then There Were None // The Mousetrap and Selected Plays. – London : HarperCollinsPublishers, 1994. – P. 3–78.
17. Christie A. The Mousetrap // The Mousetrap and Selected Plays. – London : HarperCollinsPublishers, 1994. – P. 285–366.
18. *Fmr. Sec.* Hillary Clinton to Fareed Zakaria: Putin indirectly responsible for MH17. – URL: <http://cnnpressroom.blogs.cnn.com/2014/07/27/fmr-sec-hillary-clinton-to-fareed-zakaria-putin-indirectly-responsible-for-mh17/>
19. The Andrew Marr Show Interview: Philip Hammond, Mp Foreign Secretary July 20th 2014. – URL: <http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/20071402.pdf>
20. Transcript: Bill O'Reilly interviews President Obama. – URL: <http://www.foxnews.com/politics/2014/02/02/transcript-bill-oreilly-interviews-president-obama/>

УДК 81`38:42

К. И. Шпетный

кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области экономики ИПЭУ МГЛУ;
e-mail: kon5804@yandex.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СЭРА УИНСТОНА ЛЕОНАРДА СПЕНСЕРА-ЧЕРЧИЛЛЯ

Рассматриваются основные лингвостилистические особенности политического дискурса крупного государственного и политического деятеля Великобритании XX в. У.Черчилля. К исследованию привлечен большой фактологический материал. На основе политических, экономических, а также военных дискурсов осуществлен стилистико-когнитивный анализ использования и функционирования разнообразных и многочисленных экспрессивных средств и стилистических приемов в разные периоды его политической карьеры.

Ключевые слова: политический дискурс; лингвистическая стилистика; когнитивная наука; абзац; метафора; ирония; сентенция; обособление; повтор.

Shpetny K. I.

Ph. D., Professor, Department of linguistics and professional communication in economy, School of Law, Economics and Information Technologies, MSLU;
e-mail: kon5804@yandex.ru

LINGUOSTYLISTIC FEATURES OF THE POLITICAL DISCOURSE OF SIR WINSTON LEONARD SPENCER-CHURCHILL

Chief linguostylistic features of the political discourse of Winston Churchill, a major politician and statesman of Great Britain in the XX-th century are analysed. A significant volume of the original source material is drawn in. The stylistico-cognitive study of usage and performance of various and numerous expressive means and stylistic devices at the different stages of his professional career is carried out on the basis of political, economic and military discourse.

Key words: political discourse; linguistic stylistics; cognitive science; paragraph; metaphor; irony; epigram; detachment; repetition.

Настоящая статья посвящена рассмотрению основных лингвостилистических и когнитивных особенностей политического дискурса британского государственного и политического деятеля сэра Уинстона Леонарда Спенсера-Черчилля (1874–1965) – члена Английского

Парламента (1897), премьер-министра Соединенного королевства (1940–1945 и 1951–1955), подполковника армии Великобритании, историка, почетного члена Британской Академии (1952), художника, журналиста и писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе (1953), первого в истории почетного гражданина США (1963).

До настоящего времени политический дискурс сэра У. Черчилля не подвергался исследованию с позиций лингвистической стилистики [6] и когнитивной науки [3; 4].

Материалом исследования послужили политические и экономические дискурсы У. Черчилля в период с 1897 по 1963 год, представленные в полном собрании его речей и выступлений в 8 томах¹ (1974). Ниже приводятся основные количественные и концептуальные параметры его политических дискурсов [5] (см. табл. 1).

Таблица 1

Том	Страницы	Годы	Количество дискурсов	Концептуальные этапы политической биографии
I	1–1056	1897–1908	355	Первые политические речи, 1897 –
II	1057–2198	1908–1913	291	Начало политической карьеры
III	2199–3296	1914–1922	250	Молодой трибун 1897–1914
IV	3297–4416	1922–1928	198	1) Забвение и возрождение 1915–1925 2) Возвращение и изоляция 1925–1938
V	4417–5572	1928–1935	320	Возвращение и изоляция
VI	5573–6733	1935–1942	345	(1) Возвращение и изоляция (2) Время триумфа 1939–1963
VII	6734–7902	1943–1949	324	Время триумфа
VIII	7903–8710	1950–1963	218	Время триумфа

У. Черчилль является автором в совокупности более 2 400 политических, экономических, а также военных дискурсов. Их объемы весьма разнообразны: от 100–150 слов до 20 тыс. слов. Средний объем дискурса составляет 3,21 страницы (1 860 слов) при объеме в 580 слов на одной странице настоящего издания.

Самыми длинными являются экономико-политические дискурсы. Наибольшим по размеру оказался дискурс «The Budget», *April 24, 1928*, представленный в Палате общин [Т. IV, 4372–4405] –

¹ Политические дискурсы У. Черчилля, представленные в томах I–II, находятся на ссылке интернет-ресурса [2].

34 страницы (19 700 слов). Большими размерами отличаются дискурсы: «The Budget», *April 15, 1928*, представленный в Палате общин [Т. V, 4574–4603] – 30 страниц (17 500 слов) и военно-политический дискурс «Review of the War», *January 18, 1945*, представленный в Палате общин [Т. VII, 7083–7103] – 20,5 страниц (11 900 слов).

Дискурсы небольшого размера встречаются достаточно редко, например: «Lord Haig», *January 30, 1928* [Т. IV, 4343] – 128 слов или «The War» *September 4, 1914*, представленный в ратуше г. Лондон [Т. III, 2328] – 125 слов. Дискурсы не содержат, как правило, деления на части, разделы или подразделы, за исключением нескольких крупноразмерных экономических текстов, посвященных изложению годового бюджета страны.

Основной единицей политического дискурса У. Черчилля является абзац, представляющий собой либо одно сверхфразовое единство, либо включающий в себя несколько СФЕ, объединяемых в одну графически оформленную целостность. Таковы, например, начальные абзацы дискурса – первого выступления У. Черчилля в Британском парламенте – «The Maiden Speech», *February 18, 1901*, сделанного в Палате общин, в которых можно выделить два СФЕ в первом абзаце и одно СФЕ во втором абзаце [Т. 1]:

I understood that the hon. Member to whose speech the House has just listened, had intended to move an Amendment to the Address. // The Text of the Amendment, which had appeared in the papers, was singularly mild and moderate in tone; but mild and moderate as it was, neither the hon. Member nor his political friends had cared to expose it to criticism or to challenge a division upon it, and, indeed, when we compare the moderation of the Amendment with the very bitter speech which the hon. Member has just delivered, it is difficult to avoid the conclusion that the moderation of the Amendment was the moderation of the hon. Member's political friends and leaders, and that the bitterness of his speech is all his own.

It has been suggested to me that it might perhaps have been better, upon the whole, if the hon. Member, instead of making his speech without moving his Amendment, had moved his Amendment without making his speech.

На схожем основании построены два первых абзаца в нижеприводимом политическом дискурсе, относящемся к 1953 году, – «Westminster Abbey Appeal», *January 30, 1953*, сделанном в Иерусалимском зале Вестминстерского аббатства; в нем можно вычленить два СФЕ в первом абзаце и два СФЕ во втором абзаце [Т. VIII, 8447]:

We are met here to-day for a purpose for which we believe that at least a million people throughout the English-speaking world will be happy to give a pound and perhaps repeat the process; and others less wealthy will be proud to join with their friends in giving a pound. // That is what we are asking for to-day – a million pounds from a million people. We have one gift already; the Queen is the first subscriber. The purpose is to save from decay and ruin Westminster Abbey, in the famous words of Macaulay: “That temple of silence and reconciliation where the enmities of twenty generations lie buried.”

Westminster Abbey is not only an active centre of our religious faith, but the shrine of nearly a thousand years of our history. Founded by King Edward the Confessor it presents the pilgrimage of our race, and has been in many ways the focus of our island life. // Here all may see the panorama of our various fortunes, from the triumph of a Norman conqueror through the long succession of sovereigns who, in good or evil days, in glory and tragedy, safety and peril, unity and strife, have formed the chain of the ancient monarchy, until now we are looking forward to the moment next June when the Crown of St. Edward will be set upon the head of our young and beautiful Queen Elizabeth the Second.

Используемые в политических дискурсах У. Черчилля средства стилистической выразительности весьма многочисленны и разнообразны. Они являют собой широкую палитру нейтральных и экспрессивных возможностей британского варианта современного английского языка периода конца XIX века – 50–60-х гг. XX века: 1) лексико-семантические, 2) синтаксические, 3) фонетические выразительные средства и стилистические приемы [6]. Ниже приводятся количественные данные их употребления – по томам и хронологическим периодам (см. табл. 2).

Таблица 2

Лексико-семантические средства

Том I–II	Том III	Том IV	Том V	Том VI	Том VII	Том VIII	
Метафора	21	10	12	3	20	31	30
Метонимия	2	1	–	2	3	5	12
Ирония ¹	40	20	19	6	3	5	19
Каламбур	4	–	2	–	–	–	2
Эпитет	5	9	6	8	10	9	13
Сравнение	4	7	9	3	16	28	9
Фразеологические выражения	–	2	3	6	4	1	1

Преувеличение, гипербола	–	–	–	–	4	–	2
Пословица, поговорка	–	–	–	–	–	5	1
Цитация	2	2	–	–	6	8	11
Аллюзия	–	–	–	–	4	–	2
Цитация и аллюзия из Священного Писания Ветхого Завета и Нового Завета	4	2	–	–	7	12	6
Сентенция, афоризм	8	4	7	13	22	21	29

Синтаксические средства

Том I–II	Том III	Том IV	Том V	Том VI	Том VII	Том VIII	
Обособление	13	1	15	4	8	11	8
Повтор	6	11	8	1	13	7	2
Инверсия	1	–	–	–	1	3	2
Параллелизм	1	–	–	–	–	–	–
Нарастание	4	1	–	2	4	–	3
Антитеза	3	–	1	–	–	–	–
Вопрос	30	7	3	1	4	5	1
Литота	2	1	–	–	2	2	–
Восклицательные предложения	1	–	–	1	–	–	3

Фонетические средства

Том I–II	Том III	Том IV	Том V	Том VI	Том VII	Том VIII	
Аллитерация	9	–	–	–	4	3	9

В рамках настоящей статьи не представляется возможным дать развернутое толкование приведенных стилистических средств и выразительных приемов на отрывках из политических дискурсов У. Черчилля. Комментарий разнообразия и своеобразия использования иных стилистических средств, которые не отражены в таблице 2, но которые, представлены в исследуемых дискурсах, также остается за пределами данной работы. Ограничимся наиболее характерными иллюстрациями из приведенного выше в таблице 2 перечня.

Лексико-семантические средства

Метафора

The state of the country is not so black as politicians out of office are accustomed to paint it [T. V, 4516].

We have to combat the wolf of Socialism, and we will be able to do far more effectively as a pack of hounds than as a flock of sheep [Том VI, 5857].

They [the Three Great Powers] placed their barriers in the way, and all together our peoples – our three peoples and many other nations of the world – have crashed those barriers down. And in the van of all this struggle the Soviet armies have gained immortal honour [T. VII, 7106].

World politics, like the history of Gog and Magog, are very confused and much disputed. Still I think there is room for both of them. On the one side is Gog and on the other Magog. But be careful my Lord Mayor, when you put them back, to keep them from colliding with each other, for if that happens both Gog and Magog would be smashed to pieces and we would all have to begin all over again – and begin from the bottom of the pit.

Whatever are the differences between Gog and Magog, at any rate they are made of the same materials. Let me tell you what the materials are ... [T. VIII, 8298].

Метонимия

I think that the right hon. Baronet is also a remarkable instance of a very peculiar phenomenon. I have always noticed that whenever a Radical takes to Imperialism he catches it in a very acute form [T. I].

One of the main pillars of any modern society is a stable value for money. 'Honest money', as it is called, is the only means by which goods and services can be fairly interchanged for mutual benefit between fellow citizens [T. VIII, 7905].

My heart goes out to Cockneys [T. VII, 7156].

... and anyone who interrupts in an organized manner a great public gathering is guilty of those very crimes our soldiers have swept away across Europe with fire and sword [T. VII, 7200].

¹В раздел «ирония» мы также условно включили случаи употребления шутивных, юмористических, саркастических и сатирических высказываний.

Ирония

... every detail of the construction of the German fleet – a long conceived plan, slowly unfolding year by year, programme by programme, on which such extraordinary efforts were directed, and to which so much foresight and skills were devoted, – every detail of it showed and proved that it was meant for us, for our exclusive benefit [T. III, 2338].

Literature and the press, literature and journalism – are we sure that these are two separate things? Is it so arranged that on one side everything, however bad, is literature and on the other side everything, however good, is journalism? (Laughter.) Or is the dividing line to be simply one of quality, everything above a certain standard is literature and everything below that standard journalism, or should it be the other way round? (Laughter) [T. IV, 3503].

We have certainly had a depressing year since the General Election. I do not blame the Socialist Government – for the weather. We must also make allowances for all the difficulties which mark the aftermath of war [T. VII, 7382].

Parliament is having a holiday. This is a very good thing for the House of Commons. I have rarely seen it more jaded in the fifty years I have served there [T. VIII, 8402].

But what happened! We went to Parliament to find the great Protectionist party – the party that was sweeping the country, only the country did not know it (laughter), and what did we find? [Том I].

You know the old joke about how the War Office is always preparing for the last war... [T. VIII, 8030].

Каламбур

It has been suggested that it might perhaps been better, upon the whole, if the hon. Member, instead of making his speech without moving his Amendment, had moved his Amendment without making his speech [T. I, The Maiden Speech, February 18, 1901].

Above all, we have this intruder – the air, which has shoved its way in and continues to push forward in all directions, laying its hand now on this and now on that until a lot of people began to think that it is the only pebble on the beach. That would be going too far: because I am quite sure of this, that all modern science has been exploited and employed, and when all the worst that can be done has been done in some terrible encounter ... [T. VIII, 8030].

Эпитет

The mighty United States [T. VIII, 8051]; a grave hour [T. VIII, 8195]; a very fair-minded plan [T. VIII, 8533]; grim experiences [T. VIII, 8683]; my solemn and heartfelt thanks [T. VIII, 8710]; the large and generous floods of money [T. III, 2221]; plans long preferred, methodically worked out, and executed with the precision of deliberation [T. III, 2329]; light and vain encouragement [T. III, 2329]; the cruel tides of German devastation [T. III, 2340]; these sanguine hopes [T. VII, 6756]; our earnest hope and bounden duty [T. VII, 7015]; this melancholy occasion [T. VII, 7019]; tremendous propaganda [T. VI, 5626]; the wrath of foes [T. VI, 5803]; a year of baffling difficulties [T. VI, 5871]; the magic gift of genius; a glorious intensity; the terse and syncopated vivacity of his style; unending amazement; innumerable readers; he could not illuminate with a light unexpected, piercing, enchanting [T. VI, 5904].

Сравнение

London, like a great rhinoceros, a great hippopotamus, saying: "Let them do their worst. London can take it." London could take anything [T. VII, 7156].

Protection is like dram drinking – it produces a transient exhilaration that is succeeded by other less satisfactory symptoms ... [T. II].

The financial year which has just closed resembles its predecessor in various ways. Again, the failure of beer was repaired was repaired by the harvest of death [T. V, 4575].

Let me also pay my tribute to this vehement and formidable General Montgomery, a Cromwellian figure, austere, severe, accomplished, tireless, his life was given to the study of war [T. VII, 6751].

There are those non-God religions, Nazism and Communism. We are urged from the Continent and from different quarters that we must choose which side we are on. I repudiate both, and will have nothing to do with either. As a matter of fact, they are as like as two peas [T. VI, 5823].

Фразеологические выражения

To share the pleasures of life [T. VI, 6090]; we must just make the best of things as they come along [T. VI, 6296]; ... and he certainly had a good try. Now the boot is on the other leg [T. VI, 6631]; the task of rebuilding our hearth and homes [T. VII, 7155]; the hum and throb of events [T. VIII, 7904]; we pray that she may now rest in peace [T. VIII, 8465]; the labours of Hercules [T. I].

Пословица, поговорка

It is never too late to mend [T. VII, 7284]; prevention is better than cure [T. VII, 7290], [T. VIII, 8661]; there is a saying in England, “Experience bought is better than taught.” We have bought the experience [T. VII, 7382]; There is a good saying to the effect that when a new book appears one should read an old one. As an author I would not recommend too strict an adherence to this saying [T. VII, 7644]; Philosophers have argued about whether the pen is mightier than the sword [T. VI, 6677].

Цитация

Rudyard Kipling:

“Who stand if Freedom fall,
Who dies if England live?” [T. VI, 5906].

Andrew Marvell's «An Horatian Ode» (Upon Cromwell's Return From Ireland):

“He nothing common did or mean
Upon that memorable scene” [T. VI, 6236].

W. Churchill himself:

“This was their finest hour” [T. VI, 6238].

Emperor Napoleon:

“These same Prussians who are so boastful today were three to one at Jena and six to one at Montmirail” [T. VI, 6296].

Edmund Burke, philosopher:

“People will not look forward to posterity who never look backward to their ancestors” [T. VI, 6426; T. VIII, 8321].

Edward Bulwer-Lytton in his play Richelieu; Or the Conspiracy:

“The pen is mightier than the sword” [T. VI, 6677].

Jonathan Swift, Dean:

“We are the chosen few
All others will be damned
There is no place in Heaven for you,
We can't have Haven crammed” [T. VIII, 7907].

Benjamin Disraeli, Prime minister:

“Centralization is the death-blow of public reform” [T. VIII, 7922].

The elder William Pitt, 1st Earl of Chatham, British statesman:

“If I were an American, as I am an Englishman, and foreign troops were landed in my country, I would never lay down my arms – never, never, never” [T. VIII, 8323].

Thomas Macaulay, historian:

“That temple of silence and reconciliation where the enmities of twenty Generations lie buried” [T. VIII, 8447].

“In no other cemetery do so many citizens lie within so narrow a space” [T. VIII, 8447].

***Цитация и аллюзия из Священного Писания
Ветхого Завета и Нового Завета***

That has been said before in this debate, and it is what the Chief Secretary for Ireland called a hackneyed tag. I think, with as much reason, you might also call the Ten Commandments a hackneyed tag [T. 1, The Maiden Speech, 1901].

The mighty strength which was thrown into the struggle terminated, in the mercy of God, last year, and it was inevitable that the struggle should terminate victoriously for freedom from the moment that the United States entered the war [T. III, 2823].

... while the long splendours of gathering strength in the Victorian Age prepared us for the shock of Armageddon [T. VI, 5906].

Today is Trinity Sunday. Centuries ago words were written to be a call and a spur to the faithful servants of Truth and Justice: “Arm yourselves, and be ye men of valor, and be in readiness for the conflict; for it is better for us to perish in battle than to look upon the outrage of our nation and our altar. As the Will of God is in Heaven, even so let it be” [T. VI, 6223].

From the bottom of my heart I thank you. God bless you [T. VII, 6735].

“The flame of Christian Ethics” [T. VII, 7643].

... which pray God may never occur [T. VIII, 8030].

... if ever it comes – which God forbid – will come at the moment of Russian choice [T. VIII, 8131].

World politics, like the history of Gog and Magog, are very confused and much disputed < приведем небольшой отрывок, поскольку это большая развернутая метафора размером 399 слов, 3 абзаца. См. полнее здесь выше > [T. VIII, 8298].

Сентенция, афоризм, изречение

I have always noticed that whenever a Radical takes to Imperialism he catches it in a very acute form [T. I, The Maiden Speech].

I had always been led to believe that the generals existed for the Army, and not the Army for the generals [T. I, Army Reform].

Liberalism will not be killed. [Cheers.] Liberalism is a quickening spirit – it is immortal [T. II, Liberalism and Socialism].

The navy cannot fight while the enemy remains in port [Laughter] ... [T. III, 2336].

... in our land the true motto is “Look after the war and after the war will look after itself” [T. III, 2493].

A German said to me a little while ago, “We think the next war will be fought with electricity.” A French man said “Our idea is that disease will play the main part in the next war.” This is sure, that if the human race uses the resources of science and its own genius to invent methods of exterminating the human species they will not fail in the end of the effort. I firmly believe, however, that the world we live in has had enough of war [T. IV, 3433].

All human processes of expressing corporate opinion are vitiated by imperfections [T. V, 4442].

Nothing can save England if she will not save herself [Tom V, 5268].

Wars come very suddenly [T. V, 5323].

What is done is done. What has been done or left undone belongs to history, and to history, so far as I am concerned, it shall be left [T. VI, 5821].

Times are dangerous. Dire forces are at work in many countries. No one can tell what the future holds. Indeed, if one lifted the veil and reported what there was to be seen, no one would believe it. The future is in the region of the unknown, but there is one thing that is not unknown, and it is that we stand together whatever fortune may betide [T. VI, 5868].

The arts are essential to any complete national life [T. VI, 5947].

If it be true, as has been said, that every country gets the form of government it deserves, we may certainly flatter ourselves [T. VII, 7165].

There is no reason why Soviet Russia should feel ill-rewarded for her efforts in the war. If her losses have been grievous, her gains have been magnificent [T. VII, 7300].

All the greatest things are simple, and many can be expressed in a single word: Freedom; Justice; Honour; Duty; Mercy; Hope [T. VII, 7483].

Without food, work is impossible and homes a mockery [T. VIII, 7905].

To work from weakness and fear is ruin. To work from wisdom and power may be salvation [T. VIII, 8050].

As history unfolds itself, by strange and unpredictable paths, we have little control over the future and no control over the past [T. VIII, 8323].

The University is a treasure house of the country's future [T. VIII, 8607].

Our mistakes cannot be undone, but let us at least study and profit from them [T. VIII, 8661].

Синтаксические средства

Обособление

Not to vote on what is now at stake for our country – or to vote in a way which wastes the vote – would be a failure to rise to the level of events [T. VIII, 7903].

British and American manhood – two brothers in arm – will attack and grapple with the deadly foe [T. VII, 6878].

We cannot afford – we have no right – to look back [T. VI, 5822].

We have made in the central part of our work in the closing days of this Parliament to propose a measure, remedial in its character, wide in its scope, far-reaching in its intentions, which will occupy this Parliament for the rest of its life [T. V, 4417].

To the best of my belief – and I have made searching inquiries and taken several cross checks – these figures are not in any way exaggerated [T. VI, 6278].

... but I do say that you are entitled – the British Empire is entitled – to obtain a reasonable and fair margin of profit on its rubber productions [T. IV, 3467].

Повтор

This is a peculiar gathering in which both sides are taking part / (Laughter.) Of course / in a free country like ours ... every one has a perfect right to cheer or boo as much as he likes. (Cheers and boos) ... I have come in the first place to say something to you which is not at all of a controversial character. So both cheerers and boosers can take a moment off. I have come to congratulate London ... upon her wonderful record in the war.

Would you like to boo that?

There was a time when we were all alone, all alone for a year, but by holding firm we not only came through ourselves but we enabled great nations like Soviet Russia – (cheers and interruptions). Well, surely no one is going to boo Soviet Russia?

Look out. Hold on to your chairs. This is one you will not like – two-thirds of those houses were built by private enterprise. (Loud cheers.) Have a good boo about that; have a good boo – private enterprise.

... A lot of silly loud-mouthed people make – (cheers and boos) – all sorts of comments ...

Now where is the boo party? I shall call them henceforward in my speech the doing party. Everyone have a good boo.

Where I think the booing party are making such a mistake is dragging all this stuff across the practical tasks we have to fulfil.

I am not going to speak any more to the boopers ...

... (Prolonged cheers mixed with booing.)

I must express my thanks for the kind words which have been spoken, and I give my entire forgiveness to the boopers [T. VII, Election Address, July 3, 1945, 7200–7203].

I speak to you for the first time as Prime Minister in a solemn hour for the life of our country, of our Empire, of our Allies, and, above all, of the cause of Freedom [T. VI, 6221].

We did not enter upon the war with the hope of easy victory; we did not enter upon it in any desire to extend our territory ... We entered upon this war reluctantly after we had made every effort compatible with honour to avoid being drawn in, and we entered upon it with a full realization of our sufferings, losses, disappointments, vexations, and anxieties ...

But though we entered this war with no illusions as to the incidents which will mark the progress, as to the ebb and flow of fortune in this and that party of the gigantic field over which it is waged, we entered it, and entered it rightly, with the sure and strong hope and expectation of bringing it to a victorious conclusion [T. III, The War, September 4, 1914, 2330].

Литота

Those, it seems to me, are great words which may well be our guide not only in France but in Britain, at this stage in our journey which, though encompassed by unmeasured perils, is sustained by solid confidence and not uncheered by hope [T. VI, 6096].

I hope I am not misinterpreting the right hon. Gentleman in any way [T. I, The Maiden Speech];

Gentleman the Colonial Secretary will leave nothing undone to bring home to those brave and unhappy men who are fighting in the field ... [T. I, The Maiden Speech].

Фонетические средства

Аллитерация

to bear the brunt of the public contention [T. I, The Maiden Speech]; all economy of soldiers or supplies [T. I, Army Reform]; two barrels to my blunderbuss [T. I, Army Reform]; without the greatest alarm and apprehension [Vol. I, Army Reform]; our power and prosperity [T. I, Army Reform]; the two principal protagonists of Protection [T. I, The Free Trade League]; we may call these people the "Sheffield Shufflers" [loud laughter] [T. I, The Free Trade League]; "Deepening and Darkening Danger" [T. VI, the title, 5624]; the repeated chops and changes [T. VI, 5624]; in strength and skill [T. VIII, 8321]; to go on bickering and biting [T. VIII, 8402].

Ритм

Now I come to work. All parties are agreed that the prevention of unemployment ...

Lastly our homes. It is the homes that I wish to end in tonight ...

Class quarrels, endless party strife, on a background of apathy, indifference and bewilderment will lead us all to ruin [T. VIII, 7906–7907].

The world is exhausted. Europe is ruined. Our customers abroad are bankrupt and impoverished. Governments in some of the greatest nations rise and fall with bewildering rapidity. Three, four, or five times a year they change. The Ministers blow in and out of the public offices like the tide comes up and goes down the Tay. There is great instability, and Britain almost alone towers out among these countries like a great rock amid the swirling waters [T. IV, 3299];

But I must give you a warning. Time may be short. At present there is a breathing-space. The cannon have ceased firing. The Fighting has stopped; but the dangers have not stopped. If we are to form the United States of Europe or whatever name or form it may take, we must begin now [T. VII, 7381].

В функционально-стилистическом плане дискурсы У. Черчилля характеризуются отнесенностью к стилю публицистики, дискурсу публичной политической речи. Видимо, не является случайным обстоятельство, что У. Черчилль интересовался журналистикой и пробовал свое перо в этой области, что, однако, никак не затмевает его деятельности как видного британского политика и искусного дипломата.

В стилистическом отношении дискурсы У. Черчилля можно считать примерами правильной и богатой стилистическими ресурсами английской политической речи XX века.

Если очевидной целью ораторского стиля речи признавать задачу убеждения слушающих, то из этого положения следует, что стиль политических дискурсов У. Черчилля вряд ли можно было бы отнести непосредственно к искусству красноречия. Тем не менее в его политических дискурсах встречаются элементы и отдельные отрывки и высказывания, которые можно, несомненно, отнести к артефактам ораторского искусства, например:

Democracy is more vindictive than Cabinets. The wars of peoples will be more terrible than those of kings.

“Why, then,“ it may be said.” surely we must neglect nothing to make ourselves secure, Let us vote this thirty millions without more ado.” If this vast expenditure on the Army were going to make us absolutely secure? Much though I hate unproductive expenditure, I would not complain. But it will do no such thing. The Secretary for War knows – none better than he – that it will not make us secure, and that if we went to war with any great Power his three army corps would scarcely serve as a vanguard.

If we are hated, they will not make us loved. They are a broken reed to trust to. If we are in danger, they will not make us safe. They are enough to irritate; they are not enough to overawe. They cannot make us invulnerable, but they may very likely make us venturesome [T. 1, Army Reform].

We are met together at a time when great exertions and a high constancy are required from all who cherish and sustain the Liberal cause. Difficulties surround us and dangers threaten from this side and from that. Exultant enemies are gathering: weak friends are nervous or dishearted, Voices are raised in counsels, both equally unwise, of impatience or of lassitude. From such a situation you may emerge triumphant, but to do that there will have to be, in leaders and in followers, shrewd clear plans of action, true stout-hearted comradeship, and unwearying determination [Cheers] [T. II, The Approaching Conflict].

You would naturally expect me to speak to you about the war. Indeed, what else is there in the world but the war? (Hear, hear.) And what else is there in any of our minds but the war – the whole war and nothing but the war? That must animate all our actions. That must dominate all our arrangements. That must govern and inspire the whole of our national life [T. III, 2492].

Lord Curzon`s statement makes it clear that there is no dispute between us on the three silent facts which I have stated.

First, that the Cabinet as a whole, including Lord Curzon, decided that a message should be sent to the Dominions informing them of the situation and inquiring whether they would participate if the need arose in measures taken to defend the Straits.

Secondly, that the sole reason why he was not consulted upon any statement to be made to the public upon the situation on September 16 was his absence from his post on grounds, not of necessity, but of personal convenience.

Thirdly, that he was party to the discussions which took place among all his principal colleagues on the question of the election ... [T. IV, 3374].

There are a few things I will venture to mention about England. They are spoken in no invidious sense. Here it would hardly occur to anyone that that the banks would close their doors against their depositors. Here no one questions the fairness of the courts of law and justice. Here no one thinks of persecuting a man on account of his religion or his race. Here everyone, except the criminals, looks on the policeman as the friend and servant of the public. Here we provide for poverty and misfortune with more compassion, in spite of all our burdens, than any other country. Here we can assert the rights of the citizen against the State, or criticize the Government of the day, without failing in our duty to the Crown or in our loyalty to the King ... [T. V, England, 5267].

Where are we now? Can anyone doubt that if we are worthy of it, as we shall be, we have in our hands our own future? As in the last war, so in this, we are moving through many reverses and defeats to complete and final victory. We have only to endure and to persevere, to conquer. Now we are no longer unarmed; we are well armed. Now we are not alone; we have mighty allies, bound irrevocably by solemn faith and common interests to stand with us in the ranks of the United Nations. There can only be one end. When it will come, or how it will come, I cannot tell. But, when we survey the overwhelming resources which are at our disposal, once they are fully marshaled and developed – as they can be, as they will be – we may stride forward into the unknown with growing confidence [T. VI, 6629–6630].

My dear friends, this is your hour. This is not victory of a party or of any class. It`s a victory of the great British nation as a whole. We were the first, in this ancient island, to draw the sword against the tyranny. After a while we were left all alone against the most tremendous military power that has been seen. We were all alone for a whole year.

There we stood, alone. Did anyone want to give in? [The crowd shouted “No.”] Were we down-hearted? [“No.”] The lights went down and the bombs came down. But every man, woman and child in the country had no thought of quitting the struggle. London can take it. So we came back after long months from the jaws of death, out of the mouth of hell, while all the world wondered. When shall the reputation and faith of this generation of English men and women fail? I say that in the long years to come not only will the people of this island but of the world, wherever the bird of freedom chirps in human hearts, look back to what we’ve done and they will say “do not despair, do not yield to violence and tyranny, march straight forward and die if need be – unconquered.” Now we have emerged from one deadly struggle – a terrible foe has been cast on the ground and awaits our judgment and our mercy [T. VII, To V-E Day Crowds, May 8, 1945, 7155].

Выраженной лингвистической особенностью экспрессивного политического дискурса У. Черчилля является эволюция индивидуального речевого стиля политика в период его деятельности с 1897 по 1963 год, т. е. за 66 лет его пребывания в сфере британского политического истеблишмента: изменения в номенклатуре использования экспрессивных средств; сдвиги в частотности их употребления; раскрытие их ранее не использованного потенциала.

В связи с тем, что свои первые политические дискурсы У. Черчилль начал предъявлять начиная с конца XIX века, а первую политическую речь в английском парламенте (The Maiden Speech) он произнес 18 февраля 1901 года, стиль его речей отражает политическую культуру, общественный уклад жизни, национальные, социальные, идеологические и конфессиональные установки и предпочтения эпохи королевы Виктории и последовавшей за ней истории Соединенного Королевства, когда и в середине XX в. предпринимаются попытки исповедовать идеи и осуществлять политические цели Британской империи.

Дискурсы У. Черчилля в концептуальном отношении отражают реалии и действительность своего времени: события двух мировых войн и послевоенные устройства в Европе и повсеместно во всем мире в условиях, когда Великобритания потеряла статус великой державы.

Они характеризуют У. Черчилля как крупного деятеля английской политической сцены, искусно использующего стилистический потенциал едва ли не всех языковых уровней литературного английского

языка [1] для когнитивной реализации основных государственных идей островного государства, которые, согласно словам самого сэра Уинстона Черчилля в его воспоминаниях о Второй мировой войне, опираются на выведенные и выверенные им факторы государственной политики Великобритании [Т. VI, 6062]:

In War: Resolution.
In Defeat: Defiance.
In Victory: Magnanimity.
In Peace: Good Will.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ дискурса и стилистика: проблемы и решения. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – 158 с. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 17 (703). Сер. Языкознание).
2. Выступления У. Черчилля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.winstonchurchill.org/resources/speeches>
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
4. Шпетный К. И. Типологические признаки притчи // Профессиональные дискурсы в когнитивном и функциональном ракурсах. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 116–135. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (685). Сер. Языкознание).
5. Churchill, Winston Leonard Spenser. His Complete Speeches. 1897–1963. – Vol. I–VIII. Ed. by Robert Rhodes James. – N. Y.–London : Chelsea House Publishers, Bowker Company, 1974. – 8917 p.
6. Galperin I. R. Stylistics. Third edition. – М. : Vysšaja škola, 1981. – 335 p.

УДК 811.111

А. П. Гусева

соискатель кафедры стилистики английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: guseva.ap@gmail.com

ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ЖАНРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Статья освещает роль иконичности, индексальности и символичности в построении смысла полимодального художественного дискурса. Рассматривается понятие когнитивной поэтики как способа конструирования художественного дискурса.

Ключевые слова: художественный дискурс; когнитивная поэтика; построение смысла; полимодальность; иконичность; индексальность; символичность.

Guseva A. P.

Postgraduate, Chair of English Stylistics Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: guseva.ap@gmail.com

THE EXPERIMENTAL GENRE OF LITERARY DISCOURSE AND ITS MULTIMODAL POTENTIAL

The present paper focuses on the role of iconic, indexical and symbolic signs in the meaning construction of multimodal literary discourse. The notion of cognitive poetics is considered as an approach to building literary discourse.

Key words: literary discourse; cognitive poetics; meaning construction; multimodality; icon; index; symbol.

В течение двух последних десятилетий в современной лингвистике и литературоведении стремительно развивается концепция литературы как познания – когнитивная поэтика. Термин «поэтика» долгое время использовался преимущественно для обозначения раздела теории литературы, рассматривающего вопросы структуры и формы художественного текста. В основу концепции когнитивной поэтики был положен хорошо известный сегодня подход к пониманию поэтики как эстетики художественного творчества М.М. Бахтина: «поэтика должна быть эстетикой словесного художественного творчества, понимая под эстетикой не метафизическую концепцию красоты, а научно-систематическую теорию объекта художественного восприятия... изучение приемов построения литературных произведений является только одной из задач поэтики» [1, с. 147]. Таким

образом, когнитивная поэтика изучает не только способы конструирования художественных текстов, но и механизмы их воздействия на человека. По мнению П. Стокуэлла [9], когнитивная поэтика имеет только те границы, которые устанавливаются самим исследователем, т. е. данное направление понимается как набор подходов, как способ взглянуть на литературу с когнитивной точки зрения.

Согласно семиотическим концепциям Г. Кресса и Т. ван Леувена, любой вид коммуникации является полимодальным, т. е. представляет собой взаимодействие разных знаковых систем. Под полимодальностью понимается явление сосуществования двух или более семиотических модусов в рамках одного контекста. Феномен полимодальности является неотъемлемой частью человеческой жизни, так как человек воспринимает окружающий мир через различные сенсорные каналы – посредством зрения, слуха, движений, и даже простейшая коммуникация включает в себя использование не только языка, но и жестикуляции, мимики и др. Первой работой, всецело направленной на изучение явления полимодальности, стал труд Г. Кресса и Т. ван Леувена «Reading Images: The Grammar of Visual Design» [5], в котором они определяют полимодальный текст как текст, смысл которого актуализируется посредством более чем одного семиотического модуса.

Современные исследования в области нейронаук демонстрируют возобновившийся интерес к изучению познания, чувственного восприятия, а также границ между различными его видами. Т. Стэффорд и М. Уэбб в своей книге «Mind Hacks: Tips and Tools for Using Your Brain» [8] сообщают, что одновременное восприятие информации посредством двух сенсорных каналов обеспечивает более глубокое ее понимание. В свою очередь, А. Хатех и соавторы в своей работе подтверждают, что обработка информации, поступающей через разные каналы восприятия, идет по разным проводящим путям нейронной системы [4]. Так, исследователи пришли к выводу, что процесс узнавания и понимания языковой единицы и изображения происходит в разных участках мозга. За процесс узнавания и понимания лингвистического знака отвечает левое полушарие, графического изображения или иллюстрации – правое. Полимодальные тексты способствуют более глубокому и всеобъемлющему восприятию и пониманию текста, так как слово и образ оказываются одновременно вовлеченными в конструирование общего смысла.

Язык является открытой системой, и его свойства определяются связанными с различными областями человеческого опыта процессами концептуализации. С точки зрения когнитивистики, учет контекста и фоновых знаний происходит в мозгу человека параллельно с анализом собственно лингвистической информации и оказывает на него непосредственное влияние. Одним из центральных в когнитивной лингвистике является понятие «воплощенности» (embodiment). Тезис о том, что мышление неразрывно связано с анатомическими и физиологическими особенностями человека, его перцептивным и моторным опытом, т. е. о воплощенности мышления, был выдвинут М. Джонсоном и Дж. Лакоффом [3; 6]. Тем самым акцентируется непосредственная роль физического опыта взаимодействия человека с окружающим миром в организации понятийной системы последнего. В своей работе «The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason» М. Джонсон подчеркивает, что реальность для человека формируется через и в зависимости от характера движения нашего тела, его положения в пространстве и времени, а также форм взаимодействия с другими объектами [3].

Результаты исследований в области нейронауки показывают, что существует тесная связь между сенсомоторной деятельностью и языковым восприятием. Было экспериментально доказано, что лексические единицы, несущие в себе семантику действия, вызывают сходный характер активности в мозгу, таким образом демонстрируя, что языковое восприятие – это воплощенный процесс [7]. Эти идеи были восприняты в лингвистике, что можно проиллюстрировать, рассмотрев художественные произведения, написанные в жанре экспериментальной литературы. Оформившаяся как отдельный жанр в конце XX – начале XXI века, экспериментальная художественная литература отличается инновационным подходом к форме репрезентации информации. Одним из способов представления информации и конструирования смысла в таких произведениях является одновременное обращение к нескольким модусам передачи информации, что, в свою очередь, может сопровождаться использованием семиотических знаков. Визуальные конститuentы в таких текстах представляют собой символы, иконы и индексы.

Известный современный американский автор Рэймонд Федерман использует различные модусы для конструирования смысла произведения. В его книге «Double or Nothing» [2] линейное повествование

реструктурировано, на первый взгляд, в практически бессвязную последовательность лингвистических и графических знаков. Книга повествует о писателе, который готов закрыться на год в номере мотеля с пишущей машинкой, продуктами питания и необходимыми вещами для того, чтобы написать историю персонажа по имени Борис, приехавшего в США из Франции после Второй мировой войны. Имея целью обеспечить себе существование без необходимости покидать номер мотеля, в одном из эпизодов герой размышляет о том, как ему купить 365 пачек лапши и не привлечь к себе излишнего внимания других покупателей и продавцов в супермаркете. После некоторого рассуждения он приходит к выводу, что наилучший вариант – это совершить покупку в 37 подходов, в каждый из которых, кроме последнего, он будет покупать и нести по лестнице десять пачек лапши, в то время как в последний подход ему останется купить и отнести пять пачек. Надвигающаяся перспектива подняться и спуститься по лестнице 37 раз чрезвычайно расстраивает героя, так как многократный подъем и спуск по лестнице – занятие утомительное. С целью эмоционально вовлечь читателя в идеи и ощущения героя, вызванные предстоящей перспективой подниматься и спускаться по лестнице, автор совмещает два типа модальности – языковую и графическую. Расположив числа от 1 до 37 (что соответствует количеству подъемов и спусков по лестнице) в две линии, автор провоцирует читателя произнести каждое из чисел, посчитав от 1 до 37, и, опираясь на собственный опыт хождения по лестнице, ощутить, насколько утомительный процесс предстоит герою. Числа расположены по порядку и линейно, что является репрезентацией одного из принципов иконичности – принципа последовательности, согласно которому порядок расположения знаков отражает естественную последовательность (см. рис. 1). Вертикально расположенные буквы в слове *trips* и следующее за ними графическое изображение стрелки, направленной в правый нижний угол страницы, указывает на то, каким образом нужно повернуть книгу, чтобы продолжить чтение. Очевидно, что рисунок стрелки является графическим знаком-индексом и определяет направление движения взгляда читателя, что, в свою очередь, способствует пониманию смысла.

Like during the war... the occupation... and what an occupation!!! I just can't walk into a grocery store and ask for 365 boxes of noodles... they'll think I'm cracked... they'll look at me as if I'm crazy... even in the supermarket you just can't walk around with a buggy full of noodles... noodle boxes... 365 of them... it's not normal... it's irregular... they'll think you're a salesman or something... only thing to do is make trips... lots of trips... up and down the stairs... Up & Down...

Let's say you buy 10 boxes at a time... 10 boxes in one basket... that's almost human... nobody can question 10 boxes... and if someone asks you can always say you're having a party... a family dinner 10 boxes in one basket that's a little more than 36 trips... 36 trips just for noodles!!! 36 and 1/2... 2 trips... to be exact... but of course since you can't have half trips... all trips are full trips... it'll have to be 37 trips... yes... up & down the damn stairs...

Sweating like hell... arms full of boxes... unless you decide to buy only 8 boxes at a time... 8 boxes each trip... that makes more trips... of course... 42.625 trips exactly... that's idiotic... 10 boxes a trip is much easier and much faster too... you come out with an even 1/2 trip rather than that god-damn little .625 trip which in itself is an impossibility since you can't cut boxes in half... all trips are full trips... unless of course you make 35 trips with 10 boxes and the last one... the 36th... with 15 boxes... then you have only 36 trips... but the best is 37 trips... 36 with 10 boxes and 1 with 5 boxes... makes more sense... yes... 37 trips:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29
30 31 32 33 34 35 36 37 T
R
I
P
S

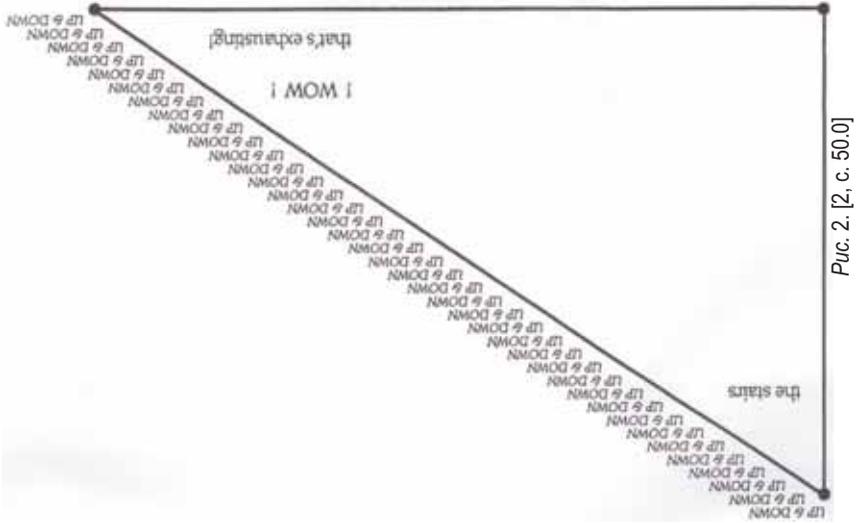

Рис. 1. [2, с. 50]

Рис. 2. [2, с. 50.0]

Образ лестницы (Рис. 2) визуализирован посредством изображения треугольника, иконично передающего ее физическую форму. Индексальные дейктические единицы *up* and *down* с одной стороны, апеллируют к опыту читателя и вызывают в его сознании концепт «спускаться и подниматься по лестнице». С другой – функционируют как графический компонент, иконично передавая форму и расположение ступенек лестницы. Таким образом, чтобы занять правильное положение в пространстве относительно текста, читатель должен совершить действие, соответствующее положению ступенек, т. е. перевернуть книгу. Так одновременное использование лингвистического и графического семиотических знаков обеспечивает полноценное понимание дискурса.

В другом эпизоде автор прибегает к использованию знаков-икон для передачи количественной характеристики «много времени» через особый способ расположения букв T, I, M, E, составляющих слово *time* на странице (см. рис. 3). Точки, разделяющие буквы в слове *time*, представляют собой иконическую репрезентацию концепта «much», усиленного посредством интенсификатора *too*, что заставляет читателя дольше задерживать внимание на данном слове и обостряет ощущение длительности.

Can't waste too much T.....I.....M.....E on that however...

Рис. 3. [2, с. 73]

Данные примеры демонстрируют, что сочетание лингвистических и графических семиотических знаков (икон и индексов) является средством смешения модусов и вносит значительный вклад в конструирование смысла полимодального дискурса. Управляя вниманием читателя, автор формирует его реальность, всецело вовлекая в повествование.

В следующем приводимом для анализа примере (см. рис. 4) мы можем наблюдать использование графического символа «\$», который конвенционально означает деньги, а именно – американскую валюту, доллар. Данный знак-символ является графическим элементом, который коррелирует с лингвистическим элементом *money* как означающее с означаемым.

Эпизод описывает главного героя, выходящего из казино и радующегося карманам, полным выигранных там фишек, которые

символизируют деньги. Внимание читателя фокусируется на различных аспектах выигранных денег – количестве фишек, их номинале и цвете посредством неоднократного повтора слов *chips* (фишки) и назывании их цвета (*green, yellow*). Названия цветов в контексте игровых фишек являются знаками-индексами, они обращаются к фоновым знаниям читателя и вызывают в сознании ассоциативные связи: желтая фишка имеет номинал 5 долларов, зеленая – 25 долларов. В тексте эта информация вербализована через числительные 5 и 25 и символом «\$». Рассказчик взволнован выигрышем и рад своему улучшившемуся материальному положению. Эта мысль поддерживается изображением (см. рис. 4) графического знака-символа «\$», который транслирует сфокусированность внимания рассказчика на выигранных деньгах. Кроме того, использование знака-символа американской валюты играет важную роль во введении в текст места действия. Одновременное представление языкового и графического знаков нарушает принцип линейности языка, что неизбежно влияет и на распределение информации в тексте и усиливает полноту его восприятия.

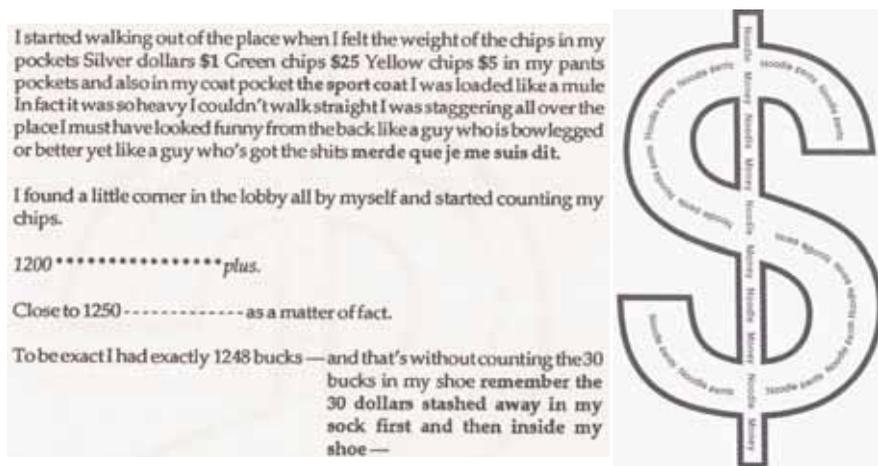

Рис. 4. [2, с. 89–89.0]

Другой пример использования графического знака-символа для построения смысла художественного дискурса представлен на рисунке 5. Рассказчик рассуждает на тему того, что даже если вы живете в Америке не первый год и ваш английский достаточно хорош, ваш

собеседник, заметив ваш легкий акцент, неизменно спросит, давно ли вы в стране и нравится ли вам здесь:

How do you like it here? The eternal question they all ask. How long have you been in this country? The second question they all ask. They must have asked those two eternal questions at least million times for the last century. The same two questions to all the poor slobs who came to America. Even twenty years later they ask the same two fucking questions [2, с. 200].

Лингвистически чувство раздражения рассказчика передается посредством стилистических приемов повтора и гиперболы, а также эмоционально-усилительного прилагательного *fucking* (гроб. проклятый, чертов) в то время как графический знак-символ «?», расположенный на отдельной странице и занимающий все ее пространство, передает ту же самую информацию (*the same two eternal questions they all ask*) посредством визуального канала, т. е. через графический модус. Размер рисунка с впечатанным в него словом *questions* символизируют бесконечно задаваемые вопросы (*eternal questions*). Так, взаимодействие лингвистического и графического знаков усиливает семантическую нагрузку текста и вносит значительный вклад в формирование его смысла.

Сосуществование и естественное взаимодействие двух и более семиотических систем является естественным для современной коммуникации. В стремлении раздвинуть рамки конвенциональных художественных форм писатели создают полимодальный художественный дискурс, предполагающий нелинейное прочтение.

Мы рассмотрели некоторые семиотические средства построения смысла в полимодальном художественном дискурсе. Осуществляемый реципиентом данного типа текста синтез вербального и визуального компонентов представляет собой активный творческий процесс. Как показывает анализ, конструирование смысла во многом определяется способностью читателя устанавливать разнообразные связи и отношения в рамках одного семантического пространства, а также наличием необходимых для этого фоновых знаний о мире и личного опыта. Так, исследование семантического потенциала семиотических знаков в полимодальном художественном дискурсе позволяет говорить о новом характере взаимодействия между читателем и книгой – интерактивности чтения, формирует современное поколение адресата – читателя, вовлеченного в непосредственное взаимодействие с книгой,

в ее непоследовательное и нелинейное прочтение. Целостность комплексного полимодального образа, порожденного вербальными и визуальными стимулами, складывается в сознании читателя и является необходимым для полноценного понимания смысла художественного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Рис. 5. [5, с. 201]

1. *Медведев П.И. (М.М. Бахтин). Формальный метод в литературоведении / комм. В. Махлина. – М.: Лабиринт. 1993. – 168 с.*
2. *Federman R. Double or Nothing. – Illinois State University: Greno Verlagsgesellschaft m.b.H., 1998. – 267 p.*
3. *Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 234 p.*
4. *Khateb A., Pegna A. J., Michel C. M., Landis T., Annoni J.-M. Dynamics of brain activation during an explicit word and image recognition task: An electrophysiological study // Brain topography. – 2002. – 14(3). – P. 197–213.*
5. *Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. – L. : Routledge, 1996. – 112 p.*
6. *Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 642 p.*
7. *Rizolatti G., Arbib M. A. Language Within Our Grasp // Trends in Neuroscience. – 1998. – 21(5). – P. 188–194.*
8. *Stafford T., Webb M. Mind Hacks: Tips and Tools for Using Your Brain. – Sebastopol, CA: O'Reilly, 2005. – 396 p.*
9. *Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction – L. : Routledge, 2002. – 193 p.*

УДК 81'42

Е. П. Мурашова

аспирант кафедры стилистики английского языка ФГПН МГЛУ; преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области экономики ИПЭУ МГЛУ; e-mail: catrin-skr-77@mail.ru

О ВНУТРЕННЕЙ ДИАЛОГИЧНОСТИ ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

(на материале англоязычного политического спота)

Статья посвящена политическому споту как жанру политической рекламы. Автор рассматривает диалогичность как один из ключевых параметров этого жанра. Предпринимается попытка выделить основные формы диалогичности и языковые средства их выражения в тексте англоязычного политического спота.

Ключевые слова: политическая реклама; политический спот; диалогичность; оценочность.

Murashova Y. P.

Postgraduate Student, Chair of English Stylistics Department of the Humanities and Applied Sciences, MSLU; Teacher, Chair of Linguistics and Professional Communication in the Field of Economics, Institute of Law, Economics and Information Management, MSLU; e-mail: catrin-skr-77@mail.ru

DIALOGISM OF POLITICAL ADVERTISING TEXTS (an Analysis of English Political Spots)

The article is devoted to the political spot as a genre of political advertising. The focus is on dialogism as one of the key parameters of the genre in question. The author attempts to reveal major forms of dialogism and the verbal means of their realization in English political spots.

Key words: political advertising; political spot; dialogism; evaluation.

В настоящей статье предпринимается попытка выделить основные формы диалогичности и языковые средства их выражения в тексте англоязычного политического спота. Актуальность данного исследования определяется возросшей ролью политической рекламы в жизни общества и, как следствие, необходимостью изучения дискурса политической рекламы и его жанровых форм. Обращение к жанру политического спота обусловлено тем, что в настоящее время политический спот является неотъемлемым компонентом любой

предвыборной кампании. Несмотря на свою политическую и общественную значимость, жанр политического спота еще не стал объектом специального лингвостилистического исследования.

В западной традиции под термином «политический спот» понимается телевизионный предвыборный ролик. Американские исследователи политической рекламы Э. Даймонд и С. Бейтс определяют политический (предвыборный) спот как «короткий (30- или 60-секундный) политический рекламный ролик, транслируемый по телевидению» [12, с. X] («political commercial». – *Е. М.*), иначе – полиспот¹.

Представленное выше определение, на наш взгляд, нуждается в некоторой корректировке ввиду современных тенденций, наблюдающихся в медийном пространстве. Во-первых, в связи с интенсивным проникновением веб-технологий в политику спотом может называться не только рекламный ролик, транслируемый по телевидению. В качестве канала распространения политического спота в последние десятилетия выступает не только телевидение, но и Интернет. Во-вторых, в настоящее время наблюдается тенденция к сокращению длительности телевизионного политического спота, что связано главным образом с возросшей дороговизной эфирного времени. Политический спот, представленный на веб-сайтах, наоборот, может длиться дольше 60 секунд, поскольку для его публикации, как правило, требуется меньше денежных затрат.

Исходя из вышесказанного, а также основываясь на анализе эмпирического материала, мы предлагаем следующее определение понятия «политический спот»: политический спот – это рекламный видеоролик продолжительностью от 15 сек. до 5 мин., цель которого побудить зрителя (избирателя) к тому или иному типу политического поведения, например, убедить его проголосовать за того или иного политического кандидата, примкнуть к политической организации и т. п.

Материалом настоящего исследования послужили англоязычные (британские, американские, австралийские, канадские и новозеландские) политические споты, опубликованные на YouTube-каналах или официальных сайтах политических деятелей / организаций / движений в 2007–2014 гг., общей продолжительностью 26 мин. 22 сек. В условиях отсутствия готовых расшифрованных текстов политических рекламных роликов расшифровку (транскрибирование) материала мы

¹ Перевод наш. – *Е. М.*

проводили самостоятельно. Расшифровке подвергались как звучащая речь, так и появляющийся на экране письменный текст. В расшифрованном тексте политического спота письменный компонент маркирован квадратными скобками.

Принимая во внимание коммуникативную направленность политического спота на убеждение, следует ожидать, что текст рекламного сообщения обращен к адресату и формируется с учетом его ответной реакции. В связи с этим в настоящей статье мы выдвигаем гипотезу о том, что одним из ключевых параметров жанра политического спота является диалогичность (адресованность), обладающая социальной значимостью в силу направленности текста политического спота на убеждение. Вероятно также, что в качестве адресата политического спота может выступать не только избиратель, но и политический конкурент адресанта рекламного сообщения.

Поскольку в центре внимания в данной статье находится диалогичность текста политического спота, представляется целесообразным рассмотреть основные подходы к этому явлению.

К диалогичности как свойству текста обращались такие исследователи, как М. М. Бахтин, Ю. Кристева, С. В. Светана, Л. П. Якубинский, М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, Н. М. Осветимская, С. А. Чубай, П. В. Бобкова и др.

Понимание диалогичности как обращенности текста к адресату было впервые предложено М. М. Бахтиным. По мнению ученого, любое высказывание создается с учетом ответной реакции адресата, обратной связи и потому «диалогично, т. е. адресовано другим, участвует в процессе обмена мыслями, социально» [1, с. 213].

Диалогичность газетных аналитических жанров отмечается в работе Н. М. Осветимской [4].

Развитие вышеуказанной идеи М. М. Бахтина мы находим у М. Н. Кожинной. Исследователь полагает, что диалогичность – это реализация «в речи (тексте) коммуникативной функции языка» [2, с. 15], выраженное языковыми средствами взаимодействие общающихся. М. Н. Кожина отмечает жанровый и стилеобразующий характер диалогичности [2]. Исследуя русскоязычные тексты письменной научной речи, ученый выделяет два типа маркеров диалогичности: ядро и периферию. Маркеры диалогичности, образующие ядро, являются характерными для рассматриваемого М. Н. Кожинной жанра и стиля. Опираясь на данное положение, мы полагаем, что в анализируемых

нами текстах политических спотов возможно выделить ядро маркеров диалогичности.

Диалогичность, по мнению М.Н.Кожиной, может иметь различные формы выражения, т. е. коммуникация может осуществляться в различных направлениях. В русскоязычной письменной научной речи исследователь выделяет следующие формы диалогичности [2, с. 68]:

- 1) «разговор с другим» лицом(ами) (Я – ОН, ОНИ);
- 2) сопоставление (или столкновение) двух или более точек зрения (ОН – ОН); оценка этих точек зрения автором (ОН – ОН – Я);
- 3) разговор с читателем, обращение к нему с целью привлечь его внимание к содержанию речи, приглашение к сомышлению (Я – ВЫ, МЫ с ВАМИ);
- 4) разговор со своим вторым Я, «диалог разных логик» (Я – Я).

М.Н.Кожина полагает, что вышеуказанные формы диалогичности выражаются, как правило, следующими языковыми средствами: вопросительными предложениями (в том числе риторическими вопросами) и вопросо-ответным комплексом, чужой речью в виде прямой цитации, косвенной речью как пересказом чужого мнения, императивами как обращениями к читателю, различными экспрессивными средствами и др.

Интерес для нашего исследования представляет также высказывание М.Н.Кожиной о том, что диалогичность текста может быть выражена как эксплицитно – в виде диалога, так и имплицитно – в виде монолога [2]. Диалогичность текста политического спота представлена эксплицитно прежде всего в роликах, принадлежащих, в терминологии исследователя жанрового своеобразия политической рекламы С.Ф.Лисовского, к типу «интервью “случайного прохожего”» [3], например интервью с избирателем. Поскольку в анализируемом нами материале наиболее частотны монологические тексты, мы полагаем, что в тексте политического спота наблюдается преимущественно имплицитная, иначе внутримонологическая, диалогичность.

Анализ языковых средств реализации диалогичности в русскоязычных текстах политической рекламы представлен в исследовании С.А.Чубай. Показывая, что диалогичность – это сущностное свойство политической рекламы, исследователь считает, что необходимость привлечения большего числа сторонников побуждает политиков использовать языковые средства, направленные на сближение

с электоратом [5]. Как следствие, это приводит к повышению роли диалога в дискурсе политической рекламы.

С. А. Чубай выделяет следующие языковые средства реализации диалогичности в русскоязычных текстах политической рекламы: глагольные и местоименные формы первого и второго лица множественного числа, вопросно-ответные единства, формы повелительного наклонения, обращения, вопросительные предложения, собственно прямая речь, свободная прямая речь, косвенная речь и др.

Проведенный нами анализ эмпирического материала показал, что для англоязычных текстов политического спота характерно сочетание нескольких языковых (как правило, лексических и синтаксических) средств выражения диалогичности.

В качестве иллюстрации данного положения приведем отрывок из ролика «Vote Positive: Labour's 2014 TV Ad» [23], опубликованного Лейбористской партией Новой Зеландии в рамках предвыборной гонки перед парламентскими выборами 2014 года.

- 1) Who wants more affordable homes across New Zealand? – 2) We do.
- 3) Who wants better jobs and higher wages for Kiwis? – 4) We do.
- 5) Who wants parents to have more time to be parents? – 6) We do. –
- 7) And we do.
- 8) And WE do... – 9) Vote positive. – 10) Party vote Labour.

Диалогичность в вышеприведенном примере выражена эксплицитно, поскольку спот построен в форме диалога «голоса за кадром» с героями-избирателями и относится к типу роликов «интервью “случайного прохожего”». Основное языковое средство реализации диалогичности в данном тексте – вопросно-ответное единство. Вопросы 1, 3 и 5, задаваемые автором рекламного сообщения героям ролика, направлены на активизацию внимания зрителя (избирателя). Ответы героев-избирателей, содержащиеся в высказываниях 2, 4, 6, 7 совпадают с позицией зрителя и следуют его логике мышления.

Высказывание 8 принадлежит главе партии Дэвиду Канлиффу. И в репликах избирателей, и в ответе политика содержится личное местоимение 1-го лица множественного числа *we*, указывающее на общность интересов зрителя и избирателей-героев ролика, а также зрителя и партии.

Представленные в тексте спота вопросы и ответы 1, 3, 5 и 2, 4, 6, 7, 8 оформлены в виде параллельных синтаксических конструкций.

Параллелизмы выполняют функцию активизации внимания адресата: они создают ритмическую организацию текста и служат фоном для призыва голосовать за лейбористскую партию.

Номинация *Kiwis* (нейтральное – *New Zealanders*), характерная для разговорной речи, направлена на сокращение дистанции между партией и зрителем.

Вопросно-ответные единства, личное местоимение 1-го лица множественного числа *we*, параллельные синтаксические конструкции и разговорная лексика реализуют форму диалогичности «Я – ВЫ, МЫ с ВАМИ». Применительно к тексту политического спота назовем эту форму диалогичности «Адресант – Избиратель».

Еще одним средством вербализации направленности на избирателя (диалогичности) выступает личное местоимение 2-го лица единственного числа *you*, имеющее своим референтом зрителя:

1) So remember: if **you** let Tom Foley sit here (the Governor of Connecticut's chair. – *E. M.*), he looks at the world from here (his luxurious yacht – *E. M.*) [10];

2) Stephen Harper has created the worst deficit in Canadian history. And [**YOU ARE PAYING THE PRICE**¹.] **YOU** are paying the price [19];

3) [DON'T LET LABOR DUD **YOU** AGAIN] [17];

4) My priority is **YOU** [9];

5) Over the next four months **YOU** have a choice to make [9].

В примерах 1–5 с помощью личного местоимения 2-го лица единственного числа адресант представляет зрителя активным деятелем политической борьбы. Выраженная направленность на избирателя наблюдается также в высказываниях, содержащих повелительную форму глагола, например:

Imagine 3 more years of Labor failure [**IMAGINE** 3 MORE YEARS OF LABOR FAILURE] [7];

[**Don't Risk** Tony Abbott] [22];

Give your party vote to [National WORKING FOR NEW ZEALAND] National [16].

Повелительная форма глагола подчеркивает активную роль зрителя в политическом процессе и побуждает его к определенному типу политического поведения.

1 Употребление прописных букв в квадратных скобках повторяет их написание в ролике.

Анализ материала показал, что диалогичность текста политического спота часто носит имплицитный характер. Данное положение может быть проиллюстрировано приведенными ниже примерами монологических текстов.

Рассмотрим отрывок из рекламного ролика «A choice of two futures: Scotland's future in Scotland's hands» (2014) Шотландской национальной партии, агитирующего за отделение Шотландии от Великобритании.

1) Hi. 2) My name's Kirsty. 3) I'm going to be born on the 18th of September 2014, the very same day as the referendum on independence for Scotland.

4) The question is what kind of country will I grow up in?

5) Will it be a Scotland that is fairer, more prosperous? 6) A Scotland where I can reach my full potential? 7) Or will it still be a country ruled by Westminster? 8) A country that is still the fourth most unequal in the developed world? 9) Where the gap between rich and poor gets wider and wider?

10) Will it be a Scotland of opportunity, a place where free higher education will always be a right for all, where going to Uni depends on your ability, not your bank balance? 11) Or will it be a United Kingdom where privilege rules? 12) And learning costs tens of thousands of pounds? <...>

13) Will I grow up in a Scotland where our wealth and natural resources are in Scotland's hands, promised to help everyone in Scotland prosper? 14) Or will it be more of the same old same old where our money is squandered by governments who are out of touch, governments we didn't even vote for?

15) Will I grow up in a Scotland where the decisions about our future are taken by the people who care most of our Scotland, the people who live here? [8].

Стремясь завоевать расположение целевой аудитории шотландцев адресант выбирает в качестве источника рекламного сообщения представителя шотландского народа – девочку-подростка Керсти, от имени которой ведется большая часть повествования. Выбор имени героини не случаен: *Kirsty* – типично шотландское имя (шотландское уменьшительно-ласкательное от *Christine*). Имя *Kirsty*, а также приветствие *Hi* являются разговорными лексическими единицами, направленными на установление контакта с шотландским избирателем. Помимо разговорной лексики в тексте спота представлены такие средства вербализации диалогичности, как вопросительные предложения 4–15 и параллелизмы 5, 10, 13, 15 и 7, 11, 14. Как и в ролике «Vote Positive: Labour's 2014 TV Ad», параллельное построение вопросов стимулирует внимание адресата.

Вопросительные предложения в вышеприведенном тексте спота реализуют форму диалогичности «Адресант – Избиратель», поскольку ответы на них оставляются на усмотрение зрителя. Вопросительные предложения активизируют внимание избирателя, стимулируют его к поиску ответов.

К средствам вербализации диалогичности относятся также средства оценочности. Оценочность в политических спотах находит свое выражение главным образом в лексических стилистических приемах и в оценочной лексике, передающих субъективную оценку автором политика/политиков и/или политической ситуации. Ярко выраженный субъективный характер рекламного сообщения, обусловленный стремлением автора убедить адресата, придает тексту политического спота признаки диалогичности [6, с. 11].

Наибольшее количество средств выражения оценочности было отмечено нами в «агрессивных спотах» (термин С. Ф. Лисовского), т. е. в спотах, указывающих на недостатки конкурента [3].

Самым распространенным языковым средством передачи негативной оценки в тексте политического спота является лексика с отрицательной коннотацией, к которой относятся:

– оценочное прилагательное [**SLICK** POLITICIAN **LOUSY** GOVERNOR] [13];

– оценочное существительное – *Vote Tim Hudak and you get the same **chaos** that Mike Harris gave you all over again* [21];

– оценочный глагол – *So <...> the moral of the story is: if you keep **wasting** money and **stuffing** things **up*** [DON'T LET LABOR **DUD** YOU AGAIN], *you could be a Labor Prime Minister too* [17];

– оценочный фразеологизм – *Or will it be more of the **same old same old** where our money is squandered by governments who are out of touch, governments we didn't even vote for?* [6]).

Анализ материала показал, что к стилистическим приемам, выражающим оценочность в текстах политического спота, относятся ономотопея, оксюморон, метафора, сравнение и каламбур. В политических спотах наиболее частотными стилистическими приемами, передающими оценку политику/политикам и/или политической ситуации, являются метафора и каламбур. Например:

I am Rob Maness [ROB MANESS CONSERVATIVE * VET * ONE OF US] and here in Louisiana you learn to be tough. One moment of weakness, and the alligators can eat you alive. So when I get to Washington, I'll stand

up to the big spenders. I'll fight to repeal Obamacare. And I'll protect our gun rights. I'm Colonel Rob Maness and I approve this message because Louisiana needs a senator that will stand up to the career politicians and *the alligators* [18].

В споте «Rob Maness TV Ad – Gator» (2014) кандидата в Сенат США от штата Луизиана Роба Мэнесса аллигаторы выступают сферой-источником в метафоре «аллигаторы-правительство США». Для ролика прагматически релевантно такое свойство аллигаторов, как «представлять угрозу для человека». Именно это свойство проецируется на сферу-мишень «правительство США». Мы полагаем, что выбор аллигаторов в качестве сферы-источника не случаен. Поскольку аллигатор является официальным символом штата Луизиана, можно предположить, что использование данного референта обусловлено стремлением адресанта подчеркнуть опасность «аллигаторов-правительства США» для луизианцев.

Яркий пример каламбура содержится в споте «Kevin O'Lemon», опубликованном Либеральной партией Австралии в 2010 г.

1) You just never know, do you? 2) You think something is going to be great and you just can't wait to get it. 3) But don't you hate it when you start to realize it's not what you thought it was? 4) It looked good, it sounded good. 5) But it's all gone sour. 6) It's a *lemon* [7] KEVIN07]. 8) *Kevin O'Lemon* [9] *KEVINOLEMON*]. 10) One big disappointment [14].

Вышеприведенный текст относится к серии роликов, в которых лейбористы представлены в виде лимонов. Споты этой серии основаны на каламбуре – одновременной реализации двух значений слова *lemon*: *fruit with a hard yellow skin and sour juice* [15] и (*British informal*) *someone who is stupid or not effective* [15]. «Прозвище» *Kevin07*, которое кандидат в премьер-министры Австралии Кевин Радд принял во время предвыборной кампании 2007 г., подверглось контаминации (*Kevin07 + lemon*), в результате которой за счет присутствия компонента *lemon* стало антропонимом с негативной оценкой.

Помимо каламбура диалогичность выражается в тексте спота вопросительными предложениями 1 и 3, а также обобщенно-личным местоимением *you* в предложениях 1–3. Поскольку вопросительные предложения и обобщенно-личное местоимение *you* побуждают зрителя задуматься о предмете спота, мы относим эти языковые средства к форме диалогичности «адресант – избиратель».

В тексте политического спота диалогичность может выражаться также с помощью обращений. Примечательно, что все обнаруженные нами обращения адресованы политическим конкурентам. Так, в споте «Tony Abbott, I've got a few questions for you...», опубликованном Лейбористской партией Австралии в 2010 г., герой-повествователь – рабочий на стройке – задает премьер-министру Австралии Тони Эбботту вопросы с иллюзией «критика».

1) Mr Abbott, I've got a few questions for you... 2) Like, why did you oppose stimulus that kept my blokes in a job? 3) And now, with families under enough pressure why would you cut services like trades training centres in our schools that help our kids? 4) How's that any good? 5) And putting more pressure on hospitals by stopping GP clinics and a new 1.5 % tax that is gonna raise the cost of groceries or electricity or petrol? 6) Nah, you don't get it. 7) Mate, you lost my vote. [8] Don't Risk Tony Abbott] [22].

Диалогичность в тексте спота выражена обращениями к премьер-министру, причем формальность обращения меняется в направлении от официальной формы *Mr Abbott* к фамильярной, разговорной форме *Mate*, отражающей неодобрительное отношение адресанта к политику. Направленность на конкурента реализуется также вопросительными предложениями 2–5 и личным местоимением 2-го лица единственного числа *you* в предложениях 1–3, 6 и 7.

Обращения, вопросительные предложения и личное местоимение 2-го лица единственного числа *you*, имеющее своим референтом политического конкурента, реализуют форму диалогичности «Я – ОН, ОНИ». Применительно к тексту политического спота назовем эту форму «Адресант – Конкурент». К языковым средствам ее реализации, помимо вышеперечисленных, относится также повелительная форма глагола, например:

Not a Popular Show, Mr. President **DO** YOUR JOB. *Secure* The Border! [20].

Hurry up, Ed. <...> Your turn, Ed. *Come on*... [11].

Проведенный нами анализ материала позволяет сделать следующие выводы. *Во-первых*, выраженная направленность на адресата в рассмотренных текстах является основанием для причисления диалогичности к ключевым параметрам жанра политического спота. *Во-вторых*, диалогичность в тексте политического спота преимущественно имеет

внутримонологический характер. В-третьих, в тексте политического спота могут присутствовать два основных вектора коммуникации, или две формы диалогичности, – «Адресант – Избиратель» и «Адресант – Конкурент», каждая из которых выражается в речи с помощью определенного набора языковых средств. Диалогичность, репрезентуемая отношениями «Адресант – Избиратель» и «Адресант – Конкурент», является социально значимой, поскольку именно в этих отношениях возможна реализация убеждения в тексте политического спота. В-четвертых, ядро языковых средств выражения диалогичности в текстах политического спота составляют средства оценочности, главным образом лексические стилистические приемы и оценочная лексика, передающие субъективную оценку адресанта.

В заключение отметим, что в дальнейшем представляется перспективным рассмотрение интертекстуальности и средств ее вербализации в текстах политического спота, а также анализ особенностей темпоральной структуры текстов анализируемого жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. : Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960 гг. – М.: Русские словари, 1996. – 731 с.
2. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособие по спецкурсу. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1986. – 91 с.
3. Лисовский С. Ф. Политическая реклама. – М.: Маркетинг, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text7/04.htm>.
4. Осветимская Н. М. О диалогичности газетных аналитических жанров // Стилистика в современных лингвистических исследованиях. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 9–12. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 17 (650). Серия Языкознание).
5. Чубай С. А. Диалогичность как сущностное свойство современной политической рекламы // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. – 2008. – № 1. – С. 40–43 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/dialogichnost-kak-suschnostnoe-svoystvo-sovremennoy-politicheskoy-reklamy>.
6. RealPriorities. Канада, 2013. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=UttVrOxvEE>
7. Captain Chaos. Австралия, 2013. – URL: http://www.youtube.com/watch?v=I_W-Wf4hDOs.
8. A choice of two futures: Scotland's future in Scotland's hands. Великобритания, 2014. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=4o6bNNsHzpE>.

9. «The Choice» – Obama For America TV Ad. США, 2012. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=FBorRZnqtMo>.
10. Dan Malloy: Yacht. США, 2014. – URL: http://www.youtube.com/watch?v=_-jj6G3Sq_I.
11. Deal with the deficit? Ed Miliband can't even remember it. Великобритания, 2014. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qtckCiG3E8E>.
12. Diamond Edwin, Bates Stephen. The Spot: The Rise of Political Advertising on Television. – 3rd ed. – Cambridge, MA : MIT Press, 1992. – 418 p.
13. It's Not Theater? США, 2014. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=LW8w5ww0KSo>.
14. *Kevin O'Lemon*. Австралия, 2010. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IwqgvrtM6rw>.
15. Macmillan Dictionaries (MED). – URL: <http://www.macmillandictionary.com>.
16. National's 15 Second Get Out The Vote Ad. Новая Зеландия, 2014. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Hf4qciM8V8M>.
17. Puppet Show Master. Австралия, 2010. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=GEnn8VQaa-g>.
18. Rob Maness TV Ad – Gator. США, 2014. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aBNQBx6JOcw>.
19. Stephen Harper's solution. Канада, 2012. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=GIH-dknpjVQ>.
20. Then or Now. США, 2014. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=OVU-G6KKu3o>.
21. Tim Hudak: Mike Harris' Protégé. Канада, 2014. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=17ej05R4sEQ>.
22. Tony Abbott, I've got a few questions for you... Австралия, 2010. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ll4Ls3j6xh4>.
23. Vote Positive: Labour's 2014 TV Ad. Новая Зеландия, 2014. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=5bsYKWCEgus>.

УДК 811.111

К. В. Павлова

соискатель кафедры стилистики английского языка, преподаватель кафедры 2-го иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail: ksevalmslu@yandex.ru

ВЫДВИЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ И АЛЛЮЗИЯ (на материале англоязычных газетных публикаций)

В статье рассматривается выделенность аллюзии как фактор, определяющий ее роль в выдвижении информации. На примере газетных публикаций показано, как меняется значимость аллюзии в зависимости от ее позиции в тексте, синтаксического оформления и участия в конвергенции и сцеплении.

Ключевые слова: аллюзия; выдвижение; выделенность; информация; конвергенция.

Pavlova K. V.

Candidate, Chair of English Stylistics, Teacher, Chair of 2nd foreign language for Pedagogical Departments MSLU; e-mail: ksevalmslu@yandex.ru

INFORMATION FOREGROUNDING AND ALLUSION (on the Basis of English Newspaper Publications)

The article looks at salience as a key factor in determining the role of allusion in foregrounding. Analysis of newspaper publications is provided to show how the role of allusion changes depending on its position in the text, syntactic structure and representation in convergence and coupling.

Key words: allusion; foregrounding; salience; information; convergence.

В последнее время в теории дискурса, в коммуникативной лингвистике отмечается интерес к проблемам распределения внимания в речевой деятельности. Этот интерес связан, с одной стороны, с обусловленностью аттенциональных процессов процессами психологическими, с другой – с кроющимися в механизмах распределения внимания возможностями манипулировать адресатом, направляя его мышление в нужном ключе. Обе причины могут объяснить важность изучения процессов распределения внимания с точки зрения когнитивно-семантического описания и интерпретации текстов.

Интерес к аттенциональным процессам пришел в лингвистику из психологии, где они начали активно исследоваться с середины XIX в. на базе проведенных ранее философских наблюдений. Так, В. Вундт рассматривал внимание как феномен сознания, заключающийся в более

ясном восприятии ограниченной области содержаний. Ясность восприятия речи обеспечивается способом организации в ней информации, для которого В. Вундт использует термин «выдвижение».

Появление данного термина в языкознании связывают с трудами русских формалистов и Пражского лингвистического кружка. Я. Мукаржовский и Б. Гавранек употребляют его при описании важной функции поэтического языка – удивить читателя свежим, деавтоматизированным использованием лингвистических средств. Пражцы описывают эту функцию термином «aktualisace», который в дальнейшем П. Гарвин перевел как «foregrounding» (выдвижение) и рассмотрел в контексте переключения внимания с содержания на форму [16].

И. В. Арнольд, развивая предложенные П. Гарвином и М. Риффатером¹ идеи, определяет выдвижение как «наличие в тексте формальных признаков, фокусирующих внимание читателя на некоторых чертах текста и устанавливающих смысловые связи между элементами разных уровней или дистантными элементами одного уровня» [1, с. 205]. Задержка внимания читателя на отдельных участках текста помогает оценить их значимость, представить иерархию смыслов, обеспечить единство и упорядоченность структуры текста, создавая оценочность и экспрессивность текста.

Выдвижение, таким образом, становится базовым понятием лингвостилистики, описывающим возможность представления информации в нужном ракурсе через маркированное или нейтральное употребление языковых средств. Если роль стилистически маркированных языковых средств в выдвижении информации кажется неоспоримой, то немаркированные языковые средства, по мнению В. Л. Наера, также могут «обнаружить стилеобразующие свойства ... вступая в синтагматические отношения с другими подобными средствами» [8, с. 19].

¹ М. Риффатер предложил термин «актуализация» для критериев стилистического анализа текста, показав, что тема реализуется в целом тексте лексическими формами и референциями. В отечественной традиции выдвижение иногда считается синонимом актуализации в значении необычного использования элементов языка, привлекающего внимание. Тем не менее понятие актуализации представляется более широким, так как включает любую физическую реализацию абстрактной формы из лингвистической системы.

И. В. Арнольд также предлагает классификацию типов выдвижения по способу организации информации и указывает производимые ими эффекты [1, с. 238]:

– конвергенция (для художественного текста термин введен М. Риффатером, хотя традиционно употреблялся в лингвистике для обозначения сближения двух и более лингвистических сущностей) – схождение в одном месте пучка стилистических приемов, выполняющих единую стилистическую функцию. Объединенные стилистические приемы накладывают ограничения друг на друга, фокусируют информацию нужным образом, обеспечивают предсказуемость каждого следующего элемента и тем самым сужают круг возможных интерпретаций, интенсифицируя нужный смысл;

– сцепление (термин изначально разработан С. Левиным для поэзии) – появление сходных элементов в сходных позициях, например параллелизм синтаксических конструкций, наличие синонимических и антонимических, гиперо-гипонимических отношений, относящихся к одному семантическому полю слов. Сцепление обеспечивает повторяемость информации;

– обманутое ожидание (термин введен Р. Якобсоном также для изучения поэзии) – эффект, основанный на нарушении предсказуемости. Введение несвязанных с предыдущим текстом, контрастирующих элементов стимулирует мыслительную деятельность читателя, фокусируя «чужеродный» элемент;

– сильная позиция – другой термин, связанный с механизмом вероятностного прогнозирования, характеризующий выделенность объекта по формальным признакам. И. В. Арнольд предлагает дифференциальные признаки для типологии сильных позиций: место в тексте, характер передаваемой информации, взаимоотношение с текстом, грамматическая структура, наличие или отсутствие аллюзий, сочетаемость с вышеперечисленными типами выдвижения, оформленные границы.

Схожее мнение высказывают Кес Хенгевельд и Лаклан Маккензи, указывая, что «психологически салиентными оказываются позиции в начале и в конце предложения или текста, в то время как срединная позиция оказывается менее салиентной» [11, с. 311].

Следует, однако, отметить, что среди работ, посвященных описанию понятия «салиентность» («выделенность»), само понятие используется как минимум в двух значениях. В первом случае

подразумевается временная активизация концептов в речевых актах благодаря осознанному механизму селекции и распределения внимания или активизации смежных концептов. Во втором случае речь идет о выделенности онтологической, присущей объекту по его природе. И онтологическая (ontological), и временная (temporary) выделенность связаны с понятием автоматичности: первая из них приводит к автоматичности сочетаний, вторая вызвана автоматичностью [13].

С точки зрения изучения факторов выделенности объекта интересен подход Л. Галми, рассматривающего выделенность на фонологическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. В синтаксисе кроме позиции в тексте он выделяет фактор грамматических отношений (пассивная или активная конструкция, субъект или объект), большей смысловой значимости части дискурса, чем его составных частей. Выделенными являются также элементы с отклонениями от нормы и те, которые представляют собой сочетание факторов [15], что может соотноситься с упомянутой конвергенцией.

Грамматическому анализу уделяет внимание и Т. А. ван Дейк, который предлагает учитывать вариативность и описывать характерные для конкретного дискурса грамматические структуры, эксплицирующие информацию. Один из примеров, приводимый исследователем, – инвертированный порядок слов в прессе. В текстах прессы на первый план выдвигается самая важная информация, для чего автор предлагает термин «структурирование по принципу релевантности» [5, с. 125]. Структурирование по принципу релевантности проявляется в порядке слов в предложениях, способе представления предложений в абзацах, в общем структурном оформлении текста. Синтаксис предложения, таким образом, отражает распределение семантических ролей участников события. Необходимо учитывать структурирование и при анализе частей сообщения.

Новости, как правило, обладают фиксированной схемой, включающей событие, фон, контекст, комментарии, но в целях подачи информации нужным образом порядок структур меняется.

Современные исследования в области аттенциональных процессов не всегда оперируют понятием выдвижения в качестве центрального. Так, Е. А. Балыгина в своей диссертационной работе изучает расщепленные предложения в англоязычном дискурсе и классифицирует их по критериям «топик – фокус» и «тема-рема» [3].

И. В. Пушнина также рассматривает расщепленные предложения в английском языке, но с точки зрения их участия в выдвижении. Автор приходит к выводу, что расщепленные предложения устанавливают иерархию значений внутри дискурса, обеспечивают связность текста при его одновременной сегментации, облегчают декодирование и защищают от помех, делают текст более экспрессивным [9].

Диссертационная работа А. В. Суртаевой посвящена роли заглавия в информационной структуре художественного произведения. Показано, что на глубинном уровне информационная структура текста представлена подтекстом, выявляемым через анализ отношений между структурами текста. Индикаторами подтекста являются лексические, стилистические и ассоциативные маркеры. В их основе лежат нарушения пресуппозиционного, ассоциативного и контекстного видов. Аллюзия имеет ассоциативный характер нарушения, для актуализации которого необходим микроконтекст. Отмечается и частотность аллюзии в полимаркированных заглавиях, которые проявляют сразу несколько функций в рамках информационной структуры [10].

Особенности выдвижения указывают на существенную роль аллюзии в организации информации¹. Во-первых, являясь стилистическим приемом введения в текст намеков или ссылок на известные исторические, культурные, политические, литературные факты и лица, аллюзия может привлекать и задерживать внимание читателя на нужной части текста. Тем не менее, вводимая без формальных маркеров и потому тесно связанная с микроконтекстом, аллюзия требует распознавания и наличия фоновых знаний у читателя. Будучи известной читателю, аллюзия становится фактором сильной позиции текста. Во-вторых, как проявление интертекстуальности аллюзия может изучаться с позиций экспликации и импликации и взаимодействия различных точек зрения в нарративных и других текстах [6].

¹ Термин «аллюзия» в «Поэтическом словаре» А. П. Квятковского определяется как «употребление в речи или в художественном произведении ходового выражения в качестве намека на хорошо известный факт, исторический или бытовой» [7, с. 20]. О. С. Ахманова переводит английский термин «allusion» как «упоминание» и трактует его как введение в текст «ссылок (обращений) на исторические факты (события, лица прошлого), особенно засвидетельствованные в филологической традиции» [2, с. 486].

Значимость аллюзии в выдвижении и импликации подчеркивает и Пол Леннон, предлагая рассматривать позицию и положение в тексте аллюзии [12]¹.

На примере газетных публикаций рассмотрим, как позиция в тексте и синтаксическое оформление аллюзии влияет на выдвижение информации².

(1) *Defeating Obama's **kryptonite** with the black vote.*

Norm Ornstein's piece in National Journal today came up during a taping of "Press Pass" for "Meet The Press" this morning. It was one more in a series of pieces on the "*Green Lantern theory*" of the presidency, which was refined by Greg Sargent and others riffing off Matthew Yglesias's "*Green Lantern theory of Geopolitics*" from 2006. "In a nutshell," Ornstein writes, "it attributes heroic powers to a president – if only he would use them."

If only Obama had dealt with Congress the way *LBJ* did – persuading, cajoling, threatening, and sweet-talking members to attain his goals – his presidency would not be on the ropes and he would be a hero. If only Obama would schmooze with lawmakers the way *Bill Clinton* did, he would have much greater success. If only Obama would work with Republicans and not try to steamroll them, he could be a hero and have a fiscal deal that would solve the long-term debt problem.

¹ Стоит отметить, импликация соотносится с понятием подтекста как важной составляющей информационной структуры текста. И. Р. Гальперин, определяя информацию как «нечто противопоставленное энтропии» [4, с. 27], «соотношение смыслов и сообщений, дающее новый аспект явления, факта, события» [4, с. 38], выделяет три вида информации в тексте: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую. Первый вид эксплицитен и характерен, например, для научного дискурса. Второй вид информации отражает творческое переосмысление, оценку и индивидуально-авторское понимание фактов. Третий вид информации имплицитен. Он часто пересекается с категорией модальности, представляет собой своеобразный «диалог» между содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальными сторонами информации» [4, с. 48].

² Хотя изначально термин «выдвижение» употреблялся в исследованиях художественных и поэтических текстов, изучение выдвижения в СМИ представляется перспективным. Так, Дж. Лич применял его к любым лингвистическим процессам мотивированного отклонения от языковой или социальной нормы. П. Штудер пишет, что процессы выдвижения стали существенными для дискурса массмедиа в момент появления конкуренции между изданиями [15]. В. Л. Наер при сопоставлении маркированных и немаркированных элементов в тексте подчеркивает экспрессивность публицистических текстов.

Having a little fun with the topic, NBC News's Kristin Welker asked me what superpower I thought President Obama needed. Before the segment, I thought long and hard about this. The president has tried working with Republicans. He's tried schmoozing them. He's tried cajoling them. And he's tried to giving them space so it wouldn't look like he was interfering or that Republicans were doing the bidding of the man the base hates. That's when it hit me.

Superman has *superpowers* and a *great costume* (even though it breaks Edna Mode's "*No capes!*" rule), but he was no match for *kryptonite*. What Obama needs more than anything is for the American people, voters, to *knock the kryptonite* out of the hands of his opponents <... >

So if the American people are going to succeed in knocking the *kryptonite* out of the hands of Obama's opponents, black voters will have to lead them. All that's required is casting a ballot [19].

Приведенный фрагмент из статьи в «Вашингтон пост» основывается на аллюзии к комиксам о Супермене. Вымышленный радиоактивный материал криптонит, представлявший единственную угрозу для героя комиксов, вводится в текст 4 раза, причем 2 из них в виде повтора словосочетания с фразовым глаголом *knock the kryptonite out of the hands of ... opponents*. Это словосочетание употребляется в середине основной части статьи, а также в конечном абзаце, формируя рамочную конструкцию с заглавием статьи. Заглавие, как и заключение, содержат неличную форму глагола (*defeating, knocking*), которая переносит в фокус следующий за ней объект (*kryptonite*). Такой способ выдвижения информации в заглавии создает эффект ожидания за счет создаваемого парадокса, а в заключении обеспечивает повторяемость информации и эффект убеждения. Автор статьи намеренно создает эффект затянутого ожидания, цитируя других авторов и перечисляя фоновые события в первых трех абзацах основного текста. Сочетания *Green Lantern theory, green Lantern theory of geopolitics*, а также аллюзии к Линдону Джонсону и Биллу Клинтону тематически относятся к ментальным пространствам «комиксы о Супермене» и «политика (президент США)», но еще не объясняют сути парадокса *Obama's kryptonite*. Синтаксически эффект ожидания создается параллельными конструкциями с условными предложениями, экспрессивность которых возрастает благодаря образующим градацию неличным формам глаголов, выделяющим их дефисами и повтором модального глагола *would* в сочетании с разговорными глаголами. Эти же глаголы

повторяются в третьем вводном абзаце в параллельных нераспространенных предложениях. Предложение *That's when it hit me* особенно экспрессивно, поскольку содержит деиктическую единицу *that*, усиленную через наречие *when*. Это предложение мгновенно переводит внимание читателя на следующий абзац, выдвигающий в фокус сравнение президента Обамы с Суперменом и тем самым объясняющий содержащийся в заглавии парадокс *Obama – kryptonite*. Выдвижение информации в фокус обеспечивается не только предыдущим эффектом затянутого ожидания (или задержки фокуса), множественными повторами, параллельными конструкциями, градацией и аллюзиями, но и структурой предложений. В первом из них ментальное пространство «комиксы о Супермене» активизируется сразу четырьмя аллюзиями (*Superman, superpowers, kryptonite* и контекстуальная аллюзия *great costume*). В нем же в скобках приводится аллюзия, создающая иронический эффект, подчеркивающая непринужденный тон статьи (*Edna Mode's "No capes!" rule*). Следующее предложение является расщепленным, благодаря чему в фокус выводится информация о способе решения проблемы – изъятия криптонита у оппонентов президента. Наряду со сравнением здесь заметно и иносказание или перифраз – аллюзия к криптониту замещает ряд проблем, сопутствующих политике американского президента. Таким образом, аллюзия играет важную роль в выдвижении основной идеи текста и сообщает дополнительные смыслы, меняет тональность, что достигается в том числе ее участием в конвергенции, сцеплении и расположением в сильных позициях в тексте.

(2) *This war on 'Islamism' only fuels hatred and violence.*

Tony Blair's anti-democratic tirade chimes with David Cameron's toxic manoeuvring at home and in the Muslim world

The neocons are back. That toxic blend of messianic warmongering abroad and *McCarthyite witch-hunting* at home – which gave us *Iraq, Afghanistan, Guantánamo and the London bombings* – is coursing through our public life again. Yesterday the liberal interventionists' hero, Tony Blair, was once more demanding military action against the «threat of radical Islam».

Reprising the theme that guided him and George Bush through the deceit and carnage of the «war on terror», the former prime minister took his crusade against «Islamism» on to a new plane. The west should, he demanded, make common cause with Russia and China to support those with a «modern» view against the tide of political Islam.

In Britain, the campaign against Islamist «extremism» is once again in full flow. In fact, it is open season on the Muslim community. For the past few weeks reports have multiplied about an alleged «Islamic plot», code-named Operation Trojan Horse, to take control of 25 state schools in Birmingham and run them on strict religious principles.

The education secretary, Michael Gove, a long-time neoconservative supporter of Blair's wars and Islamist *witchfinder general*, responded by sending in an army of inspectors to hunt down extremists and appointing Peter Clarke, the former head of Scotland Yard counter-terrorism, to investigate [17].

В приведенной статье из «Гардиан» аллюзия впервые вводится в первом абзаце, но при этом представлена целым рядом аллюзивных элементов. Внутри оппозиции *warmongering – witchhunting* выделены события, связанные с войнами в Ираке, Афганистане, с терактами в Лондоне, что вызывает отрицательные ассоциации у читателя и подчеркивает авторскую оценку. Аллюзивное определение *McCarthyite* в сочетании с аллюзией к охоте на ведьм в США дает почву для сравнения современной британской политики с внутренней политикой США периода маккартизма. Таким образом аллюзия в первом абзаце образует ковергенцию с эпитетом, противопоставлением и сравнением и интенсифицируется с помощью обособленной конструкции, что фокусирует внимание на отрицательной оценке автора. В дальнейшем аллюзии из первого абзаца будут коррелировать с контекстуальными аллюзиями *crusade* (эксплицируется благодаря тематической параллели с прилагательным *messianic* из первого абзаца) и *witchfinder general* (параллель с «охотой на ведьм» в США). Весь ряд аллюзий вызывает крайне негативную оценку, что способствует экспликации основной идеи статьи о необходимости изменить тактику обращения с исламским населением в Великобритании.

(3) *A Sea Change in Greece?*

ATHENS – I have been coming to Greece two or three times a year for more than 40 years and served as The Times's correspondent in Athens from 1977 to 1980. Over those decades I watched succeeding Greek governments get into a vicious cycle that sent the national debt soaring higher than *Mount Olympus* and threatened to unravel the entire European Union.

Do the resolve of the Greek government and the *stoicism* of the Greek people show that a new political maturity has descended upon the country? [18].

В приведенном отрывке из статьи в «Нью-Йорк Таймс» аллюзия не столько влияет на раскрытие основной идеи и выражение оценки, сколько придает тексту дополнительные оттенки, в том числе эстетического характера. В первом абзаце упоминание горы Олимп вводится внутри гиперболы о растущем национальном долге Греции, что дает возможность для лаконичного представления информации, а также подключает нас к ментальному пространству «Греция и ее культура». Благодаря первой аллюзии эксплицируется аллюзия в вопросе. Хотя существительное «стоицизм» является термином, в контексте статьи об экономическом кризисе в Греции оно может представить имплицитную информацию о греческой культуре и национальном характере. Аллюзии позволяют более широко интерпретировать заглавие – сочетание *sea change* может означать не только «масштабные перемены», но и вызывать ассоциации с греческим климатом и географическими условиями.

Как феномен интертекстуальный, аллюзия обладает онтологической выделенностью, что позволяет ей привлекать внимание вне зависимости от положения и позиции в тексте. Тем не менее проведенный анализ показал, что роль аллюзии в выдвижении информации может варьироваться в зависимости от ее временной выделенности. Факторами, способствующими большей выделенности аллюзии, являются ее участие в конвергенции, сцеплении, эффекте обманутого ожидания или задержки фокуса и нахождение в сильной позиции текста, что достигается графическим и синтаксическим оформлением, лексическим окружением и общей композиционной структурой текста. Совокупность факторов обеспечивает эффект большей выделенности. В таком случае аллюзия способна раскрыть концептуальную и имплицитную (подтекстовую) информацию, тем самым выражая основную идею текста, создавая тональность, модальность и экспрессивность. Отсутствие или меньшая представленность факторов выделения аллюзии сужает ее возможности для выдвижения информации. В этом случае аллюзия способствует усилению экспрессивности и созданию дополнительных ассоциаций, но практически не участвует в экспликации основной идеи и оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Семантика, стилистика, интертекстуальность – М. : Литрон, 2010. – С. 202–239.

2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
3. *Бальгина Е. А.* Топик и фокус расщепленного предложения в англоязычном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 25 с.
4. *Ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация – Б. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С. 119–153.
5. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.
6. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
7. *Квятковский А. П.* Поэтический словарь – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.
8. *Наер В. Л.* Семантический и прагматический аспекты анализа текста // Стилистика: традиции и современность. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2010. – С. 9–21. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 17(596). Сер. Языкознание).
9. *Пушнина И. В.* Расщепленные предложения как средства выдвижения в англоязычном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 30 с.
10. *Суртаева А. В.* Заглавие художественного текста как элемент его информационной структуры (на материале заглавий англоязычных художественных произведений XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2012. – 21 с.
11. *Hengeveld Kees, Mackenzie J. Lachlan.* Functional discourse grammar. A typologically based theory of language structure – Oxford: OUP, 2008. – P. 80–300.
12. *Lennon Paul.* Allusions in the press. An applied linguistic study. – Berlin–New York : Mouton de Gruyter, 2004. – 294 p.
13. *Schmid Hans J.* Entrenchment, salience and basic levels // The Oxford handbook of cognitive linguistics. – Oxford : OUP, 2007 – P. 117–139.
14. *Studer Patrick.* Historical Corpus Stylistics. Media, Technology and Change – L. : Bloomsbury, 2008 – P. 1–20.
15. *Talmy Leonard.* Attention Phenomena // The Oxford handbook of cognitive linguistics. – Oxford : OUP, 2007. – P. 264–294.
16. *Wales Katie.* A Dictionary of Stylistics. – L. : Pearson Education Limited, 2001. – 500 p.
17. The Guardian. – URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/23/war-islamism-hatred-violence-blair-cameron-toxic>
18. The New York Times. – URL: http://www.nytimes.com/2014/11/28/opinion/a-sea-change-in-greece.html?_r=0
19. The Washington Post. – URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/post-partisan/wp/2014/04/23/defeating-obamas-kryptonite-with-the-black-vote/>

УДК 81'22

Солобуто Д. С.

преподаватель кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail: diana-f@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС В ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Состояние когнитивного диссонанса – психологический феномен, с которым мы повсеместно сталкиваемся в жизни. Автор останавливается на лингвистических разработках диссонансной проблематики и рассматривает когнитивный диссонанс с позиций лингвостилистики. Примеры, приведенные в статье, взяты из дискурса английской художественной прозы. Они не только служат иллюстрацией когнитивного диссонанса, но и дают основу для классификации диссонансных явлений. Первичная классификация включает в себя две группы – лингвистическую и нелингвистическую, на каждой из которых автор останавливается для детального рассмотрения. В заключительной части даются перспективы дальнейшего, более глубокого изучения когнитивного диссонанса в его взаимосвязи с лингвистическими механизмами.

Ключевые слова: когнитивный диссонанс; диссонансные явления; вербализация; дискурс художественной прозы; лингвостилистика; контекст; стилистические приемы; лингвистические механизмы.

Solobuto D. S.

Teacher of the 2nd language department for pedagogical faculties MSLU;
e-mail: diana-f@mail.ru

COGNITIVE DISSONANCE FROM LINGUOSTYLISTIC PERSPECTIVE

The state of cognitive dissonance is a psychological phenomenon we encounter in our everyday practice. The following article focuses on linguistic development of the issue and considers cognitive dissonance in terms of linguostylistics. The examples featured are taken from English fictional discourse. They not only illustrate how cognitive dissonance is manifested in prose, but also provide enough basis to classify dissonant units. Initial classification includes two large groups – properly linguistic and extralinguistic; each of the groups is taken into due and detailed consideration by the author. In the conclusion an outlook for a further and deeper study is laid, thus proposing a profound analysis of cognitive dissonance in its connection with linguistic mechanisms.

Key words: cognitive dissonance; dissonant units; verbalization; fictional discourse; linguostylistics; context; stylistic devices; linguistic mechanisms.

Состояние когнитивного диссонанса (КД) является неотъемлемой частью нашей жизни. Любое явление, вступающее в противоречие с нашими знаниями, мнениями, ценностями или установками,

неизбежно влечет за собой состояние психологического дискомфорта, которое мы стремимся преодолеть. Возможно, именно поэтому теория Лео Фестингера [7] получила такое широкое распространение не только в психологии, но и в других областях науки. Особый интерес представляет рассмотрение данного психологического феномена в свете современных лингвистических исследований.

В лингвистике уже предпринимались некоторые попытки применить теорию когнитивного диссонанса. Так, в публикации В. З. Демьянкова [3] рассматривается проблема когнитивного диссонанса в дискурсе. На материале газетных статей автор стремится показать, каким образом происходит понимание и интерпретация текста читателем при явном несоответствии заголовка статьи ее содержанию и какие когнитивные механизмы при этом активируются. В выводах автор заключает, что связанные с когнитивным диссонансом «языковые игры» по-разному воспринимаются носителями разных культур и что приемлемо в русском газетном дискурсе абсолютно некорректно в другой языковой культуре.

Еще одну попытку рассмотреть когнитивный диссонанс в лингвистической перспективе делает в своем диссертационном исследовании Т. В. Дроздова [4], которая описывает вербальные репрезентации КД в процессе речевого взаимодействия, в основном на базе художественных текстов. Согласно Т. В. Дроздовой, значение слов в системе языка соотносится с определенными когнитивными контекстами – структурами или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают понимание. Если говорящий не способен сопоставить слово с соответствующим когнитивным контекстом, возникает КД. Также диссонанс может быть спровоцирован неправильным выбором языкового кода, например, когда в коммуникацию включается профессиональный сленг. Со стороны говорящего он маркируется определенными реакциями, к примеру, выражением непонимания, несогласия (*she frowned; "I don't see your point," he said*) [4, с. 83–84].

Позиции когнитивного диссонанса анализируются и в такой смежной с лингвистикой области науки, как теория перевода [1]. В теории перевода данный термин используется для описания и оценки расхождений между текстом на исходном языке (ИЯ) и текстом на переводящем языке (ПЯ). Учеными был сформулирован и рассмотрен термин «КД переводчика», который включает в себя знание

переводчика о том, что между текстами ИЯ и ПЯ имеются содержательные различия, а также его реакцию на данный факт. Осознавая эти различия, переводчик стремится преодолеть КД, минимизировав расхождения для будущего читателя, подбирая наиболее приемлемый вариант перевода. При этом КД становится длительным, поскольку не всегда выбранный вариант кажется совершенным, и приходится вынужденно соглашаться с принятым решением [2]. Признаком такого противоречия является, в частности, не возможность перевести какие-либо слова оригинала, а оставление их на исходном языке даже без транслитерации. Фактически, в таком случае когнитивный диссонанс остается непреодоленным – ведь оптимальный перевод должен существовать, но каким образом его осуществить, неизвестно. Еще одна попытка «сгладить» КД переводчика – это предоставление после текста обширного комментария к переводу.

Исследования в области когнитивного диссонанса актуальны и применимы в лингвостилистике. Этот психологический феномен помогает более полно раскрыть природу языковых явлений и выйти на новый уровень анализа художественного дискурса.

Отталкиваясь от терминологии Л. Фестингера, но при этом исключив следствия и предпосылки данного явления, определим когнитивный диссонанс применительно к лингвостилистике как «состояние дискомфорта, возникающее в сознании читателя в ходе прочтения текста» [7]. Данная универсальная дефиниция поможет полно и всесторонне рассмотреть этот феномен с лингвостилистических позиций. Ведь умышленно или неумышленно, имплицитно или эксплицитно такие «несоответствия» обнаруживаются в текстах буквально на каждом шагу и, несомненно, играют существенную роль в интерпретации дискурса читателем.

Чтобы обратиться к вербализации КД в тексте, остановимся на анализе дискурса англоязычной художественной прозы. Этот анализ позволит нам показать, что когнитивный диссонанс может реализовываться на многих уровнях – грамматическом, лексическом, синтаксическом, на уровне фрагмента текста или даже всего текста. Кроме того, диссонанс может являться «нелингвистическим», «композиционным», выходить за рамки текста, не будучи связан со значениями отдельных слов или языковой игрой, касаться фоновых знаний читателя. Для классификации диссонансных явлений целесообразно разделить их на две большие группы:

1) связанные непосредственно с языковыми единицами и их употреблением при создании художественного дискурса («лингвистические»);

2) связанные со смыслом отдельных фрагментов текста («нелингвистические»). Остановимся на двух выделенных группах и проиллюстрируем данное явление на базе предложенной терминологии.

1. Лингвистический уровень КД

Рассматривая лингвистический уровень КД, мы в первую очередь будем говорить о стилистических приемах. Среди стилистических приемов можно выделить те, в которых КД функционирует как когнитивный механизм, лежащий в основе приема, и те, которым КД может сопутствовать, не являясь при этом непременным условием их возникновения.

К первому типу, т. е. к стилистическим приемам, где диссонанс заложен изначально, относится оксюморон, предполагающий связать воедино абсолютно противоположные по значению понятия. Их логическая несовместимость и приводит к КД в сознании читателя. Например:

As he mechanically shot his arms back and forth, wearing on his face the look of *grim enjoyment*, which was considered proper during the Physical Jerks, he was struggling to think his way backward into the dim period of his early childhood [5, с. 42].

A sort of *vapid eagerness* flitted across Winston's face at the mention of Big Brother. Nevertheless Syme immediately detected a certain lack of enthusiasm [5, с. 67].

Quite soon he grew to have a feeling of *positive dread* when the appointed day came round [5, с. 86].

В представленных примерах оксюмороны строятся не на конвенциональных, закрепленных в системе языка антонимах, а на ЛЕ, имеющих противоположные значения / оттенки значения. *Grim – not very enjoyable* [9, с. 624] соединяется с *enjoyment, eagerness*, в идее которого заложена *восторженность, живость, энтузиазм* – с *vapid* (*вялый, скучный, бесцветный*), а *dread*, ассоциирующийся с негативными эмоциями, характеризуется как *positive*.

Следующим стилистическим приемом первого типа, базирующимся на КД, следует назвать олицетворение. Суть олицетворения,

как известно, заключается в приписывании характеристик одушевленного предмета неодушевленному. Диссонанс здесь заключается в том, что предмету заведомо приписываются действия, которые им не могут быть совершены, или качества, идущие с ним вразрез.

Outside we ran across the brickyard. A shell burst shot near the river bank. Then there was one that we did not hear coming until the sudden rush. We both went flat and with the flash and bump of the burst and the smell heard *the singing of the fragments* and the rattle of falling brick [6, с. 69].

Также КД лежит и в основе приема иронии или сарказма. Здесь автор либо отображает окружающую действительность в искаженном виде для создания комического эффекта, либо говорит прямо противоположное тому, что подразумевается.

At the start of the winter came the permanent rain and with the rain came the cholera. But it was checked and in the end *only 7 thousand* died of it [6, с. 32].

Итак, вышеперечисленные стилистические приемы являются диссонирующими по своей природе, сути. Однако следует отметить, что любой прием может стать диссонирующим в контексте, даже если КД не является механизмом, лежащим в его основе.

Сопоставим следующие два примера сравнения. Сравнение строится на механизме сходства; понятия сопоставляются на базе общего для них признака.

(1) Outside the post a great many of us [wounded soldiers] lay on the ground in the dark. They carried wounded in and brought them out. I could see the light come out from the dressing station when the curtain opened and they brought some one in and out. The dead were off to one side. The doctors were working with their sleeves up to their shoulders and were *red as butchers* [6, с. 72].

- (2) You're a fine girl, Fergy.
I'm not. Don't try to flatter me. How does your leg feel?
Fine.
"How is your head?" She touched the top of it with her fingers.
It was sensitive like a foot that had gone to sleep.
It's never bothered me [6, с. 111].

В примере (1) перед нами простое сравнение, основанное на подобии характеристик; из контекста становится ясным, что доктора сравниваются с мясниками, поскольку их халаты в крови раненых солдат, как халаты мясников в лавке. В случае (2) несоответствие наблюдается уже на когнитивном уровне. Во-первых, здесь присутствует некий парадокс из-за сравнения головы со ступней (в составе «стертого» фразеологизма). Во-вторых, смысловое наполнение высказывания противоречит его изначальному значению – «быть чувствительным как онемевшая ступня» по сути означает «не чувствовать ничего вообще».

Можно найти и немало примеров диссоциирующей метафоры (которая также базируется на выявлении схожих характеристик):

Through the other noise I heard a cough, then came the chuh-chuh-chuh-chuh – then there was a flash, and a roar that started white and went red and on and on in a rushing wind. I tried to breathe but my breath wouldn't come and I felt myself rush bodily out of myself. I went out ...then I floated and instead of going on I felt myself slide back. I breathed and I was back. The ground was torn up and in front of my head there was a splintered beam of wood. A shell [a bomb] fell close and...dropped me [6, с. 70].

Данная авторская метафора затрагивает целый ряд когнитивных ассоциаций, апеллируя к фоновым знаниям читателя. С одной стороны, через цвета обычно передается температура (красный – горячий; синий – холодный), но никак не звук. С другой – красный цвет можно связать с громким звуком, опираясь на фоновые знания – цвет сигнальной лампочки. Красный цвет также ассоциируется с опасностью, тревогой – по той же аналогии с сиреной или сигнализацией.

Таким образом, весь комплекс когниций, собранный воедино, помогает преодолеть возникающий в данном случае диссонанс и интерпретировать авторскую метафору, привязав ее к характеристикам звука: *белый – тихий, красный – громкий*¹.

¹ Следует отметить, что так называемые стертые метафоры (устоявшиеся), конечно же, не будут диссоциирующими. Большая часть метафор по своей сути основана на схожести, и не является диссонансной по природе – как и сравнения (сравнивают обычно похожее). Однако для ряда авторов постмодернизма и магического реализма и для стиля отдельных авторов характерно сравнивать несравнимое и, используя механизм сравнения, выбирать объекты из разных областей (часто совершенно между собой не связанных).

Лингвистический уровень КД касается не только лексических стилистических приемов. Он может быть связан с омонимией, привлечением автором иноязычных слов и созданием авторских неологизмов, нарушениями грамматических норм языка, с синтаксическими конструкциями.

Вот один из примеров лексико-фонетического диссонанса – игра слов, построенная на омонимии:

The Italians were sure America would declare war on Austria too and they were very excited about any Americans coming down, they asked me [the narrator was American] if I thought President Wilson would declare war on Austria and I said it was only a matter of days. They asked me if we would declare war on Turkey. I said that was doubtful. *Turkey*, I said, *was our national bird* but the joke translated so badly and they were so puzzled and suspicious that I said yes, we would probably declare war on Turkey [6, с. 86].

Рассказчик – американец по национальности; слова *turkey* – *индейка* и *Turkey* – *Турция* являются полными омонимами в английском языке; на этом построена шутка рассказчика. Следует отметить, что еще больший диссонанс данный каламбур может вызвать в сознании неанглоязычного читателя – ведь он не переводим на другие языки и без наличия дополнительных знаний понять его невозможно.

Следующий образец диссонанса затрагивает грамматический уровень языка:

Let's all go to Rome. Let's go to Rome tonight and never come back. Rome is a beautiful city, said the major. *The mother and father of nations*, *I said. Roma is feminine*, said Rinaldi. *It cannot be the father* [6, p. 86].

Здесь игра построена на различиях в грамматической категории рода в итальянском и английском языках. Ринальди по национальности итальянец, и автором обыгрывается женский род слова *Roma* – *Рим* в итальянском языке¹, и отсутствие соответствия данной категории в английском, где род является более размытым, и Рим – среднего рода (*it*). По логике Ринальди, Рим не может быть «отцом

Диссонирующие сравнения и метафоры являются неотъемлемой частью их стиля, и когнитивный диссонанс в его самом широком смысле можно даже причислить к их характерным средствам построения текста (ср., у М. Павича: «Он был красив, как икона, и по уши в крови, как сапог»).

¹ Фактически все названия городов в итальянском языке женского рода, что обусловлено женским родом слова *город* – *la città*.

наций», потому что он женского рода. В данном случае используется несколько приемов одновременно – олицетворение (*город – мать и отец*) – диссонанс грамматической категории рода, межъязыковые когнитивные различия.

Однако лингвистический потенциал диссонансных явлений не ограничивается вышеперечисленными моментами. Если обратиться к рассмотрению поэтических произведений, можно натолкнуться на фонетический КД – намеренное изменение ударения в слове для поддержания ритма или метрической структуры строфы. Обычно такие изменения не затрагивают смыслового наполнения стиха – это чисто «ритмическая уступка». Читатель, конечно же, осознает, что ударение в слове должно падать на другой слог, но сглаживает КД, воспринимая это как вынужденный прием для сохранения ритма.

В разговорной речи диссонанс может реализовываться интонационно, вплоть до полного изменения смысла высказывания, произнесенного с иронической интонацией. Нередко из-за фонетических факторов говорящий испытывает психологический дискомфорт, не зная воспринимать ли сказанное в буквальном или переносном смысле. Также известны и намеренные грамматические ошибки в разговорной речи (например, намеренное изменение рода – *собака гулял*) нередко для создания комического эффекта. Грамматический и фонетический диссонанс – нередкое явление и в англоязычной прозе. Намеренно искажая речь героев, допуская в ней грамматические ошибки или имитируя акцент, автор создает более полный, детальный образ своих персонажей.

2. «Нелингвистический» диссонанс. Уровень смысла

Данный вид диссонанса встречается очень часто. Он связан с несовпадением смысла, предварительно сконструированного в сознании читателя, с общим смыслом абзаца (или фрагмента текста), с расхождением между значениями отдельных элементов/предложений и суммарным конечным смыслом всего фрагмента, с возможным изменением смысла по ходу прочтения текста. Реализация «надтекстового» диссонанса непременно предполагает наличие дополнительно контекста, развертывание, появление, извлечение или обнаружение которого может поменять прогнозируемое читателем смысловое наполнение текста. При этом дополнительный контекст может как присутствовать в самом тексте (например, даваться в следующем абзаце,

постепенно раскрываться по ходу прочтения), так и не присутствовать – и в данном случае читатель должен апеллировать к собственным фоновым знаниям или искать дополнительную информацию во внешних источниках. Проиллюстрируем вышесказанное несколькими примерами.

Abstract words such as *glory, honor, courage, or hallow* were *obscene* beside the concrete names of villages, the numbers of roads, the names of rivers, the numbers of regiments and the dates [5, с. 170].

Если касаться лексического наполнения, здесь используется нейтральная лексика. Однако смысловое наполнение данного предложения сразу вызывает когнитивный диссонанс, потому что лексический набор *glory, honor, courage, hallow* имеет позитивную коннотацию, в отличие от единицы *obscene*. Понять, почему данные слова считаются рассказчиком «непристойными», можно только проанализировав полный фрагмент. Рассказчик поясняет свою точку зрения, давая подробный дополнительный контекст, и диссонанс сглаживается:

I was always embarrassed by the words *sacred, glorious and sacrifice* and *the expression in vain*. We had heard them, and had read them on proclamations...and I *had seen nothing sacred, and the things that were glorious had no glory, and the sacrifices were like the stockyards at Chicago if nothing was done with the meat except to bury it*. There were many words that you could not stand to hear and finally only the names of places had dignity [5, с. 169–170].

Эти абстракции, по мнению главного героя, лейтенанта Фредерика Генри, не имеют никакого смысла в военное время, поскольку в войне нет ничего прекрасного, ничего доблестного. Чем чаще они употребляются в агитации для поднятия боевого духа солдат, тем более нелепыми и бессмысленными становятся. Возвышенные чувства жертвенности, чести, святости, патриотизма исчезают в битве не на жизнь, а на смерть. Значимость и святость обретают только конкретные места и даты, только конкретные цели и задачи.

Еще один пример, когда автор сам помогает читателю преодолеть КД, однако необходимый контекст не дается сразу в тексте, как в первом случае, – его нужно извлекать из всего произведения по ходу прочтения:

“What is the stick?” I asked.

She [Catherine Barkley] was carrying a thin rattan stick like a toy riding-crop, bound in leather.

It belonged to a boy who was killed last year. He was e very nice boy. He was going to marry me and he was killed in the Somme.

“You have beautiful hair,” I said.

I was going to cut it all off when he died. I wanted to do something for him... You see I didn’t care about the other thing and he could have it all. He could have had anything he wanted if I would have known. I would have married him or anything. But then he wanted to go to war.

Have you done nursing long?

Since the end of ‘fifteen. I started when he did. I remember having a silly idea he might come to hospital where I was. With a sabre cut, I suppose, and a bandage around his head. Or shot through the shoulder. Something picturesque [5, с. 44].

На уровне когниций снова возникает диссонанс. Получается, Кэтрин Баркли желает, чтобы человека, который ей дорог, ранили на фронте. В конвенциональном мышлении это фактически означает желать зла любимому человеку. Но интерпретировать это высказывание следует, опираясь на всю главу, и на то, как автор раскрывает этого персонажа читателю. При извлечении необходимого контекста КД сглаживается, – разумеется, никаких злых намерений у Кэтрин нет, даже наоборот. Ее идея обусловлена желанием находиться рядом с близким человеком и стремлением к тому, чтобы он был в безопасности, а если он будет ранен, он будет отправлен с линии фронта в госпиталь, где она работает медсестрой, и таким образом обе ее цели будут достигнуты.

В следующем фрагменте диссонирующий эффект связан с конвенциональными представлениями об окружающей действительности:

I turned her [Catherine Barkley] so I could see her face when I kissed her and saw that her eyes were shut. I kissed both her shut eyes. I thought she was probably a little *crazy*. It was *all right* if she was. I didn’t care what I was getting into [5, с. 51].

Говорить о диссонансе здесь позволяет полная антонимия слова *crazy* (*сумасшедший*) по отношению к *right* (*нормальный*). В реальном мире быть сумасшедшим и быть нормальным – вещи совершенно несопоставимые. Таким образом, поставив эти понятия в один ряд, автор достигает комического эффекта.

Наконец, пример «нелингвистического» КД, апеллирующего к фоновым знаниям читателя:

The frescoes were not bad, any frescos were good when they started to peel and flake off [6, с.50].

Обычно, то, что распадается от старости, не может быть хорошим. Но только не в случае с фресками – здесь, чем они древнее, тем выше их ценность.

Итак, последовательный анализ различных уровней КД, как и рассмотрение проблемы диссонанса в различных областях науки, позволяет сделать некие выводы о лингвистической стороне данного явления. Один из главных выводов, как представляется, – утверждение о том, что не всегда КД преодолим и не всегда читатель стремится к его преодолению.

Действительно, на «нелингвистическом» уровне, уровне «над текстом», сглаживание КД возможно и для достижения этой цели всегда прилагаются усилия. Читатель стремится постичь смысл прочитанного или хотя бы приблизиться к пониманию того, что хотел сказать автор. В некоторых случаях диссонанс преодолевается при предоставлении дополнительного контекста самим автором, в некоторых – читателю необходимо извлекать контекст самостоятельно, иногда КД устраняется путем подключения фоновых знаний, иногда фоновых знаний недостаточно и требуется поиск дополнительной информации (на который, кстати, пойдут не все читатели). Но совсем по-другому обстоит дело с лексическим, грамматическим и фонетическим уровнем КД – читатель не пытается преодолеть диссонанс такого рода. Диссонирующие стилистические приемы, грамматические и фонетические несоответствия, разумеется, не считаются нормой. Однако в рамках художественного произведения они имеют полное право на существование и воспринимаются как средства языковой креативности, как неотъемлемая часть индивидуального авторского стиля.

Когнитивные аспекты, в том числе феномен когнитивного диссонанса и его вербализация в художественном тексте, – перспективное для лингвостилистики направление исследований. В дальнейшем предполагается более глубокое рассмотрение данного психологического явления в его взаимосвязи с лингвистическими механизмами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воскобойник Г. Д.* Тождество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике: Монография. – М.: МГЛУ, 2004 – 182 с. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 499. Сер. Лингвистика).
2. *Воскобойник Г. Д., Вебер Е. А.* Когнитивный диссонанс как гомеостатическая мотивация регулирования конфликтов социального и индивидуального // Актуальные проблемы теории художественного перевода. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 39–52. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 9 (669). Сер. Языкознание).
3. *Демьянков В. З.* Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: Сб. научных трудов. – Вып. 9. – М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2011. – С. 33–40.
4. *Дроздова Т. В.* Когнитивный диссонанс как лингвистическая проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2011. – 24 с.
5. *Оруэлл Д.*; подгот. текста., коммент. и слов. Е. Г. Тигонен. – СПб.: Каро, 2010. – 381.
6. *Hemingway E.* A Farewell to Arms. – М.: Progress Publishers, 1969. – 319 p.
7. *Tompkins P., Lawley J.* Cognitive Dissonance and Creative Tension – the same or different? // The developing group, 2009. – URL: <http://www.cleanlanguage.co.uk/articles/articles/262/1/Cognitive-Dissonance-and-Creative-Tension/Page1.html>
9. Macmillan English Dictionary. – URL: <http://www.macmillandictionaries.com>

УДК 81'42

А. Ю. Хахалева

преподаватель каф. лингвистики и профессиональной коммуникации в области экономики ИПЭУ МГЛУ; e-mail: anastasiya_806@mail.ru

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В ПОЛИМОДАЛЬНОМ ТЕКСТЕ (на материале PR-дискурса)

В статье рассматриваются особенности репрезентации информации в текстах PR-дискурса (на материале пресс-релиза). Автор обращается к психологии восприятия, указывая, что ее основные принципы используются при создании PR-текстов. Особое внимание уделяется стратегии использования средств полимодальности при представлении информации на сайте, за счет которой достигается реализация других дискурсивно-прагматических стратегий компании. Подчеркивается, что взаимодействие вербального и аудиовизуального компонентов пресс-релиза позволяет создать положительный образ компании в сознании потребителя, не давая эксплицитной положительной оценки ее деятельности.

Ключевые слова: PR-коммуникация; PR-дискурс; психология восприятия; Интернет; дискурсивно-прагматические стратегии; полимодальность; гипертекстовость; вербальный и аудиовизуальный образы; смысловое пространство.

Khakhaleva A. Y.

Teacher Chair of Linguistics and Professional Communication (Economics)
Institute for Law, Economics and Information Management MSLU;
e-mail: anastasiya_806@mail.ru.

THE WAYS OF REPRESENTING INFORMATION IN A MULTIMODE TEXT (on the material of PR-discourse)

The article is devoted to the peculiarities of representation of PR-discourse information (on the material of press-release). The author turns to the perceptual psychology pointing out that the main principles of this science are used in creation of PR-texts. Special attention is paid to the strategy of using multimode means of presenting information which helps realizing the other discourse and pragmatic strategies of a company. It is emphasised that the interaction of verbal and graphic components in a press-release allows to create a positive image of a company without giving its activities a direct positive evaluation.

Key words: PR-communication; PR-discourse; perceptual psychology; the Internet; discourse and pragmatic strategies; polycode; hypertext; verbal and visual images; semantic space.

PR-коммуникация представляет собой деятельность, ориентированную на выстраивание взаимовыгодных отношений между компанией, с одной стороны, и потребителями, партнерами, инвесторами – с другой. Цель настоящей статьи состоит в выявлении лингвопрагматических средств, за счет которых достигается решение задач PR-коммуникации. PR-дискурс – это сложное явление, представленное различными жанрами¹. Особое место среди них занимает пресс-релиз как наиболее эффективное средство коммуникации с общественностью и формирования мнения аудитории.

PR-дискурс может разворачиваться в реальной и виртуальной среде. Сегодня предпочтение отдается онлайн коммуникации: большинство компаний используют Интернет для общения с целевой аудиторией. Это обусловлено целым рядом преимуществ данного вида коммуникации: высокой скоростью распространения информации, удобством поиска, возможностью использования большого количества средств воздействия на аудиторию, в том числе нетипичных для данного жанра, например, средств полимодальности, которые в сочетании с традиционными средствами производят синергетический эффект. В нашей статье мы планируем рассмотреть пресс-релиз, как жанр PR-дискурса, реализующийся в интернет-среде; уточнить понятие полимодальности выявить роль полимодальных средств в реализации прагматических целей PR-дискурса, в частности одного из его жанров – пресс-релиза.

Важную роль в формировании стратегии паблик рилейшнз играет учет психологических особенностей аудитории. В рамках психологии восприятия выделяют следующие особенности восприятия человеком окружающей действительности: 1) внимание будет привлечено и удержано, если информация представляет интерес для потребителя с точки зрения его мотивации и потребностей; 2) вся информация, получаемая человеком, делится на образ (то, что привлекло наибольшее внимание и запомнится лучше всего) и фон (менее значимые элементы, отходящие на второй план); 3) информация, повторяющаяся несколько раз, запоминается лучше; 4) прошлый опыт оказывает влияние на восприятие новой информации; 5) человек стремится формировать

¹ Например: бэкграундер (backgrounder), лист вопросов-ответов (question-and-answer form), байлайнер (by-liner), ньюслеттер (newsletters), приглашение и др.

полную картину восприятия, даже если некоторые ее элементы отсутствуют; б) люди склонны организовывать свое восприятие в «простые» схемы [1].

Для достижения прагматического эффекта компании прибегают к использованию этих принципов при создании текстов различных жанров PR-дискурса, при написании которых используются информационные поводы, релевантные для целевой аудитории с учетом возраста, пола, дохода, национальной принадлежности. Идеи, которые компания считает наиболее значимыми, выходят на первый план посредством повторения в текстовом и графическом виде для закрепления в сознании потребителя. Важную роль играет прошлый опыт аудитории: образы, вызывающие положительные ассоциации и закрепившиеся в сознании аудитории в положительном контексте, используются в PR-кампании из года в год. Компания может описать только некоторые отдельные элементы сценария, ассоциирующегося у представителя аудитории с приятными впечатлениями (например праздники, спортивные события) или представляющего социальную значимость (защита окружающей среды, помощь детям и людям с ограниченными возможностями). На основе этих элементов будет сформирована целостная картина событий, в которую органично впишется товар или услуга, продвигаемая компанией.

Как было сказано выше, наиболее эффективным средством коммуникации в век информационных технологий является Интернет. Для удобства и эффективности взаимодействия с клиентами большинство компаний используют официальные сайты, на которых размещают информацию об истории компании, продуктах и услугах, возможности покупки через Интернет, условиях доставки, вакансиях, контактах, а также корпоративной культуре, этических принципах, благотворительных акциях, в которых участвует компания, и др. Кроме того, на сайтах большинства компаний есть разделы, посвященные связям с прессой и содержащие архив пресс-релизов организации.

При размещении информации на сайте проявляются следующие дискурсивно-прагматические стратегии, основанные на приведенных выше принципах психологии восприятия:

- 1) поликодовость представления информации на сайте¹;

¹ В нашем понимании в данном случае имеется в виду использование средств полимодальности.

- 2) удобство использования (usability);
- 3) стратегия «сближения» с потребителем;
- 4) ориентированность на местный рынок;
- 5) учет менталитета, профессиональных интересов (например, при обращении к инвесторам и франчайзи) и национально-культурных особенностей посетителей сайта [2].

При написании PR-текстов, в частности, текстов пресс-релиза, для достижения прагматического эффекта компаниями широко применяются средства полимодальности. В пресс-релизах компании ориентируются на особенности восприятия человеком окружающей действительности, выбирая информацию, актуальную для целевой аудитории, например: для многих людей важной проблемой является выбор подарков к Рождеству, а также организация празднования. Компании стараются привлечь внимание к своей продукции, организуя различные акции и мероприятия накануне праздников.

Рассмотрим пресс-релиз, опубликованный компанией «Coca-Cola» на официальном сайте в Великобритании «coca-cola.co.uk» 7 ноября 2014 г. (см. Приложение). Пресс-релиз описывает новостное событие, обозначенное в заголовке («Coca-Cola's Iconic Christmas Campaign Is Back»). В конце сообщения помещена информация о компании «About Coca Cola Great Britain».

Данный пресс-релиз посвящен мероприятиям, проводимым компанией «Coca-Cola» в Великобритании в рамках подготовки к празднованию Рождества: *Coca Cola Christmas trucks hit the streets of the nation again this year; the famous 'Holidays are Coming' TVC will break during the X Factor on Saturday 8th November.*

Заглавие выполняет информационную функцию, служит для привлечения внимания и выражает основную идею данного пресс-релиза: «Coca-Cola's Iconic Christmas Campaign Is Back – And Bigger And Better Than Ever». В современном стремительно меняющемся мире и в условиях постоянно растущей конкуренции компании необходимо постоянно создавать что-то новое, чтобы сохранить преданность покупателей и привлечь новых клиентов. Однако покупатели не только хотят видеть новые товары и акции. Специалисты в области психологии потребления считают, что потребителю важно чувствовать стабильность и постоянство в выборе товаров [4]. Составителями текстов используются различные лингвостилистические средства, чтобы подчеркнуть, что в своих рождественских мероприятиях «Coca-

Cola» стремится сохранить традиции, которые стали неотъемлемой частью празднования Рождества для многих семей. К средствам, которые имеют наибольший прагматический эффект, мы отнесем **прилагательные** (эпитеты *Iconic Christmas Campaign*, *much loved Coca Cola Christmas trucks*; *The famous 'Holidays are Coming' TVC*) и **наращения** (*hit the streets of the nation again this year*). При этом компания стремится показать, что, придерживаясь традиций, она одновременно совершенствует свою работу, создавая что-то новое (*Bigger And Better Than Ever, is bringing a fresh and personal twist to its Christmas campaign, a new TVC ad, The new-look ad "Give A Little Happiness"*) и используя новейшие технологии для удобства своих клиентов. Целый раздел пресс-релиза «Digital campaign» посвящен этому нововведению: *Coca Cola will introduce an e-commerce platform; digital greetings card; send a video message*. Слово *ad* является разговорным вариантом существительного *advertisement*; используя данную лексическую единицу, компания стремится показать, что понимает клиентов и говорит с ними на одном языке.

В текстах пресс-релиза, которые имеют целью формирование соответствующего имиджа компании без положительной оценки ее деятельности, особую роль играют средства полимодальности. Для усиления прагматического эффекта в пресс-релизе применяются такие средства полимодальности, как *изображение* и *видео*, сопровождающееся *музыкальными композициями*. В начале рассматриваемого пресс-релиза помещено изображение грузовика с продукцией компании, украшенного рождественской символикой, гирляндами и логотипом «Coca-Cola». Основной цвет оформления машины – красный. Этот цвет является ключевым в дизайне логотипа компании и ее сайта, а также одним из основных цветов, используемых при оформлении рождественских праздников в некоторых странах, благодаря традициям, берущим свое начало в эпохе Средневековья. В большинстве культур красный ассоциируется с процветанием, высоким статусом, жизнелюбием; это цвет любви, активности, борьбы. Восприятие красного цвета во многом зависит от находящихся с ним рядом цветов, например красное на белом – одно из самых различных глазом сочетаний, выражающее радость, праздник, полноту жизни [7].

Далее в тексте пресс-релиза предложен ставший символом компании «Coca-Cola» и праздника Рождества во многих странах видеоклип «Holidays are Coming», который изображает караван грузовиков,

проезжающий по празднично украшенным городам. В пресс-релизе подробно описывается мероприятие, проводимое компанией: *The Christmas Trucks will be touring over 40 hotspots and cities across the country*. Читатели получают возможность увидеть этот символ праздника не только на видео, но и в реальности. Эффект графического изображения усиливается за счет использования эпитетов (*the much loved Coca Cola Christmas trucks*). Автор использует в тексте пресс-релиза лексические единицы, ассоциирующиеся с празднованием Рождества (*Father Christmas, elf, Christmas bow, Santa's reindeer*), образы которых потом встречаются в видеоклипах компании.

Первое видео подкрепляется вторым, также посвященным празднованию Рождества: для усиления эффекта воздействия на аудиторию в нем повторяются образы, использованные в ролике «Holidays are Coming» (празднично украшенные огнями и гирляндами города и дома; караван грузовиков «Coca-Cola»; люди, готовящиеся к празднованию Рождества в кругу семьи; Санта-Клаус). Данное видео выражает одну из основных идей праздника – возможность сделать что-либо хорошее для окружающих, совершить добрый поступок (название видео «Give A Little Happiness»). В тексте несколько раз повторяются однокоренные слова (*happiness, happy feelings*), а также выражение с положительной коннотацией (*acts of kindness*). Компания стремится показать, что для нее важен не только доход, играющий значительную роль в среде ведения бизнеса: главное место занимают такие ценности, как внимание к людям, общение, доброта и забота. Данная идея вербализуется в конце пресс-релиза: *Our focus on acts of kindness remains true to the values of our Open Happiness™ global marketing campaign*. Изображение и текст служат совместной цели создания образа в сознании читателя.

Благодаря гипертекстовости данного пресс-релиза читатель получает доступ к дополнительным средствам полимодальности: в тексте содержатся ссылки, которые позволяют перейти на другую страницу, чтобы получить более подробную информацию об описываемых событиях (например, увидеть карту передвижения праздничного каравана «Coca-Cola Christmas Truck Tour Map»). После просмотра видео посетитель переходит на страницу с возможностью записать короткое видео с поздравлением и отправить его на e-mail знакомого (*to send a video message to family and friends*) или отправить небольшой праздничный подарок (*Limited edition Christmas glass bottle, a bottle with*

a label that transfers into a Christmas bow) (см. рис. 1). Внимание акцентируется на том, что данные поздравления будут персонализированы и отправлены с указанием имени конкретного человека. Эта идея несколько раз повторяется в тексте пресс-релиза (*personalised digital greetings, to send a personalised video message*). В нем также подчеркивается, что каждый клиент индивидуален для компании, несмотря на то что в современных отношениях потребителей и продавцов распространенным и наиболее эффективным для достижения экономии считаются единый подход на все случаи жизни (*one-size-fits-all*) и понятие рынок товаров массового производства (*mass market*).

Рис. 1. Оформление страницы сайта компании «Coca-Cola»

После прочтения пресс-релиза образ компании и ее продукции прочно закрепляется в сознании потребителя как неотъемлемая часть празднования Рождества. Компания стремится показать, что для нее важны интересы потребителя. Стратегия использования средств полимодальности при представлении информации на сайте тесно переплетается со стратегиями 4 и 5 приведенной выше классификации: ориентированность на местный рынок; учет менталитета, профессиональных интересов и национально-культурных особенностей целевой аудитории. Данный пресс-релиз ориентирован на покупателей из Великобритании, где наиболее распространенной религией является христианство. Концепты и понятия, упоминающиеся в тексте и

использованные в видео- и графических изображениях, ассоциируются с праздником Рождества (*choir, Santa, greetings card*). Компания «Coca Cola» придает большое значение данному аспекту, необходимо отметить, что сайты и стратегии компании различаются в различных странах. Например, на официальном сайте компании в России в центре внимания празднование Нового года, являющегося более популярным зимним праздником для большинства жителей страны, чем Рождество, в силу исторических и национальных причин [6].

Смысловое пространство полимодального дискурса выступает комплексным пространством, в котором интегрированы вербальный и аудиовизуальный компоненты. Сложный образ, возникающий в результате взаимодействия вербального и аудиовизуального компонентов, многогранен, так как включает в себя разноуровневые «несопоставимые», на первый взгляд, элементы. Аудиовизуальная составляющая помогает создать более яркий и запоминающийся образ описываемого события [3]. На фоне современной конкуренции данный подход широко применяется при создании текстов PR-дискурса для того, чтобы сформировать и закрепить в сознании потребителей положительный имидж компании.

Приложение

Coca-Cola's Iconic Christmas Campaign Is Back – And Bigger And Better Than Ever

Coca-Cola celebrates Christmas with a new TVC, the iconic “Holidays are Coming” ad and a digital platform enabling consumers to send personalized Christmas wishes to their loved ones.

Coca Cola Great Britain is bringing a fresh and personal twist to its Christmas campaign for 2015, as the much loved *Coca Cola Christmas trucks* hit the streets of the nation again this year.

The famous '*Holidays are Coming*' TVC will break during the X Factor on Saturday 8th November, and for many, marks the official countdown to Christmas. The campaign will also feature a new TVC ad inspired by acts of kindness which will also air that evening.

The new-look ad "*Give A Little Happiness*" opens with a scene featuring the *iconic Coca Cola Father Christmas* and a number of different acts of kindness through various experiences with friends, families and amongst strangers.

It shows people carrying out simple acts of kindness for the ones they love, to share what they have, when they can – and is set to the heart-warming "Make Someone Happy" soundtrack by Jimmy Durante, which further inspires those happy feelings associated with the festive period.

Coca Cola Great Britain also today releases details of this year's *Coca Cola Christmas Truck Tour*. The Christmas Trucks will be touring over 40 hotspots and cities across the country and will be supported by a sampling, choir and photo experience.

Digital campaign

To extend and personalise the theme of giving a little happiness, Coca Cola will introduce an e-commerce platform and personalised digital greetings card to amplify excitement and engagement online.

The digital greetings card will allow people to send a personalised video message to family and friends. Consumers will be able to visit www.cokezone.com/uk/en/coca-cola/make-a-wish to create and send a Christmas wish to a loved one by truck, elf, bottle or magic.

The e-commerce platform www.mycoca-cola.com will encourage gifting with Coca Cola's Limited edition Christmas glass bottle, a bottle with a label that transfers into a Christmas bow.

The wider multi-channel Christmas campaign includes OOH and a nod to the successful *Share a Coke campaign* with special Share a Coke with Santa's reindeers 500ml bottles.

“Coca Cola has a long standing legacy of spreading festive cheer during this season and our much loved campaigns mark the unofficial countdown to Christmas. Our focus on acts of kindness remains true to the values of our Open Happiness™

global marketing campaign. This year our Christmas campaign will serve our fans with a more personalised brand experience than ever before.”

Bobby Brittain, UK marketing strategy and activation director for Coca Cola Great Britain

ENDS

Notes to Editors:

The new TVC was created by Ogilvy & Mather.

About Coca Cola Great Britain

Coca Cola Great Britain is responsible for marketing 23 brands and over 100 products to consumers across Great Britain, with a focus upon developing new brands and extending existing brands including Coca Cola (recognised as one of the world’s most valuable brands).

Other Coca Cola Great Britain brands include Diet Coke, Coca Cola Zero, Fanta, Sprite, Dr Pepper, Oasis, Glacéau vitaminwater, Schweppes, 5 Alive, Lilt, Kia Ora, Relentless Energy Drink and Powerade. The Coca Cola Great Britain portfolio is worth £1,914 million in 2013 with value sales growth of 3.4%. Within this, My Coke (*Coca Cola, Diet Coke and Coca Cola Zero*) is worth £1,192 million (all Nielsen, w/e 28/12/13).

In 2013, Coca Cola announced four global business commitments to inspire happier, healthier communities. These commitments are to: make low and no calorie options available in every country; market responsibly, including no advertising to children under the age of 12; provide transparent nutritional information, including calorie content, on the front of our packs; and help get people by moving by supporting physical activity programmes in every country.

Coca Cola Great Britain is committed to developing innovative, responsible and sustainable initiatives that help protect the environment. The Company has launched its PlantBottle™ plastic made from up to 22.5% plant-based materials.

For more information about Coca Cola in Great Britain, please visit our website at www.coca-cola.co.uk.

For more information on this campaign, please contact:

Andy May / ccgb@theopen-road.com / 0207 260 2705 [5]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Интернет-ресурс Брендового агентства «Пиар» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mirpiar.com/publ/50-1-0-278>

2. Куликова О. В. Прагматика бизнес-коммуникации в среде Интернета // Дискурс межкультурной профессиональной коммуникации. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – С. 108–128. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 14 (647). Серия Языкознание).
3. Первенцева Е. В. Смысловое пространство художественного дискурса и роль визуальной составляющей в его формировании: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 26 с.
4. Посыпанова О. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/posup/01.php
5. Coca-Cola Great Britain // Press Centre // Coca-Cola's Iconic Christmas Campaign Is Back – And Bigger And Better Than Ever. – URL: <http://www.coca-cola.co.uk/press-centre/2014/november/coca-cola-iconic-christmas-campaign.html>
6. Coca-Cola Journey // Пресс-центр // Пресс-релизы. – URL: <http://www.coca-colarussia.ru/stories/coca-cola-ny-2014#TCCC>
7. University of Cambridge // Research // News // Who colour-coded Christmas. – URL: http://www.marketing-services.ru/directory_marketing/analytics/articles/market_consumers/5421.html

Раздел II

Дискурс и семиотика

УДК 81'33

Е. Е. Голубкова

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лексикологии английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail: katemg@yandex.ru

ДИАЛЕКТНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИКИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЯ (на материале фразовых глаголов английского языка)

В статье анализируются свойства синонимии фразовых глаголов в американском и британском вариантах английского языка с позиций концептуального моделирования фрейма «действия» с целью выделения слотов, детерминирующих особенности концептуализации события.

Ключевые слова: фразовый глагол; фрейм; действие; слот; концептуальное моделирование.

Golubkova E. E.

Ph. D. (Philology), Professor, Department of lexicology of the English language, MSLU; e-mail: katemg@yandex.ru

DIALECTAL VARIABILITY AS EVIDENCE OF MULTIPLE CONCEPTUALIZATION STRATEGIES (BASED ON BRITISH / AMERICAN PHRASAL VERBS OF ACTION)

The article attempts at revealing some features of difference and similarity in the synonymic phrasal verbs in American and British English relying on the process of conceptual modeling of the action event, dictionary and corpus data.

Key words: phrasal verb; frame, action; slot; conceptual modeling.

Изучение диалектного варьирования в корпусе коммуникативно востребованной лексики – фразовых глаголов (ФГ) в американском и британском вариантах – проводилось с целью выявления закономерностей такого варьирования и установления его причин. Заявленная в названии статьи тема ограничена в данной работе исследованием следующих проблем: изучением специфики употребления ФГ

в американском и британском вариантах английского языка в связи с малой изученностью проблемы распределения ФГ по вариантам английского языка и правомерности такого распределения, а также попыткой объяснения с когнитивных позиций сущности диалектальных различий.

Иными словами, задача состоит в корпусном обосновании наличия последовательно реализующихся в дискурсе диалектальных различий у ФГ и попытке проведения концептуального анализа семантики близких по значению пар или более протяженных «синонимических» рядов глаголов. Слово «синонимический» взято в кавычки по причине размытости данного понятия в лингвистике, особенно на данном этапе, когда происходит некоторая переоценка синонимии в плане условности этого понятия и его интерпретации в самом широком смысле, когда признается наличие «приблизительных синонимов» («near-synonyms»), далеко не всегда взаимозаменяемых в одном контексте [6].

Продолжая традиции Л. Теньера и Е. С. Кубряковой, повторим, что глагол в целом можно и даже нужно воспринимать в качестве мини-текста, своеобразной «драмы», задающей сценарий действия. Метонимически глагол способен в редуцированном виде обозначить ситуацию, которую можно условно по аналогии с ситуацией движения у Л. Телми назвать «ситуацией действия» («Action event») [3; 4; 9]. При этом следует напомнить о том, что ФГ (состоящие в английском языке как минимум из двух компонентов: глагола и частицы или сателлита с примарным направительным значением) – это конструкции, на материале которых удобно изучать процессы концептуализации пространства и действия как в различных языках, так и в пределах английского языка, когда речь идет о синонимах. Лингвистическая «кодировка» действия, по нашему предположению, может вскрыть высокую топологическую вариативность пространства и объектов в нем. Напомним, что одним из важнейших типологических различий языков является их разделение на сателлитно-ориентированные и глагольно-ориентированные в зависимости от способа выражения траектории движения объекта: в глаголе или вне его (т. е. посредством частицы) [9]. Современный английский язык относится к сателлитно-ориентированным языкам.

При описании ФГ действия мы предлагаем пользоваться концептуальной схемой или фреймом, заимствованным у Л. Тэлми, который еще в 1975 году использовал термин «ситуация движения» (или

«событие движения»), которое может быть представлено шестью основными слотами фрейма движения. Мы называем такое явление «action event» («событийная ситуация»), условливаясь о том, что движение рассматривается нами как частное проявление действия. Тогда глагольную «драму» можно представить с помощью следующих шести слотов фрейма или, продолжая метафору «глагольной драмы», «действующих лиц»: субъект действия (тот, кто его совершает), в иных терминах – фигура; объект, на который направлено действие, в иных терминах – ориентир (фон или точка отсчета); траектория; само действие; способ его совершения; каузатор действия [9].

Как действие в спектакле, реальное наполнение данных слотов (ролей) различается по объему информации, характеру детализации признаков, наличию коннотации, необходимостью привлечения специфических когнитивных знаний для правильной интерпретации события. Еще одним важным параметром ситуации действия является так называемая активная зона, т. е. та часть сцены, или пространства, которая непосредственно вовлечена в действие и находится в фокусе внимания. Активирование зоны происходит посредством смещения фокуса, например в глаголе *bubble over (the edge of the glass)* в активной зоне находится край стакана с напитком, а частица по-прежнему сохраняет свое «дугообразное» прототипическое значение [7].

Процедура концептуального моделирования, которая применяется в настоящем исследовании, представляет собой обобщение функциональных свойств ФГ путем анализа их дефиниций, наблюдения над их употреблением в дискурсе и инферирования когнитивных знаний о ситуациях, описываемых глаголами. Данная информация сводится в концептуальные структуры, служащие своего рода слотами фрейма *действия*, с помощью которого представляется возможным провести диверсификацию близких по значению единиц номинации (ФГ).

Целью концептуального моделирования является выявление закономерностей номинативной деятельности носителей одного языка (в данном случае английского) в различных его вариантах и, видимо, в несколько отличающихся прагматических условиях. Если предположить, что близкие по значению фразовые глаголы представляют два способа описания одной событийной ситуации, объект и субъект действия (фон и фигура) помещены в одну референтную рамку с одинаковой позицией наблюдателя, то пространственные отношения и способы их описания будут различаться также с точки зрения

психологического распределения внимания – особой характеристики когнитивной системы человека (*windowing of attention* у Талми) [10].

Материалом исследования послужили 150 пар ФГ, выявленных на основе словарных данных и проверенных по корпусам (BNC, COCA). Данные пары проявили три разновидности структурных различий в двух вариантах английского языка. Третья, самая многочисленная, группа глаголов нами пока не рассматривалась по причине своей сложности. В процентном отношении они распределяются следующим образом:

- XX:XY **fill in** – **fill out** type – 19%,
- XX:YX **tick off** – **check off** type – 40%,
- XY:AB **beat off** – **ace out** type – 41%,

где буквами X, Y, A, B обозначены глаголы и частицы, соответственно.

Предварительная гипотеза в отношении соответствий первой и второй групп состояла в следующем: фигура (действие) определяет способ действия для ФГ XX:YX, в то время как характер концептуализации ориентира определяет траекторию для данного типа синонимичных ФГ. Например, в ФГ *order in* (*амер.*) в активной зоне находится контейнер (здание, дом, квартира), в который следует доставить заказ, например из ресторана, а в *order up* (*бр.*) – вертикальная ориентация здания (возможно, подразумевается некий этаж, куда снизу вверх, например из ресторана должны доставить заказ).

Нельзя недооценивать и разнообразие типов фигур действия, которые «по умолчанию» конкретизируют способ его исполнения (скажем, кенгуру прыгает не так, как блоха или давление) [12]. Главное различие проводится между реально существующими и нереальными фигурами, среди которых возможно дальнейшее деление на одушевленные и неодушевленные, взрослых и детей, людей и животных, явления природы (огонь, торнадо, электричество, небесные тела и пр.) Для анализа особенностей синонимии значений ФГ частотное использование того или иного типа фигур, устанавливаемое по корпусу, становится фактором, выявляющим возможные различия в прагматической ситуации, описываемой ФГ.

Анализ фрейма действия для группы ФГ с различными частицами (XX:XY) выявил две разновидности соответствий. Первая включает глаголы, описывающие схожие ситуации, но по-разному концептуализующие ориентир (например футбольное поле как поверхность

в *rain off* или как контейнер в *rain out*). Примером такого соответствия является также пара *top up* / *top off*. Остановимся на ней подробнее. Словарные определения данных ФГ почти идентичны (*top up*: BRITISH to fill a partly empty container with liquid: *I'll just top up the coffee pot* [8]; *top off*: fill a partly empty container with liquid: *I just want to top off the tank before we head into the desert* (=top up) [11]. Однако корпусные данные свидетельствуют и возможности развития метафорических значений завершения действия (по аналогии с *finish off*) у американского ФГ *top off*. В этом «повинна» частица, так как в активной зоне глагола с частицей *up* находится контейнер и увеличивающийся объем содержимого в нем, тогда как глаголы с *off* акцентируют потерю контакта и завершение действия [1]. Различия в способах концептуализации одинаковых прагматических ситуаций и в активной зоне свидетельствуют о важной роли частицы, которая способствует различному их «прочтению». Тем не менее детали репрезентации ситуаций находятся вне фокуса внимания говорящего, осознаются по умолчанию и не препятствуют высокой степени синонимии данной группы ФГ.

Вторая группа ФГ класса XX:XY обнаруживает не только разный способ концептуализации ориентира, но и более сложный эффект влияния частицы на семантику глагола. В паре *scrape through* (BrE) – *scrape by* (AmE) различная концептуализация ориентира (как препятствия, физического – *forest* или метафорического – *hardships*, или как предмета, мимо которого надлежит пробраться, чтобы достичь цели) несколько меняет и коннотативную окраску глагола. Примечателен пример: *While many restaurant chains have been able to scrape by through difficult economic times, independent restaurants like those run by Mr. Stephens have* [5], в котором встречаются эти частицы. Оба глагола выражают идею «выживаемости», но различными способами. Поэтому можно говорить о различных способах концептуализации действия: как преодоление трудностей или как прохождение мимо них. Такой тип синонимии мы назвали коннотативно окрашенной, степень близости глаголов ниже, прагматические ситуации, описываемые ими, разнятся в большей степени.

Анализ фрейма действия ФГ с различными глаголами и идентичными частицами (XX:YX) привел к разграничению четырех групп соответствий. Эти глаголы отличаются по способу и детализации репрезентации действия. В первой группе наблюдается равновесное положение близких по значению глаголов (*flick on* – *flip on*; *wash out* –

rain out; ring round (around) – call around). Во второй группе один из ФГ (обычно британский) обладает более общим или широким значением (*fuel up – gas up; tidy up – pick up; be beered up – be liquored up; be bunged up – be stopped up; specialize in – major in*). Третья группа объединяет глаголы, отличающиеся по инструменту, способу, причине выполнения действия (*burst on – flash on; sneak on – tattle on; wind up – roll up; tick off – check off; bash up – bang up*). Четвертую образуют так называемые кластеры синонимов, один из которых имеет более общее и нейтральное значение (*glance through, thumb through, leaf through, flick through, flip through* и *page through*).

В данной группе синонимичных глаголов выявляется различная степень специфичности действия, зависящая, в частности, от свойств фигуры; различная степень частотности употребления; различная степень предрасположенности к развитию переносных значений. Важно, что способ выполнения действия у этих глаголов зависит не только от свойств фигуры, т. е. субъекта действия, но и в большой степени и от свойств ориентира. Так, *page / thumb through* (*пролистнуть*) можно только печатное издание, а *flip / flick through* (*просмотреть*) можно и каналы телевидения, и документ на электронном носителе.

В результате предварительного анализа американского и британского вариантов ФГ, отобранных на основе словарных данных и верифицированных с помощью корпусов современного английского языка (BNC, COCA), нами выявлены следующие закономерности:

- во фрейме действия и фигура, и ориентир определяют способ выполнения действия во ФГ с различной глагольной основой;
- во ФГ с различными частицами характер концептуализации «активной зоны» определяет особенности действия и может способствовать возникновению дополнительных коннотаций у глагола;
- фрейм действия следует рассматривать как гибкую структуру, в которой в ходе смещения фокуса в игру вступают различные «исполнители» (слоты фрейма).

Выделенные на основе словарного материала пары глаголов нуждаются в дальнейшем исследовании с привлечением более обширных корпусных данных. Проведенный предварительный анализ выявил, что большинство «британских» глаголов активно используются американцами, поэтому возникает вопрос о наличии специфически британских фразовых глаголов. Аргументы за и против наличия устойчивых трансатлантических отличий среди ФГ можно искать, исследуя репрезентативные и сбалансированные корпуса. Если же такие отличия не будут доказаны, то исследовательская проблема будет связана

с изучением особенностей синонимии ФГ в современном английском языке в целом.

Таким образом, параллельно функционирующие ФГ отличаются друг от друга следующими характеристиками: ширитой значения; наличием специфических коннотаций; частотностью употребления в двух вариантах английского языка; степенью образности и различной динамикой значения ФГ, обусловленной значением глагола, частицей входящего в его состав, а также законом экономии в языке, требующим дифференциации значения синонимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдевич Н. В.* Когнитивно-дискурсивные особенности многозначных фразовых глаголов в современном английском языке (на материале фразовых глаголов действия с частицами on/off): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 24 с.
2. Британский национальный корпус BNC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> или <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/> (BNC)
3. *Кубрякова Е. С.* Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 84–90.
4. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
5. Corpus of Contemporary American English: 425 million words, 1990–present (COCA). – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (COCA)
6. *Edmonds P.* Semantic Representativeness of Near Synonyms for Automatic Lexical Choice. – Toronto: University of Toronto, 1999. – P. 3–5.
7. *Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – Vol. I. – 540 p.
8. Longman Phrasal Verbs Dictionary. – Harlow: Pearson Education Limited, 2000. – 609 p. (LPVD)
9. *Talmy L.* Semantics and Syntax of Motion // Syntax and Semantics. – New York–San Francisco–London: Academic Press, Inc., 1975. – Vol. 4. – P. 108–139.
10. *Talmy L.* Towards a Cognitive Semantics. – Cambridge: MIT Press, 2000. – Vol. 1. Conceptual Structuring Systems. – 565 p.
11. The Macmillan Phrasal Verbs Plus / M. Rundell (Ed). – Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2005. – 522 p. (MPVD)
12. *Pourcel S.* Motion: a Conceptual Typology // Language, Cognition and Space. – V. Evans and P. Chilton (Eds.). – London–Oakville: Equinox, 2010. – P. 419–449.

УДК 81'221.24

И. А. Гусейнова

доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка переводческого факультета МГЛУ; e-mail: ginnap@mail.ru

ФУНКЦИИ РУССКОГО ВИЗУАЛЬНО-ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются современные лингвистические аспекты русского визуально-жестового языка, анализируются дискурсивный и семиотический подходы к его изучению. Автор предпринимает попытку выделить и описать основные функции визуально-жестового языка – номинативную, экспрессивную, прагматическую, когнитивную, креативную, интерлингвистическую, этологическую, имеющие применительно к русскому жестовому языку свою специфику и толкование.

Ключевые слова: русский жестовый язык; визуально-жестовый язык; дискурс; семиотика; знак-изображение; функции визуально-жестового языка.

Guseynova I. A.

Ph. D., Associate Professor Chair of the German Language Interpreters' and Translators' Dept, MSLU; e-mail: ginnap@mail.ru

FUNCTIONS OF THE RUSSIAN SIGN LANGUAGE

The article considers contemporary linguistic aspects of the Russian sign language and develops the discursive and the semiotic approaches to its study. An attempt is made to single out and to define the main functions of sign language, which are nominative, expressive, pragmatic, cognitive, creative, interlinguistic and ethological, and all of which acquire certain specific features and interpretations when applied to the Russian sign language.

Key words: the Russian sign language; sign language; discourse; semiotics; iconic signs; functions of sign language.

Русский визуально-жестовый язык постепенно превращается в самостоятельный объект изучения современной лингвистики. Его изучение в парадигмах современного научного знания предполагает обработку «статистическим анализом большого объема эмпирически наблюдаемых языковых фактов» [5, с. 9]. Применительно к визуально-жестовому языку это не всегда представляется возможным в силу специфики осуществления жестовой коммуникации. Тем не менее насыщение виртуального пространства глоссариями по жестовым языкам (американскому, австралийскому, немецкому и др.), инновационными пособиями, направленными на обучение русскому жестовому языку, видеолекциями и вебинарами, отражающими лингводидактическую

специфику обучения жестовому языку позволяет сделать некоторые обобщения и выводы, релевантные для дальнейшего изучения русского визуально-жестового языка.

В настоящий момент уже наметились две основные тенденции, определяющие вектор формирования методологических баз, релевантных для исследования визуально-жестового языка.

Первый подход является дискурсивным и предполагает исследование функционирования русского визуально-жестового языка в коммуникации, а также анализ дискурсивных стратегий, обеспечивающих осуществление межкультурного взаимодействия с применением жестового языка. Данный подход представляется нам чрезвычайно продуктивным, так как «исследуя стратегичность разговорного дискурса, представляется целесообразным выявить прототипическую, идеальную модель беседы, в рамках которой реализуется та или иная стратегия» [3, с. 58]. Указанное положение применимо и к русскому жестовому языку, так как позволяет структурировать дискурсивное пространство и оформить жестовую коммуникацию в соответствии с конвенциями, разделяемыми всеми участниками этого вида общения. Одновременно следует выделить и противоположную тенденцию: «В отличие от институционального дискурса, частный дискурс (то есть дискурс, порождаемый в бытовом общении), с его спонтанностью и непредсказуемостью, поддается технологизации значительно труднее» [3, с. 67]. В этом случае нам представляется целесообразным применение, помимо дискурсивного, также и семиотического подхода. Поэтому второй подход можно определить как семиотический, предполагающий изучение разновидностей знаков, используемых в жестовой коммуникации с целью определения тех из них, которые смогут в дальнейшем служить развитию русского жестового языка.

Напомним, что в качестве основных положений семиотической теории жестового языка выносятся семь пунктов, которые включают следующие идеи:

1) жестовый язык является одним из способов реализации коммуникативной деятельности в особых условиях – с использованием **визуально-жестового (семиотического) кода**;

2) жестовый язык функционирует благодаря лингвистическому инвентарю семиотики, прежде всего **знаку-изображению**, который носит конвенциональный характер и обеспечивает **стабильность жестового языка**, в то время как его **динамическому развитию**

способствует использованию других разновидностей семиотических знаков, например иконических знаков, знаков-индексов и знаков-символов;

3) жестовый язык можно рассматривать в качестве **специфической формы реализации межкультурной коммуникации**, т.е. как компонент межкультурного (социокультурного) взаимодействия, при помощи которого возможна реализация медиативной (посреднической) функции, реализуемой через визуально-жестовый код и, соответственно, через различные уровни сознания, актуализируемые через различные типы ментальных операций и процедур;

4) жестовый язык как способ социокультурного взаимодействия в разновидностях институционального дискурса способствует его становлению в качестве **особой формы существования национального языка**;

5) семиотический потенциал визуально-жестовых языков позволяет **визуализировать** (vs. «вербализовать») эмоции;

6) знак-изображение служит не только экспликации эмоциональности, но и содержит **коммуникативное движение**, обеспечивающее прагматическое и эмоциональное воздействие на адресата – участника коммуникации.

7) знак-изображение (иконический знак), обеспечивающей в большой мере функционирование визуально-жестовых языков, служит **одновременной передаче эмоциональной и рациональной составляющих**.

Отметим, что в современном научном дискурсе используются два термина для обозначения данной разновидности языка – «жестовый язык» и «визуально-жестовый язык», применение которых отражает предпочтения исследователей – их обращение к дискурсивному или семиотическому подходам. Подчеркнем, что оба подхода взаимно дополняют друг друга: это обстоятельство свидетельствует о малоизученности визуально-жестового языка, с одной стороны, и о поиске междисциплинарных методологических основ русского жестового языка – с другой. В контексте вышесказанного и на данном этапе исследования оба термина можно рассматривать в качестве синонимов.

В научной среде и сегодня ведутся дискуссии о происхождении естественного языка. В настоящий момент можно выделить два основных подхода: одни ученые полагают, что первым возник устный язык, лишь затем появилась его письменная форма; другие считают,

что человек изначально предпринимал попытки письменной фиксации событий и явлений, которые в дальнейшем приобрели звуковую форму. Существование двух противоположных взглядов на язык обусловлено тем, что язык является способом объединения «когнитивной, семантической и фонологической форм, релевантный как для звукового, так и для жестового языка» [6, с. 37]. Т. В. Черниговская справедливо отмечает, что «когнитивная база, развившаяся в жестовом языке и его «письменной» форме, и стала основой для звукового языка... Эволюция первых символических систем свидетельствует о нарастающей потребности (и возможности) семиотического дублирования физического мира людьми. Это первые попытки человечества систематизировать их и находить способы выражать отношения между объектами» [6, с. 138]. Таким образом, можно утверждать, что визуально-жестовый язык обладает когнитивными основаниями, объективация которых осуществляется при помощи семиотического кода, прежде всего при помощи знака-изображения.

В одном из своих программных выступлений К. М. Ирисханова подчеркнула, что «в Российской Федерации русский жестовый язык не имеет правового статуса, в отличие от многих государств, где национальный жестовый язык получил статус национального наравне с вербальным (США, Финляндия, Германия, Франция и т. д.)» [1, с. 274–275]. Для преодоления сложившихся экстралингвистических обстоятельств необходимо дальнейшее усиление лингвистических позиций русского визуально-жестового языка. В свете вышесказанного нам представляется целесообразным осветить вопрос о *функциях* визуально-жестового языка. Итак, попытка выделить и описать функции русского визуально-жестового языка с опорой на функции вербального языка, описанные в отечественной и зарубежной предметно-специальной литературе, представляется нам назревшей и весьма актуальной.

Принято считать, что естественный вербальный язык выполняет различные функции – коммуникативную, когнитивную (познавательную), кумулятивную и др. Современные исследователи выделяют от десяти до тринадцати функций естественного языка [2], которые свидетельствуют о роли и значимости человеческого языка для различных национально-культурных сообществ. Применительно к русскому визуально-жестовому языку нам представляется важным прежде всего определить факторы, оказывающие влияние на функции любого естественного языка.

Во-первых, существенным является тот факт, что в человеческом языке используются различные семиотические коды. Вслед за А. К. Киклевичем, мы полагаем, что «каждая усвоенная лексическая единица означает квант информации о мире» [2, с. 74]. Применительно к визуально-жестовому языку можно утверждать, что каждый *жест* означает определенный квант информации о мире.

Во-вторых, в визуально-жестовой коммуникации участвуют слабослышащие / глухие, обладающие эмоциональной и рациональной когнитивными системами, что предполагает у них наличие разных видов знаний – знаний о мире, языке и пользовании языком. Объем знаний может варьировать, однако это обстоятельство не препятствует реализации визуально-жестовой коммуникации – обмену и передаче информации, а также ее пониманию и интерпретации основных и даже завуалированных смыслов.

В-третьих, слабослышащие/глухие формируют социальную группу, нуждающуюся в дополнительной социальной поддержке, что создает институциональный аспект взаимодействия между слабослышащими людьми и социальными работниками, между глухими и различными социальными институтами.

В-четвертых, слабослышащие и глухие являются членами того или иного этносоциума, что предполагает их интеграцию в материально-духовную, профессиональную, культурную, социальную и иную среду.

Итак, русский визуально-жестовый язык зависит от следующих факторов: 1) от коммуникативно-прагматических условий взаимодействия; 2) от социокультурных параметров участников визуально-жестовой коммуникации; 3) от когнитивного фонда участников социокультурного взаимодействия; 4) от типа общения – институционального, бытового, профессионального и др.

Анализ визуально-жестового языка с позиций семиотики позволяет применить «принцип минимального действия: речь идет о компрессии формальных и структурных параметров речевых сообщений в условиях, когда значительная часть информации вытекает из контекста» [2, с. 22]. Иными словами, жестовый язык подлежит интерпретации и толкованию; за каждым жестом конвенциональным образом закреплено содержание, объем которого варьирует в зависимости от ситуации общения.

На основании вышесказанного нам представляется целесообразным выделить и описать основные функции русского визуально-жестового языка.

1. **Номинативная функция**, предполагающая передачу информации о мире. Безусловно, номинативная функция языка ассоциируется прежде всего со словом, однако в силу специфики жестового языка следует исходить из того, что номинативная функция реализуется при помощи *жеста*. Данный подход открывает перспективу создания жестовых глоссариев, используемых в различных коммуникативно-прагматических ситуациях. Именно указанная функция лежит в основе создания глоссариев нового типа – электронных, обеспечивающих «покадровую» фиксацию каждого элемента жеста, обеспечивающего впоследствии собственно коммуникативное движение.

2. **Экспрессивная функция**. Напомним, что экспрессивная функция служит передаче эмоций, суждений, мыслей и пр. Мы исходим из того, что слабослышащие / глухие, равно как и люди, не страдающие глухотой, обладают эмоциональной и рациональной когнитивной системами, обеспечивающими восприятие информации и ее интеллектуальную обработку. В результате оценки предметов и явлений окружающей действительности формируется отношение к данному явлению и событию. Знак-изображение, являющийся основным носителем информации в жестовой коммуникации, позволяет одновременную передачу эмоционального и интеллектуального содержания, что позволяет рассматривать его как особое средство передачи экспрессии.

3. **Прагматическая функция**. Предназначение данной функции заключается в том, чтобы оказать влияние на поведение партнеров по коммуникации. В известных нам семиотических теориях отмечается, что воздействие может осуществляться при помощи текста и изображения. В этом контексте знак-изображение является специфическим средством, позволяющим оказать влияние на участников коммуникации при помощи жеста.

4. **Когнитивная функция**. Данная функция ориентирована на то, чтобы обеспечить участникам коммуникации доступ к фонду знаний и ценностным системам, разделяемым всеми членами данного этносоциума. Конвенции, принятые в национально-культурном сообществе, конструируются преимущественно на системе концептов и на различных стереотипах. Наличие общего когнитивного фонда у участников визуально-жестовой коммуникации позволяет осуществление социокультурного взаимодействия, основанного на когнитивных процедурах оценки, анализа, вывода и интерпретации знаковых изображений, формирующих коммуникативное движение.

5. Креативная функция. Слабослышащие/глухие являются представителями национально-языкового сообщества, что предполагает их интеграцию в социальное пространство, пронизанное языковыми новациями. Обратимся, например, к лексическому составу молодежного жаргона, который, по мнению многих исследователей, включает следующие группы: «школяризмы, экзотизмы, англицизмы, цыганизмы, тюркизмы, зоонимы, эвфемизмы, библеизмы, варваризмы, топонимы, прецедентизмы» [4, с. 127]. Для передачи перечисленных языковых явлений участникам визуально-жестовой коммуникации необходимо расширять репертуар жестов, привлекать, помимо знаков-изображений, также символы, идеограммы, трехмерное изображение. Комбинирование различных видов знаков и привлечение компьютерно-опосредованных технологий обеспечивает осуществление креативной функции русского визуально-жестового языка.

6. Интерлингвистическая функция. Данная функция языка, по А. К. Киклевичу, «проявляется в виде конвергенции, т. е. сближения двух (или нескольких) языковых систем» [2, с. 77]. Напомним, что жесты выступают в комплексах, при этом один жест порождает другой: чем больше жестов, тем насыщеннее визуально-жестовая коммуникация. В данном случае можно утверждать, что знак-изображение является средством реализации интерлингвистической функции, обеспечивающим коммуникативное движение в процессе визуально-жестовой коммуникации. Ведь при ее реализации используются жесты, основанные на кинесике и окулесике, наполняющие дискурсивное пространство различными смыслами.

7. Этологическая функция. На наш взгляд, данная функция является ключевой для реализации визуально-жестовой коммуникации; ее нередко определяют в качестве эргономической или эвристической. В процессе ее реализации говорящий «организует дискурс, оптимизирует собственное поведение» [2, с. 72]. Наши некоторые наблюдения показывают, что для визуально-жестового языка характерно употребление широкозначных жестов, по аналогии с широкозначными словами (термин И. А. Семьиной). Напомним, что «широкозначность, или эврисемия, предполагает наличие слов с высокой степенью охвата различного количества предметов, явлений и т. п.» [5, с. 9]. В данном случае следует подчеркнуть, что эврисемия применима и к визуально-жестовому языку. Так, в специализированных электронных глоссариях по жестовым языкам дается «покадровое» описание жеста, трактовка отдельных элементов которого зависит от

коммуникативного движения и от контекста. Например, при передаче единиц специальной лексики средствами визуально-жестового языка нередко возникает недопонимание, требующее контекстного уточнения. Похожая проблема возникает при передаче абстрактных понятий, суть которых становится ясной только в дальнейшем, т. е. в широком либо, наоборот, в узком контексте.

В заключение подчеркнем, что визуально-жестовый язык выполняет различные функции, а его развитие в дискурсивном и семиотическом русле поддерживает его устойчивое функционирование в социальном и виртуальном видах пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ирисханова К. М.* Инновационные методики обучения переводчиков жестовых языков // Проблемы и перспективы интегрированного инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья: Материалы Всероссийского обучающего семинара «Нормативно-правовое обеспечение профессионального образования лиц с ограниченными возможностями здоровья», Красноярск, 23–25 ноября 2011 г. – Красноярск: Красноярский гос. торг.-эконом. ин-т, 2012. – С. 274–277.
2. *Киклевич А. К.* Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. – Харьков : Гуманитарный центр, 2014. – 444 с.
3. *Копылова Н. В.* Взаимодействие говорящих в беседе: переход от стратегий к технологиям // Технологизация дискурса в современном обществе: коллективная монография / под ред. С. Н. Плотниковой. – Иркутск: ЕАЛИ МГЛУ, 2011. – С. 44–88.
4. *Полехина Е. А.* Молодежный жаргон как объект лингвистического исследования // Вестник Волгогр. гос. ун-та. – Вып. № 1 (15). – Волгоград: ВолГУ, 2012. – С. 180–184.
5. *Сёмина И. А.* Когнитивно-функциональное описание широкозначных имен существительных. Антропонимы французского языка. – М. : Тезаурус, 2013. – 353 с.
6. *Черниговская Т. В.* Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 448 с.

УДК 81; 81'42

И. В. Зыкова

доктор филологических наук, ст. научный сотрудник Института языкознания РАН; e-mail: zykova_iv@mail.ru

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ДИСКУРСЕ: ТЕОРИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ¹

В статье рассматриваются возможности использования нескольких языковых корпусов при изучении проблемы фразеологического варьирования. Показано, что результаты исследований функционирования отдельных фразеологизмов в электронном корпусе литературных текстов и в сетевом корпусе различаются. Сопоставление и обобщение этих результатов расширяют представления о системно-функциональном потенциале фразеологизмов и дают основания для дальнейшего развития теории фразеологического варьирования.

Ключевые слова: фразеология; варьирование; дискурс; модификация; корпус.

Zykova I. V.

Ph. D., Senior Research Associate Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences e-mail: zykova_iv@mail.ru

THE SPECIFICS OF PHRASEOLOGISMS' FUNCTIONING IN DISCOURSE: THEORY IN THE LIGHT OF UP-DATED EMPIRICAL INFORMATION

The paper discusses some of the opportunities of using language corpora in research of phraseological variability. It shows that different results can be obtained while studying the specifics of phraseologisms' functioning according to two different corpora – the corpus of literary texts and the web corpus. The comparison and generalization of these results make it possible to get new facts about the systemic-functional potential of phraseologisms and to give renewed impetus to the development of the theory of phraseological variability.

Key words: phraseologism; variability; discourse; modifications; corpus.

1. Вводные замечания

Как известно, фразеологизмы являются значимыми конструктивными единицами дискурса и одними из эффективных средств достижения поставленной в нем прагматической цели. В связи с этим

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект №14-28-00130.

научный интерес к изучению дискурсивного поведения фразеологических знаков, особенностей их функционирования неуклонно растет. Исследования в этом направлении ведутся достаточно давно как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике [1; 3–6; 14; 21; 23; 24]. На основании результатов, получаемых в ходе изучения употребления фразеологизмов в разных языках, формируется одна из центральных теорий общей фразеологии – теория фразеологического варьирования.

В настоящее время особую роль в развитии теории фразеологического варьирования, в верификации ее основополагающих положений играет использование в ходе изучения дискурсивного поведения фразеологизмов обширных баз эмпирических данных, которыми являются корпуса текстов или корпуса национальных языков. Создание текстовых корпусов началось в 1960-е гг., однако широко доступными для изучения языкового материала они стали в конце XX – в начале XXI вв. В это время рядом ученых проводятся первые корпусные исследования фразеологизмов, которые сразу обнаружили продуктивность новых технологических возможностей изучения, в частности, такого ключевого свойства фразеологизмов, как устойчивость, представляющую собой краеугольный камень теории фразеологического варьирования [8; 19; 20; 22].

Введение в область исследования данных об употреблении фразеологизмов, которые ранее не были доступны для анализа, расширяет научные представления о том, насколько они устойчивы / изменчивы, во-первых, в системном плане, т. е. о том, какие (нормативные, стандартные) преобразования они могут иметь по мере исторического развития фразеологической подсистемы языка, а во-вторых, в узусном плане, т. е. о том, какие (девиантные, отличные от нормативных) преобразования они могут иметь в процессах их непосредственного использования в дискурсивных практиках. Новые эмпирические данные о свойственных фразеологическим знакам как системных, так и узусных преобразованиях вносят весомый вклад в дальнейшее развитие теории фразеологического варьирования.

В настоящей работе мы обращаемся к проблеме фразеологического варьирования и форм его отражения в корпусах текстов.

2. Фразеологическое варьирование с позиции корпусных данных

Необходимо отметить, что существующие корпуса текстов отличаются разным объемом и содержанием, обладают разными

возможностями поиска, анализа и обработки языковых данных. С учетом этого в рамках настоящей статьи мы обращаемся к двум разным корпусам и представляем результаты их исследования под рубриками «Case study I» и «Case study II», соответственно. Основная цель работы – раскрыть исследовательские возможности каждого корпуса при изучении проблемы фразеологического варьирования; показать как особенность, так и взаимодополняемость получаемых на их базе результатов и оценить релевантность для теории фразеологического варьирования выводов, сделанных на основе обобщения всех установленных фактов.

В связи с ограниченным объемом статьи наиболее полно, все-сторонне и детально результаты исследования возможно продемонстрировать на одном фразеологизме, например английском фразеологизме *to catch the drift*.

Отправной точкой в исследовании является сбор сведений об исследуемом фразеологизме из современных лексикографических источников и их анализ, позволяющий определить особенности его системного (нормативного) варьирования на современном этапе развития фразеологии. Результаты этого начального этапа работы представим под рубрикой «Case study ©».

Case study ©

Английский фразеологизм *to catch the drift* был обнаружен нами в 10 англоязычных толковых и фразеологических словарях, в которых он имеет довольно близкие трактовки, например: ‘to let the listener know that you are trying to say something indirectly’ [15]; ‘to understand the general meaning of what someone is saying’ [16]; ‘to understand the basic meaning’ [17].

Анализ лексикографической информации показал, что особенность системного (или нормативного) варьирования фразеологизма *to catch the drift* состоит прежде всего в возможности замены в его составе: 1) компонента *catch* на компоненты *get* и *follow* (например *to catch/get the drift*); 2) компонента *the* на компонент *someone’s* (например *to catch the / someone’s drift*). Кроме того специфика системного варьирования рассматриваемого фразеологизма определяется возможностью расширения его компонентного состава до фразового варианта *if you catch/get my drift* [10; 12; 15; 18] или, как указывается только

в одном из словарей, за счет приращения компонентов *of something*, в результате которого он обретает форму *to get the drift of something* [18].

На основании сведений, представленных в 10 лексикографических источниках, часть из которых является словарями американских идиом, можно сделать вывод о специфике системного варьирования фразеологизма *to catch the drift* в двух вариантах английского языка (британском и американском). Как было обнаружено, главная особенность заключается в том, что для американского варианта английского языка в большей степени характерным в составе рассматриваемого фразеологизма является компонент *get*, а не компонент *catch* [7; 11; 18]. Возможность замены компонента *catch* на компонент *follow* фиксируется только в одном словаре [16], что свидетельствует о низкой частотности употребления такого варианта исходной идиомы, как *to follow the drift*, и в британском, и в американском вариантах английского языка.

Существенным также представляется и содержащееся в нескольких словарях указание на принадлежность английского фразеологизма *to catch the drift* к неформальному регистру коммуникации [10; 12; 15]. Отсутствие пометы о коммуникативном регистре в остальных словарях позволяет отнести его к нейтральной лексике.

Далее, опираясь на полученные сведения об особенностях системного (или нормативного) варьирования фразеологизма *to catch the drift* на современном этапе развития английского языка, перейдем к описанию результатов исследования его функционирования в двух разных корпусах текстов.

Case study I

Как известно, значительное влияние на формирование и развитие фразеологической подсистемы языка оказывают выдающиеся литературные деятели (см., например [2]). В связи с этим весьма существенным представляется изучение особенностей функционирования фразеологизмов в художественном дискурсе. Данный факт обуславливает наше обращение в первую очередь к электронному корпусу текстов «English and American Literature» (EAL) [13]. Вкратце остановимся на его содержании, объеме и поисковых возможностях.

Электронный корпус EAL представляет собой электронное собрание художественных произведений 95 известных британских

и американских писателей и поэтов конца XIV – начала XX в. (Дж. Чосер, У. Шекспир, С. Джонсон, Дж. Китс, Э. По, Ш. и Э. Бронте, М. Твен, Дж. Лондон и др.). В корпусе содержатся литературные (прозаические и поэтические) сочинения самых разных жанров или видов (повесть, рассказ, роман, эссе, пьеса, автобиография, поэма, стихотворение и др.). Общий объем этого корпуса составляет 172 тыс. страниц текстов, оцифрованных по авторитетным академическим изданиям в полном соответствии с нумерацией страниц бумажных изданий. В нем можно осуществлять полнотекстовый поиск по ключевым словам, сложный поиск по категориям текста, тематический поиск с учетом словоформ. Таким образом, корпус EAL служит весьма репрезентативным источником данных для изучения специфики функционирования английских фразеологизмов на протяжении определенного исторического периода развития английского языка.

Использование EAL при изучении особенностей употребления английского фразеологизма *to catch the drift* позволило получить новые сведения о его функционировании и варьировании.

Во всем массиве корпусных данных было обнаружено всего 64 употребления фразеологического выражения типа *V + drift*, из которых только в шести случаях в составе этого выражения используется компонент *to catch*, например:

She seemed to catch the drift of his statement, and then she drew away (D. Lawrence).

В результате анализа было выявлено 14 альтернативных глагольных компонентов с разной частотностью их употребления (по убыванию числа употреблений, приводимого в скобках): *perceive* (20), *(mis)understand* (8), *know* (7), *see* (7), *catch* (6), *comprehend* (4), *get* (3), *tell* (2), *detect* (1), *follow* (1), *show* (1), *apprehend* (1), *miss* (1), *turn* (1), например:

Hortense <...> did not yet quite comprehend the drift of the discourse (Ch. Brontë).

Примечательно, что компонент *perceive* характеризуется не только наибольшей частотностью его использования, но и наиболее ранним по сравнению с другими компонентами временем употребления в дискурсе в составе рассматриваемого фразеологизма. Было

установлено, что в качестве компонента фразеологического выражения оно встречается уже в 1596 г. в эпической поэме британского поэта Э. Спенсера (старшего современника У. Шекспира) «The Faerie Queene»:

Much did he maruell at her vncouth speech,
Whose hidden drift he could not well perceiue <...> [13].

Кроме того, полученные корпусные данные позволяют выделить наиболее и наименее частотные варианты форм исследуемого фразеологизма. Так, наиболее частотной оказывается форма *V someone's drift*, например:

I think I *see your drift*; and if I do *see your drift*, it's my 'pinion that you're a comin' it a great deal too strong <...> (*Ch. Dickens*).

Менее частотной является форма *V the drift of something*, например:

<...> so that I was obliged to give up all attempt at translation; neither did I follow the drift of his argument (*S. Butler II*) [13].

Важно отметить, что в результате исследования не было обнаружено случаев использования рассматриваемого фразеологизма в таких типичных для современного английского языка формах, как *V the drift* и *if you V my drift*.

Особого внимания заслуживает также и выявленный факт разного рода модификаций, свойственных исследуемому фразеологизму в ходе создания различных видов прозаических и поэтических произведений. Модифицированные варианты создаются посредством нескольких способов, часто используемых одновременно. Модификация осуществляется посредством встраивания новых компонентов или их пост- и препозиционного добавления, а также за счет изменения порядка расположения компонентов или их дистантного размещения по отношению друг к другу, например:

I have said enough to show the *general drift* of the arguments... (*S. Butler II*).

The Lord Keeper now saw the *full drift* of *his friend's* argument (*W. Scott*).

...and abundance of such *things*, which I poor Fool *did not understand the drift of*... (*D. Defoe*) [13].

Таким образом, с учетом полученных сведений можно заключить, что в художественном дискурсе XIV – начала XX в. основным вариантом фразеологизма является *to perceive someone's drift* (а не *to catch the drift*).

Репрезентативность используемого корпуса и проведенный на его основе анализ позволяют говорить о наличии у этого английского фразеологизма как системных (или нормативных), так и узусных (или девиантных, ненормативных) видов преобразований. К системным (нормативным) следует, по-видимому, отнести такой вариант его формы, как *to perceive the drift of something*, и такие более вероятностные замены его глагольного компонента, как *understand, see, know, catch*. К узусным (ненормативным) вариантам следует отнести весьма малочисленные замены его глагольного компонента на глаголы *comprehend, get, tell, detect, follow, show, apprehend, miss, turn*, а также все авторские модификации, осуществляемые посредством различных способов и в разном объеме.

Значительный интерес для изучения специфики функционирования фразеологизмов представляет также *сетевой дискурс* – совсем иная по сравнению с художественным дискурсом среда их использования. Обращение к сетевому дискурсу имеет свои преимущества. Оно позволяет не только «переключиться» на иного пользователя языка (с выдающегося писателя (поэта, литератора) к массовому, анонимному или среднестатистическому носителю языка, представляющему собой «качественно иного», виртуального, коммуниканта), изменить коммуникативный регистр с формального на неформальный, но и охватить иные временные границы употребления фразеологизмов, получить возможность непосредственного наблюдения за их дискурсивным поведением в режиме реального времени. Соответственно, вторым корпусом, используемым в нашем исследовании, является один из сетевых корпусов английского языка – «Birmingham Blog Corpus» (BBCor).

Case study II

«Birmingham Blog Corpus» [9] представляет собой тексты (сообщения и комментарии) разной тематической направленности, размещенные в блогах с 1998 по 2010 г. Общий объем данного корпуса составляет более 630 млн слов. BBCor имеет разнообразные поисковые возможности (searching), характеризуется разными опциями

подачи или визуального представления (*display information*) результатов поискового запроса и способами их последующей аналитической обработки, подробно описанные на сайте корпуса [9]. Анализ специфики функционирования английского фразеологизма *to catch the drift* на базе данного корпуса позволил получить следующие результаты.

В ходе исследования было установлено около 700 употреблений фразеологического выражения типа *V + drift* в блоговых сообщениях и комментариях, из которых в приблизительно 200 случаях в его составе используется глагол *to catch*, например:

Not *catching his drift*, Kale says he's not going anywhere (technorati; October 2010) [9].

Фактически во всех остальных случаях (более 470 результатов поиска) в качестве глагольного компонента выступает глагол *to get*, например:

Oh well, you *get my drift*, right? (bwp, posts; November 2010) [9].

Были также обнаружены крайне малочисленные (или даже единичные) случаи использования рассматриваемого фразеологизма с глаголами *follow*, *see*, *understand* и *know*, например:

While the reader of this review probably *sees the drift* of my final assessment <...> (bwp, posts; December 2007) [9].

Примечательно, что в сетевом дискурсе первых десяти лет XXI в., представленном блоговыми текстами, не было выявлено ни одного употребления исследуемого фразеологизма с глаголом *to perceive*, отличающего относительно высокой (по сравнению с другими глагольными компонентами) частотностью в художественном дискурсе прошлых столетий.

Особого внимания заслуживают и наиболее типичные формы употребления фразеологического выражения *V + drift* в сетевом дискурсе, которые, как показал анализ, могут отличаться в зависимости от того, какой вариант глагольного компонента (*catch* или *get*) входит в состав этого фразеологизма.

Как было обнаружено, с глаголом *to catch* наиболее частотной является такая форма, как *if you catch my drift*, например:

They are not exactly family-friendly, *if you catch my drift* (bwp, posts; August 2010) [9].

Вдвое меньшей распространенностью характеризуется его использование в форме *to catch someone's drift*, например:

I am not sure I know what a Lunchable is but I *catch your drift!* (*bswp, comments; May 2010*) [9].

И буквально единичными являются случаи функционирования этого варианта фразеологизма в формах *to catch the drift* и *to catch the drift of something*, например:

Oh – *catching the drift of your last statement...* (*bswp, comments; October 2010*) [9].

Для подавляющего же числа употреблений рассматриваемого фразеологизма с глаголом *to get* характерна, напротив, такая его форма, как *to get someone's drift*, например:

I didn't quite catch the last word, but I get your drift (*bswp, comments; January 2008*) [9].

Меньшей частотностью и небольшой количественной разницей отличаются его употребления в формах *if you get my drift* и *to get the drift*, например:

Faustian, I don't confuse perfectly controlled with perfectly orderly, *if you get my drift* (*gbs, GBSPolitics; December 2010*) [9].

Весьма малочисленными являются случаи использования данного варианта рассматриваемого фразеологизма в форме *to get the drift of something*, например:

I did *get the drift of it*, though! (*gbs, GBSTopStories; December 2010*) [9].

Проведенный анализ корпусных данных показал, что в блоговых текстах можно обнаружить весьма незначительные по числу и объему, а также разнообразию способов модификации рассматриваемые английские фразеологизмы. Модифицированные варианты главным образом создаются посредством встраивания новых компонентов (обычно одного) в базовую форму фразеологизма или их пре- или постпозиционного добавления (или «приращения»), например:

If you get my *cryptic drift* LOL (*bswp, comments; October 2010*) [9].

But yes, I *definitely* get you drift (*bswp, comments; May 2009*) [9].

Таким образом, согласно сведениям, полученным на базе сетевого корпуса BBSor, можно сделать вывод, что в блоговой среде в период с 1998 по 2010 гг. функционирования рассматриваемого английского фразеологизма, основным вариантом употребления является *to get someone's drift* (а не *to catch the drift*). Анализ всех случаев его варьирования в этом типе / сегменте сетевого дискурса позволяет увидеть определенные тенденции в отношении формирования тех преобразований, которые можно считать системными (или нормативными) и узусными (или ненормативные). К системным можно отнести следующие варианты его формы и варианты изменения его компонентного состава: *if you get my drift* и *to get the drift*, а также *if you catch my drift* и *to catch someone's drift*. Все остальные случаи замены глагольных компонентов, вариантов форм и авторские модификации можно квалифицировать как узусные.

3. Сопоставление и интерпретация полученных результатов

При сопоставлении полученных результатов особой значимостью обладают отличия, свидетельствующие о специфике функционирования английского фразеологизма *to catch the drift* в разных (художественном и сетевом) типах дискурса и в разных хронологических периодах и позволяющие судить о динамике его формирования как единицы языковой системы. Эти отличия касаются частотности употребления исследуемого фразеологизма в корпусах EAL и BBSor, его функционирования в определенном компонентном составе, наиболее распространенной формы его использования, объема и способов модификаций.

Исходя из количества употреблений, выявленных в двух корпусах, можно констатировать меньшую встречаемость фразеологического выражения типа *V + drift* в художественном дискурсе конца XIV – начала XX в. по сравнению с его использованием в блог-дискурсе начала XXI в. При этом зафиксированная в качестве основной в современных словарях английского языка и рассматриваемая в нашем исследовании как исходная форма фразеологизма *to catch the drift* не является таковой (с учетом ее частотности) ни в художественном, ни в сетевом дискурсе. В художественном дискурсе наиболее распространенным оказывается вариант фразеологизма с глагольным компонентом *to perceive* и переменным компонентом *someone's*, формирующими форму *to perceive someone's drift*. В блог-дискурсе наиболее частотной является вариант фразеологизма с другим глагольным, но тем же

переменным компонентом, образующими форму *to get someone's drift*. Соответственно, для двух типов дискурса основными являются разные варианты исходного английского фразеологизма. При этом примечательно, что данные варианты отличаются разной степенью своей идиоматичности. Исходя из значения составляющих их компонентов, вариант фразеологизма *to perceive someone's drift* является менее идиоматичным, чем *to get someone's drift*. Дело в том, что употребление глагола мыслительной деятельности *to perceive* в составе фразеологизма способствует актуализации переносного значения компонента *drift* 'общий смысл'. *To perceive someone's drift* буквально читается как 'понимать чей-либо ход или направление движения мыслей (=общий смысл)'. Следовательно, целостное значение фразеологизма фактически выводится из совокупности значений его компонентов, что делает его достаточно «прозрачным». Использование же глагола физического действия *to get*, напротив, приводит к актуализации прямого значения компонента *drift* '(водный/воздушный) поток, (водное) течение, перемещение'. *To get someone's drift* буквально может прочитываться как 'оказываться/попадать в чей-либо (водный/воздушный) поток или в чье-либо (водное) течение'. Как видно, это выражение является менее «прозрачным», поскольку связь между его целостным значением и совокупностью значений его компонентов не является столь очевидной. Как представляется, данный факт имеет непосредственное отношение к созданию модификаций рассматриваемого фразеологизма в дискурсных практиках.

Как было обнаружено в художественном дискурсе функционирование *to perceive someone's drift*, в котором, кстати сказать, компонент *to perceive* может заменяться другими глаголами ментальной деятельности *to understand*, *to know*, *to comprehend*, отличается более существенными по объему и более разнообразными по способу модификациями, чем функционирование *to get someone's drift* в блог-дискурсе. На основании результатов данного исследования можно заключить, что это обусловлено, судя по всему, степенью идиоматичности этих двух вариантов. Чем выше степень идиоматичности, тем выше степень его устойчивости, и тем меньше он модифицируется в процессах построения дискурса.

Кроме того, использование в современном блог-общении варианта фразеологизма *to get someone's drift* как основного может рассматриваться также как свидетельство той роли, которую играет

американский вариант английского языка на современное развитие фразеологического фонда последнего.

Стоит особо отметить и выявленный в ходе исследования факт значительного увеличения числа реализаций рассматриваемого фразеологизма в блог-дискурсе в форме *if you get / catch my drift*, которая вообще не встречается в художественном дискурсе. Повышение значимости именно этой формы изучаемого английского фразеологизма в сетевом дискурсе объясняется, по-видимому, ее особой функциональной нагрузкой. С прагматической точки зрения, данная фраза представляет собой своего рода «запрос о понимании» или «проверку понимания» того, что сообщается одним участником коммуникации другому. Ее использование способствует повышению диалогичности блог-общения и степени его интерактивности и направлено на достижение коммуникативного успеха в режиме реального времени. Установленный факт прагматической значимости формы *if you get / catch my drift* в сетевом дискурсе, которая в ряде англоязычных исследований определяется как «чанк» (chunk), т. е. хранящаяся в памяти коммуниканта и легко (автоматически) извлекаемая из нее в процессе коммуникации «языковая несколькословная заготовка» (шаблон), а также факты крайне незначительных модификаций других вариантных форм рассматриваемого фразеологизма (*to catch the drift, to perceive the drift of something* и др.) в ходе блог-общения, дают выход в область целого ряда весьма актуальных вопросов. Это прежде всего вопросы о значительной роли устойчивых, идиоматичных, (регулярно) воспроизводимых языковых единиц, каковыми являются фразеологизмы, в формировании дискурсов неформальных (или полупоформальных) типов, а также о соотношении нормативного и ненормативного их употребления в разного рода дискурсах.

Отдельного внимания заслуживает и обнаруженное в ходе исследования употребление *to perceive someone's drift* в поэтическом произведении Э. Спенсера, датированное концом XVI в. и, возможно, являющееся первым или одним из первых его употреблений. Данная информация проясняет вопрос о возможном источнике и времени происхождения рассматриваемого фразеологизма.

4. Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что сведения об особенностях функционирования конкретного английского

фразеологизма, полученные на базе двух разных языковых корпусов, позволяют не только расширить или уточнить исходную картину системно-функциональных свойств фразеологизма *to catch the drift*, зафиксированную в современных лексикографических изданиях, но и изменить/скорректировать ее за счет дополнительных (новых) и более актуальных сведений о специфике его использования в двух разных (художественном и сетевом) типах дискурса в разные хронологические периоды. На примере рассмотрения даже одного фразеологизма становится очевидным, что установленные в ходе исследования факты являются равноценными и взаимодополняющими; они несут новое знание о динамике развития данного фразеологизма как знака языковой системы в диахронии, о его эффективности как средства межличностного общения в синхронии, расширяют представления о потенциале его системных и узусных преобразований.

Следует отметить, что выводы, сделанные в отношении одного английского фразеологизма, подтверждаются на более представительной выборке контекстов употребления других фразеологизмов английского языка. В итоге можно сделать общее заключение о важности учета корпусных данных при изучении проблемы варьирования фразеологизмов. Разные корпуса текстов, обладая возможностями различного измерения функционирования фразеологизмов, позволяют выявить новейшие тенденции их разнообразного использования в дискурсе разных типов, что открывает новые перспективы развития теории фразеологического варьирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архангельский В.Л.* Вариации лексического состава устойчивых фраз в русской фразеологии // Вопросы изучения русского языка. – Ростов-н/Д. : Ростовский гос. пед. ун-т, 1960. – С. 21–29.
2. *Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. – М. : Либроком, 2009. – 264 с.
3. *Гвоздарев Ю. А.* Вариантность фразеологических единиц в романе «Анна Каренина» // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. – Тула : Тульский гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1971. – С. 230–236.
4. *Жуков В. П.* О лексических вариантах фразеологизмов // Учене записки Гурьевского пединститута. – Вып. 2. – Уральск, 1962. – С. 53–68.
5. *Кунин А. В.* Вклинивание как лингвистическое явление // Иностранные языки в школе. – 1973. – Вып. 2. – С. 13–22.

6. *Телия В. Н.* Типы преобразований лексического состава идиом : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1968. – 22 с.
7. *American Heritage Dictionary of Idioms / Christine Ammer.* – US : Houghton Mifflin Harcourt, 2003. – 474 p.
8. *Barkema H.* The idiomatic, syntactic and collocational characteristics of received NPs: some basic statistics // *Hermes Journal of Linguistics.* – 1994. – № 13. – P. 19–40.
9. *Birmingham Blog Corpus.* – URL: <http://wse1.webcorp.org.uk/>
10. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary.* – UK : Cambridge University Press, 2003. – 1550 p.
11. *Cambridge Dictionary of American Idioms.* – NY : Cambridge University Press, 2003. – 1022 p.
12. *Cambridge International Dictionary of Idioms.* – UK : Cambridge University Press, 1999. – 588 p.
13. *English and American Literature.* – М. : ДиректМедиа Паблишинг, 2003. – страницы
14. *Gibbs R. W., Nayak N.* Psycholinguistic studies on the syntactic behavior of idioms // *Cognitive Psychology.* – 1989. – 21(1). – P. 100–138.
15. *A Guide to Idioms.* – London : Thomson, 2000. – 218 p.
16. *Longman Dictionary of Contemporary English.* – London : Pearson Education Limited, 2003. – 1950 p.
17. *Macmillan English Dictionary.* – URL: <http://www.macmillandictionaries.com>
18. *McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs.* – NY : The McGraw-Hill Companies, 2006. – 1098 p.
19. *Minugh D.* “You believe that, and I’ll throw in the Golden Gate for free”: Using corpora in search for the mother lode of idioms // *Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata.* – 2001. – № 2. – P. 243–256.
20. *Moon R.* Fixed expressions and idioms in English: a corpus-based approach. – Oxford : Clarendon Press, 1998. – 338 p.
21. *Newmeyer F. J.* The regularity of idiom behavior // *Lingua.* – 1974. – № 34. – P. 327–342.
22. *Nicolas T.* Semantics of idiom modification // *Idioms: Structural and psychological perspectives.* – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1995. – P. 233–252.
23. *Reagan R. T.* The syntax of English idioms: can the dog be put on? // *Journal of Psycholinguistic Research.* – 1987. – № 16(5). – P. 417–441.
24. *Veisbergs A.* The contextual use of idioms, wordplay, and translation // *Essays on Punning and Translation.* – Namur, 1997. – P. 155–176.

УДК 81.111'42

Е. Ю. Ильинова

доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии
Волгоградского гос. ун-та; e-mail: lemisch@rambler.ru

РИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ИРОНИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ¹

В статье рассматриваются особенности когнитивного стиля общения ироничной языковой личности, определяемого как прогнозируемое представление о коммуникативном поведении личности в плане текстопорождения. Ироничный стиль общения представлен риторическими приемами намеренного преувеличения или преуменьшения значимости события, создающими эффект антиреференции – аномальной языковой концептуализации фактов и событий мира реального с целью передачи негативного оценочного отношения к ним.

Ключевые слова: когнитивный стиль; языковая личность; ирония; риторический прием; антиреференция.

Ilyinova E. Yu.

Ph. D., Professor, Department of English Philology VolSU, Volgograd;
e-mail: lemisch@rambler.ru

ON RHETORICAL ASPECT OF IRONIC LANGUAGE PERSONALITY IN DISCOURSE

The paper looks at the rhetorical aspect of cognitive style associated with the ironical language personality. The cognitive style is defined as predicted communicative behavior with the aim to produce the text. The ironical style is presented in a set of rhetorical devices based on intentional exaggeration and understatement producing antireference slant that is described as abnormal conceptualization of facts and events transmitting negative assessment.

Key words: cognitive style; language personality; irony; rhetorical device; antireference.

Научные исследования в дискурсивной лингвистике строятся на пересечении нескольких областей знаний о языке, обществе, человеке, что открывает перспективы для переноса акцента с анализа языка и текста как иерархической системы на изучение подлинной коммуникации, состоящей из смысловых единств, представляющих

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, основной конкурс, проект № 15-04-00134 «Историческая дискурсология: проблемы, методология и перспективы развития».

собой и продукт, и объект целенаправленной коммуникативно-познавательной и социокультурной деятельности языковой личности [4; 8]. Актуальными сегодня видятся научные проекты, исследующие коммуникативно-прагматические свойства речи в контексте тех задач, которые решаются человеком в ходе речевой практики, разной по установкам, целям, условиям ее осуществления [9; 5; 12; 16], а также моделированию когнитивно-стилистических особенностей форм речевой деятельности [1; 2; 17]. При таком подходе речевые произведения рассматриваются как результат дискурсивной деятельности языковой личности, что позволяет верифицировать индивидуальные особенности коммуникативной компетенции их создателя, моделировать скрытые (латентные) процессы языкового сознания, составляющие своеобразие дискурсивного мышления человека [14]. Иными словами, речевой продукт выступает отражением (и выражением) особенностей дискурсивной практики языковой личности.

В качестве одного из объектов исследования дискурсивная лингвистика избирает коммуникативную компетенцию личности, предметом исследования становится рече-текстовая деятельность как способность человека к порождению и интерпретации речевых произведений в меняющихся социальных и культурных условиях. В данной статье предлагаются размышления автора о риторической составляющей дискурса языковой личности, которая определяется как «прогнозируемое представление о коммуникативном поведении личности в плане текстопорождения и текстовосприятия», зависящее не только от социального типажа, обуславливающего статусные и ролевые признаки дискурсивного поведения, прагмалингвистических обстоятельств общения, но и от узнаваемой манеры поведения, выраженной в коммуникативной тональности и предпочтениях в жанрово-стилистическом оформлении речи [7, с. 146]. Риторическая составляющая характеризует эмоционально-стилевого формата общения, определяя разновидность коммуникативного стиля общения.

В теории коммуникации к данному моменту сформировалось представление о стиле как манере общения, ценностно-ориентированных приемах реализации регистров речи, соотносимых с речемыслительной деятельностью по выбору формы коммуникативного поведения отдельного человека или группы людей, адекватной социопрагматическим условиям реальной коммуникации [13]. Под стилем общения понимают «индивидуальную стабильную форму

коммуникативного поведения человека, проявляющуюся в любых условиях взаимодействия – в деловых и личных отношениях, в избираемых приемах психологического влияния на людей, в методах разрешения межличностных и деловых конфликтов» [11, с. 422]. В рамках социо- и прагмалингвистической парадигмы в качестве объекта изучения выделяется терминологическое понятие «коммуникативный стиль», определяемое как «доминирующая манера общения, проявляющаяся в большинстве коммуникативных ситуаций» [15, с. 97]. При этом исследователи рассматривают речевые регистры, обобщенные модели вербального и невербального поведения в типовых коммуникативных ситуациях и их связь с социальным статусом, психотипом и психо-эмоциональным состоянием коммуникантов. В число стилевых особенностей речи предлагается включать интонационно-фонетические, лексические, фразеологические и синтаксические единицы, присущие определенному регистру речи [6], подчеркивается, что их вариативное сочетание отражает коммуникативные стили, характерные для разных сфер речевой практики.

Приведенное понимание коммуникативного стиля согласуется с идеями И. Р. Гальперина, который предлагал рассматривать стиль как подсистему языка, но отмечал связь между набором единиц языка с обстоятельствами речи и подчеркивал трудности, с которыми сталкивается исследователь при попытке провести систематизацию речевых явлений (ср. : *functional styles are subsystems of the language as a system ... they should be regarded as styles of speech, i. e. language-in-action forms, non-systematic in their essence* [3, с. 241]). Ученый предложил коммуникативно-ориентированное определение стиля – «a style of language is a system of interrelated language means which serves a definite aim in communication» [19, с. 18].

Осознавая многозначность рассматриваемого термина, отметим, что в данной работе принимается следующее определение *коммуникативного стиля* – «уместное для специфических ситуативных контекстов общения коммуникативное поведение, обеспечивающее достижение поставленных целей и удовлетворение потребностей, позволяющее человеку проявлять себя компетентным коммуникатором в рамках различных бытовых и институциональных дискурсов» [10, с. 168].

Представление о коммуникативном стиле развивается сегодня в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, предполагающего

моделирование стратегий речевого поведения. Отправной точкой моделирования, по мнению исследователей, может стать выявление «когнитивной программы формирования речевого продукта через смысловое содержание и способы передачи информации в определенных условиях коммуникации» [1, с. 52]. Отмечается, что именно стиливый параметр дискурсивной деятельности отражается в закономерностях выбора языковых средств разных уровней при создании текстов, соответствующих отдельным сферам общения и личным мотивам их создателей. Размышляя о моделировании когнитивных параметров стиля, Е.Г.Беляевская предлагает ряд концептуальных составляющих: модель адресата, модель автора речевого сообщения, функцию речевого произведения, прагматическую установку автора, а также включает способы передачи авторского сообщения реципиенту информации и характер соотносительности информации, представленной в тексте, с внеязыковой реальностью [1]. Поскольку две последние характеристики стиля общения представляют интерес для данного исследования, нацеленного на раскрытие риторической составляющей в дискурсивной практике ироничной языковой личности, обладающей особым когнитивным стилем порождения текста, остановимся на них.

Когнитивный стиль порождения текста, обусловленный индивидуальными предпочтениями ироничного автора, характеризуется определенным единообразием в выборе приемов отражения внеязыковой реальности с помощью композиционных структур, риторических приемов и языковых средств, отражающих особую разновидность коммуникативной компетенции языковой личности. Принято считать, что в индивидуальном стиле отдельного автора наблюдается вариативность особого рода и связана она с «частотностью выбора одних и тех же форм выражения при формировании речевых произведений» [1, с. 54]. Поддерживая указанную точку зрения, отметим, что речевые произведения ироничной языковой личности отличаются особым набором когнитивных стратегий репрезентации событий, ставших предметом сообщения автора в тексте. Любой текст, созданный человеком, отражает его личное мнение и характеризуется определенной долей субъективности, однако авторская версия текста ироничной языковой личности отличается особым когнитивным стилем изображения действительности.

Ироничный стиль общения рассматривается в данной работе как устоявшаяся в речевой практике динамическая модель коммуникативных действий, объединенных общей интенцией выражения критичного отношения к фактам и событиям реального мира посредством приема антиреференции – аномальной языковой концептуализацией фактов и событий мира реального с целью передачи негативного оценочного отношения к ним. Ироничный стиль относится к личностно-мотивированной когнитивно-дискурсивной разновидности речевой деятельности [7], в которой пересекаются два модуса коммуникации – серьезный (*bona fide*) и несерьезный (*non bona fide*) [18]. Их сочетание говорит о настрое личности на особую когнитивную стратегию выражения смысла – с помощью риторических приемов намеренного преувеличения и преуменьшения передать критичный взгляд на мир, поскольку ироничная личность, имея склонность к рациональности, стремится к аналитическому осмыслению любого события и выражению собственного мнения. Личностное критичное отношение проявляется в языковой игре, намеренных смысловых искажениях реальности, сигнализирующих о необходимости искать дополнительные, имплицитно выраженные смыслы.

Представление об иронии традиционно рассматривается в ряду других литературных приемов и фигур образной речи в риторике и стилистике художественных текстов, однако актуальным сегодня становится поиск единого когнитивно-дискурсивного механизма порождения и понимания ироничного смысла в условиях повседневной коммуникации. Представляется, что механизм иронии опирается на когнитивно-дискурсивные универсалии, объясняющие категориально-семантические и логические трансформации предикативной модели высказывания, приводящие к созданию ироничного смысла высказывания, и учитывает прагматические условия, уточняющие интенции обращения личности к ироничному стилю общения.

Глубинную интенцию порождения ироничного стиля общения составляет стремление коммуниканта уйти от серьезной тональности разговора и в насмешливой форме критически оценить факт или актуальное событие. На переключении между двумя модусами коммуникации – серьезном и несерьезном режимах (*bona fide / non bona fide*) – образуется некогерентная когнитивная структура, намеренно нарушающая логическую связность между представленной в форме

высказывания референтной ситуацией и ее негативной деонтической оценкой. Подобное когнитивно-дискурсивное образование отражает намерение говорящего с помощью сигналов игрового притворства имплицитно передать информацию о негативной оценке ситуации, т. е. дать свой негативный комментарий. Так, в следующем примере осознанию иронии способствует намеренное нарушение смысловой корреляции между позитивно-глорифицирующим описанием ситуации и логическим осмыслением ее социально-этической значимости:

Климат в Санкт-Петербурге настолько *благополучен*, настолько *часто он радуется солнцем*, что Северная столица превратилась в *велосипедный центр страны*. Во всяком случае, на бумаге. Что породило на той же бумаге инициативу сделать (наконец-то!) перехватывающие парковки для велосипедов и скутеров, существующих в городе в несметных количествах (А. Пукуленко, <http://sobesednik.ru/auto/20120827>).

Включение в благостное описание велосипедного рая пояснений (*во всяком случае, на бумаге, что породило на той же бумаге инициативу*) призвано передать сигнал о критичном отношении автора к описанной инициативе в Санкт-Петербурге. Далее автор развивает тему прожектерства городской администрации:

На бумаге красиво расписано, как *счастливые питейцы* будут массово ставить двухколесную технику под навесы, крепить спецустройствами от угона и, *звезя окоченелостями, эвакуироваться* в теплое метро. Что будет на самом деле, покажет время. Но мы догадываемся: будет «как всегда»...

Благостно-возвышенный стиль, избранный в первой части текста, во второй сменяется разговорным. Появляются логические перифразы ключевых слов текста *велосипед, скутер – двухколесная техника, спецустройства от угона*. Для представления возможных последствий инициативы автор предлагает ироничное окказиональное образование с несуществующей словоформой *звезя окоченелостями*, что показывает его критичное отношение к описанной ситуации.

Ироничный стиль общения основан на когнитивном механизме антиреференции: описываемая ситуация видится полностью изолированной от реальности, это «невозможная ситуация», выходящая за пределы логики. В отличие от стандартных предикатов, весьма точно передающих информацию о ситуации, в данном случае референтное притворство, создаваемое игрой серьезного и несерьезного,

уничтожает правдивость референции с целью указать на критичное мнение автора. Так создается антиреференция. Серьезность имеет смысл, если она оказывается реальностью. Ироничный смысл лишь маскируется под реальность, но автор делает это намеренно неумело, чтобы воспринимающий высказывание смог декодировать не-серьезную тональность. Мнимая референциальность оказывается игрой, разрушающей значения слов в ироничном контексте [18]. Так, в другом примере сигналами ироничной критики становятся фразы, образно описывающие технологический процесс укладки асфальта – реальный и фиктивный:

Ямочный ремонт по-русски. По технологии его не существует, а по смете – есть. Суть его в России в том, чтобы *кидать лопатой асфальт в любую лужу*, а в документах *рисовать эпическое полотно с выемкой грунта до земли, засыпкой щебня, укладкой новой песчаной подушки и только после этого раскатыванием нового слоя асфальта* (А. Пикуленко, <http://sobesednik.ru/auto/20120820>).

Вербальное представление иронии характеризуется разными формальными приемами и семантическими знаками, интерпретация которых основана на механизме антифразиса как способе сказать одно, имея в виду нечто противоположное, с целью передачи критической оценки явления, ситуации, отдельного объекта. Смешное описание при этом воспринимается несмешным. Сигналом ироничного отношения автора к ситуации может быть смысловое противостояние с элементами некогерентного сочетания смысла фраз, объединенных в одно высказывание:

Наш вариант привлекателен тем, что в *проигрыше* оказывается только одна категория потребителей – водители, а все остальные сильно *выигрывают*, особенно в деньгах.

В случае абсурдного высказывания, например при использовании афористических выражений, ироничное отношение передается с помощью оппозиционной игры смыслов, как в нижеследующих случаях, в которых высмеиваются серьезные проблемы современного общества и их последствия:

Самая *долгоиграющая автомобильная пробка* удалась самому большому народу на планете – китайцам. В 2010 они сумели простоять в ней 11 дней, установив рекорд на несколько десятилетий вперед.

Цивилизация добавляет человеку комфорта и снижает его выживаемость. Там, где проблема решается кнопкой «Enter», разум работает вяло и со временем атрофируется за ненужностью.

Приведенные комментарии не связаны с заменой знака оценки, однако и здесь для понимания также требуется активизация когнитивной стратегии антиреференции.

Итак, ироничный стиль общения относится к разновидности сложно моделируемого по тональности режима дискурса. Ироничная тональность проявляется в манере общения, основанной на переключении между серьезным и несерьезным модусами коммуникации. Он характерен для особого психотипа личности – личности, склонной к критическому восприятию действительности, к притворному отображению отрицательного в положительном виде, чтобы посредством абсурдной позитивной оценки осмеять и дискредитировать ее, обратить внимание на недостаток, заменив его в ироническом отображении признаком достоинства. Когнитивно-прагматический статус иронии выражен в ее конверсационной имплицатуре, когда не само высказывание означает нечто противоположное, а ироничная личность намеренно имплицитует нечто противоположное сказанному.

Как одна из прототипичных форм общения ироничная манера речи маркирована риторическими приемами создания иронии, к которым относятся: антифразис, высказывание, противоречащее здравому смыслу, нетривиальная лексическая сочетаемость, абсурдная ирония, гипербола, метафора, литота, игра слов, окказионализмы и морфологическая неологизация словоформ и др. Представляется, что для более полного изучения феномена ироничного стиля требуется выделение в научных целях отдельных сфер публичного и индивидуально-личностного общения и систематизация приемов порождения иронии с учетом когнитивных структур антиреференции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е. Г.* Когнитивная модель стиля и факторы, обуславливающие динамику стилей // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – М. : МГЛУ, 2012. – С. 51–63. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 5 (638). Сер. Языкознание).
2. *Волкова Я. С.* Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2014. – 430 с.

3. *Гальперин И. Р.* Избранные труды. – М. : Высшая школа, 2005. – 255 с.
4. *Дридзе Т. М.* Язык и социальная психология. – М. : Высшая школа, 1980. – 224 с.
5. *Ирисханова О. К.* Речевые акты уклонения: на стыке когнитологии и прагматики // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 684–693.
6. *Карасик В. И.* Языковая матрица культуры. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 418 с.
7. *Карасик В. И.* Языковое проявление личности. – Волгоград : Парадигма, 2014. – 450 с.
8. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
9. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
10. *Куликова Л. В.* Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме. – Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т., 2006. – 392 с.
11. *Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М.* Межличностное общение: учебник для вузов. – СПб. : Питер, 2001. – 544 с.
12. *Митягина В. А.* Социокультурные характеристики коммуникативного действия. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – 356 с.
13. *Наумов В. В.* Лингвистическая идентификация личности. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 240 с.
14. *Седов К. Ф.* Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.
15. *Стернин И. А.* К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 5–15.
16. *Томская М. В.* Идентичность ученого как переменная научной коммуникации // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – МГЛУ, 2012. – С. 240–248. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 6 (639). Сер. Языкознание).
17. *Цинкерман Т. Н.* Лингвопрагматическая специфика стилей общения в англоязычном воспитательном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2014. – 22 с.
18. *Шилихина К. М.* Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2014. – 50 с.
19. *Galperin I. R.* Stylistics. – М. : Higher School Publ. House, 1971. – 343 p.

УДК 811.16

И. Василюк

кандидат филологических наук Института русистики факультета прикладной лингвистики Варшавского университета; e-mail: j.wasiluk@uw.edu.pl

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА: ЯЗЫК ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РУНЕТА

В статье анализируется лексика Рунета, так как массовое освоение интернет-пространства сопровождается широким вхождением заимствований, прежде всего из английского языка. Язык виртуального пространства Рунета восприимчив к новым нестандартным лексико-семантическим явлениям, если они отличаются достаточной выразительностью или более точным смысловым характером.

Ключевые слова: дискурс; массмедиа; медиатекст; компьютерно-сетевая лексика.

Wasiluk J.

Ph. D., Dept of Applied Linguistics Institute of Russian studies University of Warsaw; e-mail: j.wasiluk@uw.edu.pl

LEXICAL PECULIARITIES OF MASS-MEDIA DISCOURSE: LANGUAGE OF RUSSIAN WEBSITES (RUNET)

The article analyzes the lexicon of the Russian Internet because the development of the web space is accompanied by a large number of borrowings, especially from the English language. The language of the virtual space is receptive to new non-standard lexical-semantic phenomena, especially if they are more expressive and semantically precise.

Key words: discourse; mass media; media text; computer-network vocabulary.

Предметом настоящего исследования являются языковые особенности русскоязычного Интернета, прежде всего лексических заимствований, трансформированных в той или иной степени носителями русского языка.

Российский Интернет, или Рунет, как замечает Г. Н. Трофимова, «это уникальное средство постоянной и надежной коммуникации между центром и самыми удаленными населенными пунктами, это источник информации и среда формирования нового вида средств массовой информации, мощное средство объединения русскоязычных диаспор в странах ближнего и дальнего зарубежья, для которых Интернет является единственной и очень эффективной возможностью

поддержания русскоязычной формы и связей со своей исторической родиной – Россией» [6, с. 325–326].

Среди всех средств массовой информации Интернет представляет собой самую быстро развивающуюся среду, и именно поэтому он играет всё большую роль в жизни многих людей, предоставляя возможность реализовать многие личные и общественные потребности. Интернет является особой коммуникативной средой, характеризующейся высокой экспрессивностью и диалогичностью¹.

К тому же, цитируя Э. Сэпира, заметим, что мир Интернета «в значительной мере строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [5, с. 226]. Участники виртуальной коммуникации становятся творцами новых вербальных и невербальных средств общения, они творят не только само виртуальное пространство, но и язык, на котором общаются. Язык является не только средством общения, но и средством создания виртуальной реальности, поскольку искусственные языки программирования – это всего лишь технологическая оболочка Интернета, а подлинным языком виртуального сообщества оказываются естественные языки аудитории пользователей [6]. Язык Интернета, а тем самым и сетевые тексты, отражает массовое мышление, реагируя на все изменения и нововведения.

Анализируя язык Рунета следует учесть два фактора: во-первых, веб-пространство выполняет разнообразные функции – информационную, коммуникативную, дидактическую, рекреационную; во-вторых, потребители Интернета по-разному используют литературный язык, с одной стороны, и компьютерный сленг – с другой, что позволяет разделить их на разные группы (ср. учащихся школ и журналистов, создающих электронные версии своих газет).

Соответственно, язык в Рунете отражает специфику разных речевых групп и сообществ, при этом каждая из них реализует в Интернете, как уже было сказано, свои потребности (поиск информации, общение, покупки, совершение сделок, публикация творческих и научных работ), что обуславливает такое функционирование языка, которое позволяет адекватно и успешно достигать осуществления поставленных задач. В сфере функционирования русского языка в Интернете устная и письменная формы его реализации сближаются и начинают взаимодействовать, снижается зависимость функционирования языковых

¹ Форму коммуникации посредством Интернета в англоязычной литературе принято называть *computer-mediated communication* (CMC) [7–9].

средств от формы речи, так как возрастает их привязанность к теме, сфере или ситуации общения [4].

Как подчеркивает Г.Н.Трофимова, «перемещение общества в виртуальное пространство и в компьютерно-сетевое измерение стало серьезным внешним «толчком» для изменений в языке, которые обнаруживаются и оказываются возможными, благодаря заложенным в нем потенциам внутреннего характера. Виртуальное сообщество создает свои специфические условия для жизни языка, создает условия для тех или иных изменений и стимулирует языковые процессы, приводящие к удовлетворению потребностей общества как в реальной, так и в виртуальной действительности» [6, с. 78].

Следует также заметить, что на функционирование языка в Интернете влияние оказывают и другие лингвистические и экстралингвистические факторы, такие как изменение круга носителей языка, распространение просвещения, развитие науки и техники, международные контакты, активное воздействие СМИ и т. д.

Учитывая перечисленные факторы, важнейшими системно-функциональными особенностями русского языка в Интернете в широком смысле являются фонетико-графические новации, морфологические, словообразовательные, синтаксические и лексические процессы, каждый из которых служит тем или иных целям коммуникации. Поскольку это составляет достаточно обширную тему исследования, сосредоточим свое внимание на лексике с учетом наиболее заметных фонетических и морфологических процессов.

Итак, неформальное общение, как уже упоминалось, способствовало возникновению так называемой письменной разновидности речи, что привело к активному применению заимствований, передаваемых на латинице. Это формирование аббревиатур по первым буквам устоявшихся среди веб-пользователей речевых выражений. Их не так много, но они хорошо известны тем, кто постоянно заходит в Интернет, например:

- IMHO – In My Humble Opinion – по моему скромному мнению;
- AFAIK – As Far As I Know – насколько мне известно;
- AFAIR – As Far As I Remember – насколько я помню;
- AND – Any Day Now, ASAP – As Soon As Possible – как можно быстрее;
- HTH – Hope this Helps – надеюсь, это поможет;
- LOL – Laughing Out Loud – громко смеюсь.

Данные выражения относят к компьютерно-сетевому сленгу.

Латинские буквы и слоги используются также для выражения иронии, которая вербализуется через языковую игру, проникающую во все сферы как общественной, так и личной жизни [3]. В веб-пространстве она проявляется в умении каламбурить, например: *кRUтая игра*, *www.deneg.net*, *www.arendatorov.net*, *www.denegidam.ru*, *www.denegzaimem.ru*, *Шумомупа must die!*. Следует отметить, что сегодня в Интернете реализуется несколько вариантов сосуществования латиницы и кириллицы:

- включение фрагмента на латинице в русское слово, например: BEST'ии, РегистРация товаРных знаков;
- написание русских букв вместо латинских, расположенных на тех же клавишах:

З.Ы. означает P.S.,
ину означает bye,
зды означает pls. – please;

- создание слов из фрагментов кириллицы и латиницы:
выDOOMывать вместо «выдумывать»,
заLOOPаться вместо просторечного «залупаться»;
- создание русских слов по принципу калькирования, замена метафорического ключа или воспроизведение отдаленной фонетической ассоциации:

мелкомягкие, мелкомякоть – microsoft,
шаровары – shareware,
девица – device,
комод – CoModerator,
Лариса – Lora BBS,
лапа – Laptop, мантикора, мандрагора – Linux Mandrake,
пеньгюх – компьютер IBM Pentium 586,
пимпа – кнопка «Reset») [6].

Во многом эти явления связаны с развитием компьютерной техники и технологии, которая в 1980-е годы охватила российский рынок, вслед за этим и началось российское освоение Интернета. Эти процессы принесли в русский язык англоязычные компьютерно-сетевые термины, например: *монитор*, *принтер*, *контроллеры*, *драйвер*, *Интернет*. Со временем большая часть этих терминов начала проникать в общеупотребительную лексику в связи с тем, что компьютеры из профессиональной техники превратились в бытовую, и данная

группа слов разделилась на собственно терминологическую лексику, например: *дефрагментация*, *отформатировать* и компьютерно-сетевые заимствования, которые осваиваются широким кругом лиц и входят в активный запас русского языка, например: *сервер*, *сайт*, *виртуальный*.

Заимствование, прежде всего англоязычных слов, – это процесс, который в русском языке реализуется главным образом путем калькирования, например: *ангрейд*, *баг*, *бан*, *байт*, *блог*, *бэд-сектор*, *кулер*, *мессага*. Особое место здесь занимают слова, которые можно назвать полукальками (заимствуется основа), так как принимаемое слово подчиняется фонетическим и грамматическим нормам русского языка, например: *аттач*, *васик*, *нотик*, *тисюк*. Сюда же можно отнести многочисленные глаголы типа: *гуглить*, *засейвить*, *заоффлайнить*, *зарестриктировать*, *отквотить* и т. п.¹

Говоря о заимствованиях необходимо учесть еще одну группу слов под названием «фонетическая мимикрия», которая основана на совпадении семантически несхожих общеупотребительных слов и английских компьютерных терминов. Например, английское *error*, означающее «ошибка», приобрело в сленге название *Егор*. Слово, которое переходит в сленг, приобретает совершенно новое значение, никаким образом не связанное с общеупотребительным, как и в случае со словом *laser printer*, которое переводится с английского как «лазерный принтер», а в сленге Интернета и компьютера – *Лазарь* [2].

Сюда следует отнести случаи, основанные на фонетическом совпадении английского и русского слова, а также случаи совпадения части слова. В этом случае сленговое слово дополняется оставшейся частью слова, заимствованной методом кальки у английского оригинала, например: *Windows* – *виндовоз*, *Perl* – *перловка* (язык программирования). В этой группе слов особенно много названий различных программ, П. А. Горшков объясняет это тем, что «именно эти названия чаще всего неясны в употреблении и восприятии для российских пользователей вычислительной техники», ср.: *Corel Draw* – *Король дров* или *AutoCAD* – *Автогад* [2, с. 150].

К этому явлению также относятся случаи звукоподражания без каких-либо семантических сходств со словами из стандартной русскоязычной лексики. Такие слова представляют собой своеобразную игру звуков. Они образуются путем устранения, прибавления,

¹ Ср. классификации Н. В. Виноградовой и П. А. Горшкова [1; 2].

перемещения некоторых звуков в оригинальном английском термине, например: *MS-DOS* – *мздос*, *interpretator* – *интерпретатор*, *Pentium* – *пентюх* [2].

Пополнение словарного состава происходит также за счет лексико-семантических изменений, не сопровождаемых изменениями на морфемном уровне. Параллельно с заимствованием преимущественно англоязычных слов для передачи новых значений развиваются новые значения и у слов исконно русских. Например, слово *страница* приобретает новое значение части текстового веб-контента, отнюдь не синонимичное значению заимствованного из английского языка слова *сайт* (адрес и место хранения информации в Интернете). Естественное для языка Интернета активное привлечение специальной компьютерной и телекоммуникационной терминологии, тем не менее не выходит за рамки профессионального жаргона [6].

Необходимо отметить, что наряду с аффиксацией, словосложением и аббревиацией пополнение словарного состава в Рунете весьма часто сопровождается семантической деривацией (по Ю. Д. Апресяну), в ходе которой у слова, относящегося изначально к литературному языку, возникает новое значение. При этом лексема начинает относиться к жаргонной лексике.

Другими словами, нейтральные по стилистической принадлежности русские слова, употребляясь и переосмысливаясь пользователями Интернета, приобрели дополнительные значения. Эти слова, в свою очередь, можно разделить на две группы.

Первая группа – это русские слова, выбранные из соображений фонетического подобия английским оригиналам, например: *ария* – англ. *area* – *область*, в которой собраны файлы или сообщения по определенной тематике, обычно каталог на диске; *винт* – *жесткий диск компьютера*; *лист* – *любой список*; *мылть* – англ. *mail* – *писать или передавать сообщение по Сети (Отмыль мне, что там у вас происходит?)*.

Вторая группа – это гораздо более многочисленная – слова, получившие новое значение в результате иронически-карнавального переосмысления уже существующей лексемы, например: *блин* – *компакт-диск*; *голдед* или *голый дед* – от *GoldEd* – *наиболее популярный редактор сообщений*; *железо* – 1) *любая «компьютерная» аппаратура*, 2) *«внутренности» компьютера (У меня проблемы с железом)*; *подмышка* – *коврик под манипулятор «мышь»*; *червяк* – *сетевой вирус* [1].

Возрастная особенность потребителей Интернета, которым в большинстве случаев не исполнилось еще и сорока лет, повлияла на игровой, юмористический характер освоения такого рода заимствований. Так появился язык «рунетовских» жаргонизмов, которым охотно пользуются все потребители Интернета. Среди них можно выделить слова с ярко выраженным пренебрежительным значением например: *писюк, бродилка, аська, клавиша, локалка, искалка*.

Анализируя эти слова, можно заметить случаи, в которых остается английский вариант с одновременным добавлением словообразовательного элемента, несущего эмоционально-экспрессивную нагрузку, например: *мессага, сервак, флопак*.

Некоторые исследователи отмечают, что «в жаргонной лексике особенно прочно закрепляются и функционируют те искажения, которые в ходе фонетической трансформации приобретают звуковую форму, вызывающую у носителя русского языка ассоциации с ненормативной лексикой, ругательствами, табуированными выражениями» [6, с. 103]. Таким образом, слова, которые являлись изначально техническими терминами, адаптировались к речевым нормам разнообразных групп людей и стали употребляться уже не только специалистами, но и пользователями Интернета вообще. В целом компьютерно-сетевую лексику можно разделить на несколько групп: терминология, профессиональное аргю, жаргон и сленг.

К компьютерно-сетевой терминологии относятся техницизмы интернационального характера с нейтральной стилистической окраской, например: *компьютер, Интернет, веб, файл, интерфейс, флэш, фрилансер, монитор, адаптер, картридж, клип-арт* и др. Компьютерно-сетевое аргю как закрытая лексическая подсистема специальных номинаций, обслуживающих узкопрофессиональные интересы, состоит из арготизмов, которые, подобно терминам, не обладают особой окраской, но имеют особое переносное значение и используются в практических интересах профессии или дела, например: *собака, чайник, кроватка, мыша, мыло, мэйлер, ковёр, кнопель* и др. К собственно жаргонной лексике, например: *искалка, сервак, локалка* и др., относятся компьютерно-сетевые лексемы, которые применяются как профессионалами, так и представителями отдельной социальной группы пользователей с целью обособления от остальной части языкового сообщества. Для жаргонизмов характерна

эмоционально-оценочная окраска и, в отличие от арготизмов, они всегда несут в себе экспрессию, чаще всего негативную и имеют лексический эквивалент в литературном языке. В группу сленговых лексико-фразеологических единиц разговорно-просторечного языка входят слова компьютерно-сетевой тематики, также предназначенные для выражения усиленной экспрессии и особой оценочной окраски. Однако, в отличие от жаргона, сленговые лексемы достаточно известны и общеупотребительны, активно используются в свободном общении, в художественных текстах и в СМИ, например: *аська*, *скинуть по мылу*, *чатиться*.

Как подчеркивает Г.Н.Трофимова, «большинство лексических единиц сленга абсолютно аутентичны, русскоязычны и непонятны носителям других языков. Особой сленговой группой становятся слова, которые входят в русский язык, переосмысливаясь на основе культурных традиций и понятий в русской культуре и в русской речи. Это слова, коннотация которых национально-специфична и национально-уникальна (*шаровары*, *эсесовец*)» [6, с. 105].

Как можно заметить, сленг создается на базе профессионального языка, авторы которого проявляют максимум изобретательности, соединяя английские и русские корни, английские корни и русские аффиксы, используя также метафорически преобразованные международные термины.

Однако, несмотря на проникшие в русский язык разнообразные заимствования, многие исследователи полагают, что русский язык в Сети сохраняет «свою автохтонность, обогащаясь с помощью Интернета новыми красками и особенностями, отвечающими требованию современного состояния общества» [6, с. 106].

Итак, изучая язык Рунета, следует учитывать, что Интернет является пространством, которое создано людьми и предназначено для обеспечения их разнообразных социальных и индивидуальных потребностей. Одной из таких потребностей является потребность в языковой игре, которая выражается в трансформации многочисленных интернет-заимствований, которые протекают на формальном и семантическом уровнях и задействуют элементы английского и русского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградова Н. В.* Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции // Исследования по славянским языкам. – 2001. – № 6. – С. 203–216.
2. *Горшков П. А.* Сленг хакеров и геймеров в Интернете : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 28 с.
3. *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. А.* Старые мехи и молодое вино. – СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.
4. *Костомаров В. Г.* Тенденции развития современного русского языка // Русский язык в школе. – 1976. – № 6. – С. 4–13.
5. *Эттинг Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 226 с.
6. *Трофимова Г. Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: Монография. – М.: РУДН, 2011. – 436 с.
7. *Herring S. C.* Computer-Mediated Discourse on the Internet // Annual Review of Information Science and Technology. – Medford, 2002. – Т. 36. – P. 109–168.
8. *Herring S. C.* Computer-Mediated Discourse Analysis: An Approach to Researching Online Behaviour // Designing for Virtual Communities in the Service of Learning. – Cambridge : CUP, 2004. – P. 338–376.
9. *Herring S. C.* Computer-Mediated Discourse // Handbook of discourse analysis. – Oxford : OUP, 2004. – P. 612–634.

УДК 81-27

Г. В. Зашчитина

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка,
ФЗО МГЛУ; e-mail: galina.zashchitina@gmail.com

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье о роли стилистически маркированных вторичных наименований в оптимизации речевого воздействия в англоязычном журналистском дискурсе проводится анализ основных характеристик метафоры, метонимии и перифраза, которые рассматриваются как «посредники» коммуникации, действенные средства воздействия с точки зрения их эффективности, обусловленной тем, что тропы могут успешно использоваться в журналистском дискурсе для достижения прагматических задач, стоящих как перед редакцией, так и перед самим журналистом.

Ключевые слова: язык СМИ; тропы; метафора; коммуникация; массовая коммуникация; стилистика; прагматика.

Zashchitina G. V.

Ph. D., Associate Professor Chair of the English language Correspondence
Department, MSLU; e-mail: galina.zashchitina@gmail.com

THE COMMUNICATIVE ASPECT OF TROPES AND ITS ROLE IN VIEWING AND INTERPRETING THE WORLD IN MODERN ENGLISH JOURNALISTIC DISCOURSE

The article focuses on the role that stylistically charged nominative language units may have in making English journalistic discourse more effective. The author analyses the key features of tropes, namely, metaphor, metonymy and periphrasis assessing the use to which their communicative potential can be put. These tropes are also viewed as means which are instrumental in influencing and molding the readers' view of the world; their role in helping both the editorial board and a journalist to achieve various pragmatic aims is also looked upon.

Key words: mass media discourse; tropes; metaphor; communication; mass communication; stylistics; pragmatics.

Внимание к проблемам массмедийной коммуникации может быть обусловлено отчасти тем, что на современном этапе язык СМИ весьма неоднороден в стилистическом отношении в силу разнообразия объектов действительности, входящих в сферу интересов

массмедийного дискурса. Исследователей также привлекают коммуникативные цели, предопределяющие содержание коммуникационного замысла массмедийных сообщений, и коммуникативные стратегии воздействия, используемые СМИ, для влияния как на интеллект адресата, так и на его эмоциональное состояние.

Как показывают исследования последних лет, язык англоязычных СМИ стремится к выразительности, что может быть обусловлено целым рядом факторов, самый существенный из которых, по видимому, – борьба за внимание аудитории (читателя/слушателя), так как при все более увеличивающемся количестве каналов получения информации, коммуникация отчетливее приобретает статус конкурентной площадки, где посредством вторичных и альтернативных номинаций, которыми являются такие стилистические приемы, как метафора, метонимия и перифраз, осуществляются попытки привлечения как можно большего числа читателей, слушателей, интернет-подписчиков.

Поскольку в журналистском дискурсе нередко очевидное доминирование оценки, фатики и воздействия над фактами, а эмоционального над рациональным остро встает вопрос о поиске оптимальных языковых средств, способных обеспечить массмедийному дискурсу подобную возможность [2]. Следовательно, такие тропы, как метафора, метонимия, перифраз, ирония, гиперболла, сравнение, природа которых собственно и заключается в преобладании эмоционального над рациональным, а субъективного над объективным, могут активно вовлекаться в процесс коммуникации и нести значительную коммуникативную нагрузку, во многом обеспечивая успешность этого процесса – восприятие в необходимом для журналиста ключе его сообщения. Умелое использование стилистических средств помогает, с одной стороны, избежать нефункциональной эффектности, избыточной орнаментальности, с другой – сделать язык ярким, запоминающимся, что является необходимым признаком успешного в коммуникативном отношении медиадискурса. Ко всему прочему, следует указать на существование в ряде случаев тенденции к преобладанию развлекательного компонента в характере представления информации в журналистском дискурсе [1], что также не обходится без привлечения стилистических средств. Если в случае со статьей-комментарием использование стилистически окрашенных номинаций не вызывает вопросов, то, как показывают наблюдения последних лет, и «качественные»,

и «массовые» медиатексты активно задействуют стилистически окрашенные номинации, даже если речь идет о статьях информационного типа [6]. Также использование стилистических средств репрезентации действительности в медиадискурсе часто существенно для конструирования определенных медиаобразов на основе моделирования стереотипов того или иного фрагмента действительности в сознании целевого адресата [3].

Так, например, в одной из статей, посвященной политической карьере нынешнего мэра Лондона Бориса Джонсона, опубликованной в интернет-версии журнала «Экономист», только для описания внешности и личности политика уже в первых двух абзацах было использовано более десяти лексических стилистических наименований (стилистическое сравнение, перифраз, эпитет, метафора). Характеризуя, в частности, политические амбиции мэра, журналист прибегнул к яркой, но легко декодируемой развернутой метафоре, а также метонимии:

If Mr. Johnson has indeed set his course for Westminster, he will nonetheless sail with high hopes (*The Economist*, 01.10.2013).

Как видно из примера в основе метафоры – распространенная фреймовая модель «Политика – это путешествие» и в первую очередь это комплекс формализованных существенных ассоциаций, который должен возникнуть в сознании адресата. Использование легко декодируемых образов, основанных на типичных ассоциациях, неизбежно запустит механизм идентификации со стороны адресата – впоследствии его отношение к схожим явлениям действительности может быть детерминировано ранее воспринятым коммуникативным шаблоном. Ко всему прочему, метафорическая конструкция представляется в данном случае достаточно компактным образованием, в возможностях которой не только способность пробудить у адресата нужные адресанту ассоциации, но и дать первому почувствовать (пусть и имплицитно) авторское оценочное отношение к предмету сообщения (в данном случае, однозначно – добродушно-ироничное), а также оживить сам акт коммуникации, сделать его более доверительным. При этом, основываясь на наблюдении за языком англоязычного журналистского дискурса последних лет, можно с большей долей уверенности говорить о росте так называемой стилистической конвергенции – взаимодействия стилистических средств, придающих ярко выраженный субъективированный характер массмедийной коммуникации.

Избрание стилистических средств инструментом как репрезентации, так и интерпретации действительности преследует цель представить в многообразной и оригинальной форме образ явления в том виде, в каком он существует в сознании адресанта, с последующим возбуждением идентичного образа в сознании адресата. При этом очевидно, что при использовании вторичных стилистически окрашенных наименований, адресант непременно принимает в расчет объем фоновых знаний адресата – неизбежное условие успешного акта коммуникации. Пренебрежение данным фактом может приводить к таким коммуникативным помехам, как неверная, искаженная идентификация референта номинации и как результат – к сбою в интерпретации сообщения адресатом. В данной связи можно привести пример того, как был представлен образ России в ряде американских интернет-публикаций, прежде всего информационной службы Эн-Би-Си, освещавшей ход сочинской Олимпиады, на которой в составе российской сборной ряд громких побед одержали спортсмены из других стран, в том числе и США, принявшие российское гражданство. Отмечая в целом не слишком дружелюбный тон, присущий практически всем без исключения публикациям американских СМИ на тему Олимпиады, интерес вызвал, в частности, выбор одним из журналистов метонимического перифраза для альтернативного именованья России:

Vic Wild, an American-born snowboarder hailing from the state of Washington but now competing along side Zavarzina for a different red, white and blue, had a more comical response upon learning the entirety of the historical news: “It was figure skating? That’s cheating,” he laughed (*NBCOlympics.com*, 19.02.2014).

Как видно, метонимический перифраз *a different red, white and blue* построен на ярко выраженном существенном признаке референта номинации – России – цветах государственного флага, при этом журналист, по всей видимости, предполагал наличие у потенциальной англоязычной аудитории необходимого объема знаний о Российской Федерации, чтобы не опасаться неверного декодирования (в данном случае от адресата потребовались хотя бы минимальные знания о российской символике, а также способность успешно соотнести в сознании особенности цветовой палитры американского и российского государственных флагов). Не исключено, что для самого адресанта данное сходство показалось удачным или забавным, достойным оригинальной номинативной

подачи. В этой связи необходимо также отметить, что, несмотря на роль перифраза, который традиционно рассматривается как средство, придающее преимущественно иронический тон повествованию, в конкретном случае отказ от прямого наименования в пользу альтернативного перифрастического с большей долей очевидности может рассматриваться как маркер субъективного, но не только иронического, а, возможно, язвительного, саркастического отношения адресанта к России. Очевидно и то, что подобная же реакция на описываемые явления получит желаемый отклик.

Как видно, ассоциативное богатство лексических стилистических средств, их оценочный потенциал позволяет рассматривать тропы как эффективные вербальные механизмы преимущественно имплицитного коммуникативного воздействия, благодаря их способности, с одной стороны, формировать программируемое восприятие явления, с другой – оптимизировать воздействие медиатекста на адресата в соответствии с индивидуально-личностной прагматической интенцией адресанта. При помощи ярких, насыщенных и нетривиальных образов журналист погружает адресата в свою коммуникативно-речевую тактику и стратегию. К тому же яркая речь, по мнению В. Н. Степанова, это всегда приглашение собеседника к совместной деятельности (коммуникации) для достижения согласия [4]. При этом экспрессивность языка журналистской статьи, достигаемая с помощью тропов, может рассматриваться не только как стремление оказать воздействие, но и как особая стратегия поведения – доставить удовольствие адресату.

Одним из ключевых требований, предъявляемым к стилистическим средствам в массмедийном дискурсе, таким образом, является обеспечение успешного и не подвергнутого деформации в силу случайных или ложных ассоциаций декодирования сообщения адресатом. При этом, гарантируя восприятие в необходимом ключе определенного кванта действительности в процессе коммуникации, стилистические средства в медиадискурсе способны не только оригинально представить индивидуальный образ действительности, но и решать такую задачу, как необходимость оптимизации внутритекстовых взаимосвязей, что в свою очередь, позволяет рассматривать тропы как средства, способствующие когерентности медиатекстов.

По своим когнитивным, семантическим, структурным, риторическим параметрам стилистические средства являются незаменимыми инструментами речевого воздействия медиадискурса на адресата, позволяя первому успешно решать как информационную, так и суггестивную задачи.

Удачно и к месту задействованный троп увеличивает шансы того, что текст не просто станет интересен, но и легко запомнится [7]. Присутствие авторской оценки как одного из проявлений субъективного в коммуникации неизбежно в случае задействия в речи тропа, являющегося для журналиста средством выражения своего «Я», что естественно для любой коммуникации, в том числе для медиакоммуникации. При этом персуазивный потенциал стилистических средств заключается в их способности в нужном для адресанта прагматическом ключе представить описываемое явление, а оценочный потенциал – в создании эффекта нетенденциозности медиадискурса, так как собственное отношение, выражаемое посредством тропа, подчас придает сообщению большую авторитетность, создает у адресата ощущение сопричастности автора описываемым событиям [5]. Журналист как бы приглашает аудиторию убедиться, что высказывая свое мнение, оценивая явление, он может претендовать на роль эксперта, заслуживающего доверие, что, в свою очередь, помогает языку медиадискурса успешно выполнять свою контактоустанавливающую и манипулирующую функцию.

Таким образом, следует заметить, что информационный, суггестивный, оценочный, развлекательный потенциал, реализуемый стилистическими средствами в медиадискурсе, является зеркальным отражением ключевых функций и задач последнего. Богатство коммуникативного потенциала тропов, реализуемое ими в массмедийном дискурсе, позволяет добиться, ко всему прочему, интимизации взаимодействия адресанта и адресата. Являясь образным, гибким, экспрессивным инвентарем, с богатой ассоциативной природой, тропы позволяют журналисту рассчитывать на определенную программируемую реакцию со стороны реципиента и, следовательно, позволяют сделать процесс коммуникации более управляемым как с точки зрения характера представления информации, так и в плане моделирования степени доверительности речевого взаимодействия. Все это в конечном итоге в значительной степени обеспечивает полноценность социально-ориентированного общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Добросклонская Т.Г.* Язык средств массовой информации. – М.: КДУ, 2008. – 116 с.
2. *Менджеричкая Е.О.* Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – № 2. – 2006. – С. 50–55.
3. Методы современной коммуникации / под ред. В.Н.Переверзева. – Вып. I. – М.: МГЛУ, 2003. – 207 с.
4. *Степанов В.Н.* Прагматика спонтанной телевизионной речи: монография // Международный университет бизнеса и новых технологий (академия). – Ярославль : РИЦ МУБиНТ, 2008. – 248 с.
5. Язык средств массовой информации: сб. обзоров. – М.: ИНИОН, 2007. – 173 с.
6. *Richardson J. E.* Analyzing Newspapers: An Approach from Critical Discourse Analysis. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2006. – 280 p.
7. *Semino E.* Metaphor in Discourse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 260 p.

УДК 811-111

Е. Ф. Косиченко

доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ;
e-mail: ekosichenko@gmail.com

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОНИМОВ

В статье речь пойдет о том, что глубина понимания художественного текста зависит, в частности, от способности читателя / исследователя распознавать используемые автором собственные имена как знаки – ссылки на другие тексты. Анализ случаев употребления собственных имен в англоязычных художественных текстах позволяет говорить о четырех группах, существенным критерием для выделения которых является природа текста, с которым имена соотносятся.

Ключевые слова: художественный текст; личное имя; социокультурный код; фоновые знания; нелинейное чтение.

Kosichenko E. F.

Ph. D., Associate Professor, Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail: ekosichenko@gmail.com

CLASSIFICATION OF PROPER NAMES USED IN FICTION TEXTS

The article reveals the idea that understanding works of fiction depends, among other factors, on the readiness of the reader / researcher to perceive proper names as linguistic signs that make reference to different texts. Analyzed in context, names are classified into four groups according to the nature of the texts they are linked to.

Key words: fiction text; proper names; cultural codes; background knowledge; non-linear reading.

Изучение роли собственных имен в художественном тексте имеет долгую историю и представляет интерес как для лингвистики, так и для всех смежных с ней областей гуманитарного знания. В статье поднимаются вопросы функционирования собственных имен в произведениях английских и американских авторов, в связи с чем ономастические знаки рассматриваются как информативные единицы художественного текста, способные выступать в качестве источника социокультурного знания, при условии готовности читателя / исследователя к нелинейному прочтению произведения.

Художественный текст понимается нами в духе концепций М.М.Бахтина о полифонии текста, Ю.М.Лотмана о способности

текста быть информационным генератором и Р. Барта, видевшего в каждом тексте выход в другие тексты и другие коды. Наиболее существенной характеристикой текста выступает, таким образом, его способность подключаться к другим текстам и другим кодам, вбирая в себя их элементы.

В свете такого понимания сущности художественного текста важным представляется разграничить понятия «текст» и «произведение». Считаем возможным присоединиться к точке зрения, согласно которой произведение представляет собой законченное целое, имеющее привязку к культурному контексту и характеризующееся наличием своего собственного смысла. Центральной фигурой произведения является автор – создатель сюжетной линии, образов и поэтики произведения, а также путей его прочтения и интерпретации. Напротив, текст не имеет конкретного источника происхождения и заданного смысла, состоит из цитат, открыт для множественности интерпретаций, а его главным создателем является читатель.

В свою очередь, *текст произведения* можно понимать как результат взаимодействия знаков в него входящих и обеспечивающих целостность и единство восприятия, с одной стороны, и продукт межтекстового взаимодействия, чьи границы весьма размыты – с другой. Средством установления межтекстовых связей, могут быть любые языковые знаки, в том числе имена собственные.

Термины «имя», «имя собственное» и «художественный оним», используются нами как синонимы, однако базовым является понятие «художественный оним». Художественные онимы – это ключевые знаки произведения, реферирующие, помимо персонажей, также социокультурные тексты. В соответствии с характером реферируемой художественными онимами социокультурной информацией можно выделить четыре группы имен.

Наиболее отчетливо роль имен собственных как источников социокультурной информации прослеживается в случаях, когда они открывают доступ к текстам, известным практически каждому носителю данной культуры, или прецедентным текстам [1], и называются соответственно прецедентными именами. Специфика данной группы имен заключается в том, что они разворачиваются в тексте вне зависимости от наличия у читателя установки на прочтение данного текста, и только в редких случаях для понимания реферируемого содержания требуются дополнительные усилия. Тот факт, что подключение

к прецедентному тексту осуществляется автоматически, объясняется наличием в культуре кода, посредством которого закреплена связь между именем собственным и некоторым объемом социокультурного знания.

В отечественной лингвистике получило широкое распространение понимание культурного кода как явления, которое соотносится с древнейшими архетипическими представлениями человека, в связи с чем базовыми кодами культуры признаются соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [2].

Мы полагаем, что наряду с названными кодами возможно также выделение *ономастического кода*. В основе данного кода также лежит цепочка метонимических переносов, благодаря чему связь между именем собственным и некоторым социокультурным знанием устанавливается напрямую, в обход связи между носителем имени и корпусом текстов о нем. Приведем пример:

He is going to call off the evening, I suppose,' the landlady said. 'It's always the same. You girls who go travelling round never get a square deal. You said *Dick Whittington*, didn't you? 'No, no, *Aladdin*' [10, с. 16].

Дик Виттингтон – персонаж народной английской сказки «Дик Виттингтон и его кот» («*Dick Whittington and His Cat*»). Сказка повествует о бедном мальчике, который разбогател благодаря своему волшебному коту, был избран мэром Лондона и женился на дочери купца. Аладдин – персонаж сказок «Тысяча и одна ночь». Родившись в бедности, Аладдин стал богатым и влиятельным человеком благодаря волшебным свойствам лампы и женился на принцессе Будур (*Badroulbadoor*). В своей основе истории совпадают, однако, в отличие от Дика Виттингтона, Аладдин вынужден бороться с сильным соперником – злым и хитрым колдуном.

В процитированном диалоге между молодой девушкой и ее квартирной хозяйкой речь идет об отважном полицейском, которого было бы неверно назвать Диком Виттингтоном в силу того, что ему приходится вступать в схватку с преступниками. Квартирная хозяйка неверно оценила ситуацию, как следствие, выбрала неправильное имя для ее оценивания, что не помешало девушке немедленно сориентироваться и исправить ошибку. Персонажи общаются на языке ономастических кодов совершенно свободно, не запрашивая вспомогательной информации, в то время как иноязычному читателю могут

потребоваться время и усилия для того, чтобы понять создаваемый в ходе разговора смысл.

Эффективность ономастического кода обеспечивается наличием в культуре правил функционирования онима, а также способностью мышления фокусироваться на запрашиваемой информации. Оба фактора позволяют преодолеть возможную двусмысленность в ситуациях, когда прецедентное имя устанавливает связь с разными текстами и, как следствие, его функционирование в культуре основано на разных кодах.

Любое отступление от правил использования прецедентного имени, подрывает основы кода, и короткий путь декодирования информации, осуществляемый в обход сложной цепочки метонимических переносов, становится невозможным. Понимание такого сообщения требует целенаправленного поиска соответствия между именем собственным и запрашиваемым знанием, что может быть связано с необходимостью обратиться ко всему корпусу текстов о носителе имени.

В качестве примера рассмотрим эпизод из книги Г. Грина «Конец одного романа» («The End of the Affair»), главный герой которой знакомится с мальчиком по имени Ланселот (Lancelot), коротко – Ланс (Lance).

‘He is called Lance, is he?’ ‘After Sir Lancelot, sir. Of the Round Table’ [8, с. 61].

В следующем эпизоде главный герой неожиданно называет мальчика Артуром, чем озадачивает окружающих. Их неспособность немедленно установить связь между именами Ланселот и Артур в обход текстов о рыцарях «круглого стола» приводит к сбою в коммуникации и выступает поводом для иронии главного героя:

‘Say thank you, Arthur.’ ‘Is his name Arthur?’ ‘Arthur James,’ I said [8, с. 61].

Далее мы переходим ко второй группе онимов, где объединены имена, принадлежащие реальным лицам, информация о которых не входит в обязательные фоновые знания «среднего» читателя. Вместе с тем роль таких имен в художественном тексте трудно переоценить как в плане текстообразования, так и в когнитивном отношении, поскольку прочтение текстов, с которыми данные онимы связаны, позволяет расширить знания читателя, обогатить его социокультурный опыт.

Случаи использования таких имен многочисленны и разнообразны, но наиболее интересными являются примеры, показывающие, что их использование в тексте продиктовано жанровыми характеристиками произведения. Проведенный нами анализ ряда произведений с точки зрения участия имен в их жанровой организации, позволяет говорить о наличии зависимости между жанром и выбором имен благодаря чему создается эффект подлинности и правдивости повествования.

Для начала обратимся к шпионскому роману Г. Грина «The Human Factor» [9]. Во всех приводимых ниже цитатах посредством использования собственных имен обеспечиваются ссылки на специальную информацию, которая за сроком давности доступна, в частности, в Интернете и сообщает о деятельности агентов британской разведки. Выделенные курсивом имена выполняют в тексте роль жанрообразующих средств, с одной стороны, и открывают доступ к новому знанию, овладение которым позволяет лучше понять авторский текст, – с другой:

The trial of *Penkovsky* gave all of us a great boost in morale, they even exaggerated his importance [9, с. 29].

That would put *Penkovsky* in the shade [9, с. 42].

Remember *Dreyfus*. Don't leave it (report) in a rubbish bin for the cleaner to find [9, с. 66].

He is not an advanced alcoholic like *Burgess and Maclean*, but he drinks a lot – and he has been drinking more since the check started, I think. Like those two and *Philby*, he is obviously under some sort of strain [9, с. 75].

We'll look after them. Remember *Blake* – we look after our own [9, с. 114].

You would really have thought I was a sort of *Mata Hari* [9, с. 249].

В романе Дж. Апдайка «Версия Роджера» [13] речь идет о программисте, который предпринял попытку доказать существование Бога, в связи с чем одной из тем романа является стала проблема науки и религии. Жанровые особенности произведения нашли свое отражение и в его ономастиконе, который представлен, с одной стороны, именами ученых (*Newton, Pascal, Leibniz, Einstein, Dale Kohler, Lucretius, Paul Dirac Eddington, Goldschmidt, Hofstader*), а с другой стороны – именами теологов и философов (*Thomas Hooker, Bonhoeffer, Saint Augustine, Kierkegard, Heidegger*). Далеко не все из этих имен входят в бласть фоновых знаний «среднего» читателя, поэтому установка на

более полное понимание идейного содержания романа влечет за собой выход за его пределы, при этом читатель самостоятельно определяет необходимый для него объем дополнительной информации.

В романе С.Мозма «Театр» [11] встречается около пятидесяти имен, так или иначе связанных с театром, что также обусловлено жанровыми особенностями произведения.

Третья из выделяемых нами групп содержит имена, которые даются автором либо выбираются им из корпуса имен национального ономастикона на основе звуковой ассоциации с некоторой апеллятивной единицей. Такие имена обладают ярко выраженной внутренней формой и по традиции называются «говорящими», они принадлежат собственно произведению, и их способность «говорить» проявляется по мере того, как они наполняются содержанием этого произведения. Как правило, данные имена открываются читателю без дополнительных усилий с его стороны, а лишь благодаря знанию языка, особенно если в тексте содержатся авторские намеки или прямые указания на такую связь.

Имя *Grace Winter*, принадлежащее героине романа Ш.Роуган «Спасательная шлюпка» (Ch. Rogan «The Lifeboat»), содержит два компонента, где личное имя *Grace* означает «милость, милосердие, благосклонность» [3] и обыгрывается в тексте через использование прилагательных *graceful, sweet*:

As soon as someone starts to pontificate in this way, I am apt to cut him off or leave the room, or, if this can't be done gracefully, I simply arrange that sweet rapid smile on my face [12, c. 273].

Героиня – одна из немногих, выживших после двухнедельного плавания в спасательной шлюпке. В католической традиции слово *grace* определяется следующим образом:

Grace – strictly a supernatural gift of God to an intellectual creature, bestowed with a view to eternal life. Sometimes any gift freely given by God irrespective to a relation to man's supernatural end [6].

Такое значение имени фактически предопределяет выживание героини и одновременно подчеркивает ее стойкость и интеллект.

Использование фамилии *Winter* в тексте произведения основано на значении английского слова *winter* – зима. Данная фамилия принадлежит героине в течение довольно короткого отрезка времени – от замужества, которое состоялось накануне кораблекрушения, и до

окончательной ее реабилитации после катастрофы, когда она меняет ее на фамилию *Reichmann*. По сюжету, фамилия *Winter* не только стала судьбоносной для Грейс, но и сопровождала ее на протяжении самого трагического периода жизни. Драматизм произведения усиливается за счет способности оными актуализировать межтекстовые связи. Речь идет о том, что в тексте упоминается Зимний дворец в Санкт-Петербурге, а также церемония коронации русского императора Николая II и его супруги Александры, которая омрачилась гибелью людей. В соответствии с сюжетом, потерпевший крушение корабль носил имя «Императрица Александра», именно потому что был освящен в день коронации августейших особ:

Do any of ye know how the *Empress Alexandra* came to be named? He proceeded to tell us that the ship had been christened on the day Nicholas and Alexandra were crowned as emperor and empress of all Russia. ... Nicholas's marriage to Alexandra had been grand. I only know it took place in the Winter Palace in St Petersburg. ... The ship was made for you, Grace. Your name is *Winter* and you were just married [12, с. 37–38].

Историческая ссылка, понятная представителю русской культуры, скорее всего, станет источником нового знания для англоязычного читателя, открывая ему выход в другую культуру. Таким образом, фамильный оним, носителями которого являются тысячи людей в англоговорящих странах, обретает особую значимость и новый смысл в данном повествовании, увязывая воедино значение соответствующего апеллятива и знаменательные события в мировой истории.

Четвертая группа представлена именами (как единицами национального ономастикона, так и заимствованными из других культур), которые, на первый взгляд, функционируют в тексте единственно как средства именования персонажей и не несут никакой дополнительной информации. Вместе с тем анализ таких имен, связанный с выходом в область лингвистики – фонетики, грамматики, семантики – позволяет установить факт их информативности.

Фонетический анализ имени собственного предполагает установление связи между онимом и созвучной с ним апеллятивной единицей. По сути, речь идет о «говорящих» именах, и необходимость собственно анализа возникает в тех немногочисленных случаях, когда, к примеру, графическое изображение ономастического знака не соответствует правилам чтения, а его звучание вызывает ассоциацию с некоторой апеллятивной единицей. Это справедливо, в частности,

по отношению к имени *Cholmondeley* [10], которое произносится как [tʃʌmli] и созвучно имени нарицательному «chum» в значении «приятель».

Помимо того, что звучание имени может актуализировать языковое знание, оно способно установить связь с социокультурным знанием, став источником информации о возрасте персонажа, его социальном статусе, некоторых чертах внешности или характера. Б. А. Успенский справедливо отмечает, что имена Георгий Арнольдович, Екатерина Аркадьевна, Бетси, Жоржик, Пуд Гордеич, Феклиста Титовна, Марфушенька, Карп, Ерема, Пахом, Егорка, используемые в некоторой пьесе, допускают варианты трактовки, и тем не менее наши знания об условиях их функционирования позволяют нам сделать выводы об их носителях [4].

В качестве примера, подтверждающего справедливость данной точки зрения, приведем цитату из романа Р. Брэдбери «451 по Фаренгейту», содержащую суждения молодой женщины о кандидатах на пост президента:

Fat, too, and didn't dress to hide it. No wonder the landslide was for Winston Noble. Even their names helped. *Compare Winston Noble to Hubert Hoag* for ten seconds and you can almost figure the results [7, с. 93].

Инференция относительно того, в пользу которого из двух кандидатов проголосует избиратель, основана исключительно на сравнении двух имен в аспекте их звучания. Аристократически окрашенное сочетание *Winston Noble* уступает неблагозвучному *Hubert Hoag*, несмотря на этимологию личного имени *Hubert*, имеющего германское происхождение и образованного от древневерхненемецкого *hugu* – ум, душа и *beraht* – светлый, яркий [3].

Морфологический анализ элементов художественного ономастикона также в ряде случаев позволяет понять основания для выбора того или иного имени и дает возможность рассматривать имя как средство создания художественного образа. Важной характеристикой личных имен является то, что они обладают способностью к образованию дериватов, например диминутивов, несущих в художественном тексте серьезную смысловую и стилистическую нагрузку.

Для примера обратимся к имени *Hardie*, принадлежащему матросу затонувшего судна из романа Ш. Роуган «Спасательная шлюпка». На протяжении первой части повествования автор создает образ человека жесткого и характерного, однако позднее выясняется, что ему

не хватает решительности до конца нести бремя ответственности за жизнь людей. Отсюда и соответствующая форма онима, где слово *hard* (*крепкий, твердый*) дополнено суффиксом *-ie*, выражающим идею уменьшительности. Значение слова *hard* актуализируется в первой части повествования (пример 1–4), тогда как мотив для использования уменьшительного суффикса становится понятен во второй части повествования (примеры 5–6).

(1) Mr. Hardie gave them orders, Mr. Hardie stood with his feet planted and his eyes alert, guiding us deftly around anything that blocked our way [12, с. 7].

(2) Mr. Hardie had a rough seaman's voice [12, с. 10].

(3) Then Hardie raised his heavy boot and shoved it into the man's face [12, с. 11].

(4) Mr. Hardie, for his part, was staunchly determined to save us [12, с. 12].

(5) Hardie watched her the way an injured dog watches a wild and hungry cat [12, с. 12].

(6) When I looked at Mr. Hardie that morning, I was hard-pressed to recognize the superhuman figure of those first days in the boat. If Mr. Hardie was still godlike, he had become god in his human form, and we all know what happens to gods like that [12, с. 187].

В литературном произведении даже самые привычные имена наполняются содержанием через обращение к их этимологии и контексту – факторам, которые важно учитывать при семантическом анализе художественных онимов. Так, в разных культурах имя *Генри* означает «правитель» и является популярным среди царствующих особ [3]. Соответствующим образом описан и персонаж книги Г. Грина «Конец одного роман» Генри Майлз:

Henry was *important*, but *important* rather as an elephant is *important*, from the size of his department; there are kinds of *importance* that remain hopelessly damned to unseriousness. Henry was an *important* assistant secretary in the *Ministry* of Pension – later it was to be the *Ministry* of Home Security [8, с. 4].

Особенностью данного отрывка из четырех строк является то, что слово *important* использовано в нем пять раз, и кульминацией описания, свидетельством важности Генри Майлза, выступает название министерства, в котором он служил. В контексте целого произведения

упоминание министерства выступает средством создания иронии, поскольку, несмотря на высокое положение в Министерстве внутренних дел (Ministry of **Home Security**), Генри не способен наладить свою семейную жизнь.

Часто для того чтобы выявить роль художественного онима в произведении, необходимо обращение одновременно к фонетическим, грамматическим и этимологическим аспектам его функционирования в тексте. Для примера обратимся к случаю использования имени *Marlene* из книги А. Азимова «Немезида». Данное имя принадлежит девочке-подростку, которая благодаря дару понимания и некоторым телепатическим способностям, смогла предотвратить гибель Земли.

В морфологическом отношении имя *Marlene* является сложным знаком, состоящим из имен *Mary* от др.-евр. *Miryām* в значении «горечь, возмущение, сопротивление» и библейского *Magdalene*, принадлежавшего последовательнице Иисуса, ставшей свидетельницей его смерти и рассказавшей о его воскрешении. Первая часть имени, *Mary*, удачно подходит для именованя одинокого, ищущего понимания подростка. По сюжету девушка настаивает на самостоятельности, праве принимать собственные решения, категорически восстает против авторитета взрослых, не приемлет имени *Molly*, которое является уменьшительным от *Mary*.

A number of reasons, Molly. (Not “Molly”, thought Marlene with anguish. Marlene! Marlene! Marlene! Three syllables. Accent on the second. Grown up!) [5, с. 59].

В свою очередь имя *Magdalene* венчает образ спасительницы Земли.

“I’m so glad I wasn’t there. I keep thinking about it. Poor Marlene. She must have been so afraid.” “Yes, she was. But she did it, made it possible to save Earth” [5, с. 382].

Суммируя изложенное, отметим, что предложенная в данной статье классификация художественных онимов основана на выделении четырех видов текстов, или четырех видов знания, овладение которыми позволяет более полно понять идейное содержание произведения. Каждое из четырех видов знания обеспечивает эффективность использования в литературных произведениях имен соответствующей группы. Так, социокультурное знание ложится в основу использования прецедентных имен, профессиональное знание способствует пониманию оснований для употребления имен из некоторой

специальной области, знание языка обеспечивает установление ассоциации имени с некоторым апеллятивом, а лингвистическое знание позволяет выявить роль этимологии имени, его звучания или грамматической формы в создании художественного образа и реализации авторского замысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
2. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
3. *Рыбакин А. И.* Словарь личных имен: 4000 имен. – М.: Русский язык, 1989. – 224 с.
4. *Успенский Л. В.* Ты и твое имя. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1994. – 288 с.
5. *Asimov I.* Nemesis. – N. Y.–Toronto–London, Sydney, Auckland: Bantam Books, 1990. – 386 p.
6. *Attwater D.* The Catholic Encyclopedic Dictionary. – London, etc.: Cassel and Company Ltd., 1949. – 552 p.
7. *Bradbury R.* Fahrenheit 451. – N. Y.: Simon & Schuster Paperbacks, 2012. – 158 p.
8. *Greene G.* The End of the Affair. – London: Penguin Books, 2004. – 160 p.
9. *Greene G.* The Human Factor. – London: Vintage Books, 2005. – 259 p.
10. *Greene G.* A Gun for Sale. – London: Penguin Books, 2005. – 184 p.
11. *Maugham S.* Theatre. – М.: Высшая школа, 1985. – 223 с.
12. *Rogan Ch.* The Lifeboat. – London: Virago Press, 2012. – 275 p.
13. *Updike J.* Roger's Version. – N. Y.: The Random House Publishing Group, 1991. – 368 p.

УДК 811.111-26

Е. А. Нильсен

доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английского языка и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: janenilsen@mail.ru

МОДЕЛИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ ВРЕМЕНИ В РАННЕНОВОАНГЛИЙСКИХ ТЕКСТАХ

В статье рассматриваются репрезентации метафорических моделей ВРЕМЯ – ГОСПОДИН, ВРЕМЯ – ПУТНИК, ВРЕМЯ – ПРЕДМЕТ ОБЛАДАНИЯ, ВРЕМЯ – ДОРОГА в ранненовоанглийских источниках на примере поэзии Е. Спенсера. Анализ метафор проводится в терминах теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. Сделан вывод о том, что время в анализируемых текстах может персонифицироваться, восприниматься как господин, имеющий власть над людьми. Время обладает большой ценностью. Оно быстротечно и необратимо.

Ключевые слова: история английского языка; ранненовоанглийская литература; когнитивная метафора; время.

Nilsen E. A.

Ph. D., Head of the Department of the English Language and Translation, School of Humanities, St. Petersburg State University of Economics;
e-mail: janenilsen@mail.ru

METAPHORICAL MODELS OF TIME REPRESENTATION IN RENAISSANCE ENGLISH LITERATURE

This article is dedicated to metaphorical time representation in Renaissance literature as exemplified by Ed. Spenser's poems. Metaphorical models TIME is a MASTER, TIME is a MOVING SUBJECT, TIME is a POSSESSION, TIME is a ROAD are analyzed on the basis of G. Fauconnier and M. Turner's conceptual integration theory. The conclusion is drawn that time in the texts under study can be personified. It is perceived as a master having ascendancy over people. Time is of great value. It is swift-flowing and irreversible.

Key words: history of the English language; Renaissance English literature; cognitive metaphor; time.

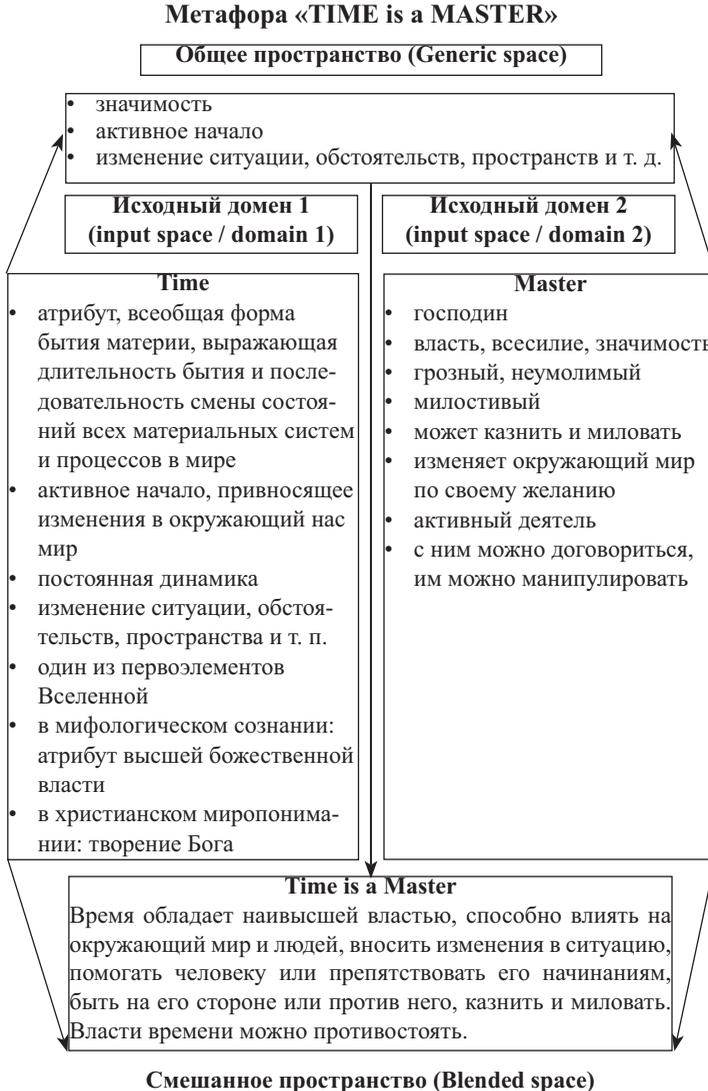
В отличие от представителей более ранних эпох, считавших, что их судьба полностью предопределена и человек ничего не может изменить, носители ранненовоанглийского языка воспринимали время прежде всего как антагониста, власть которого человек стремится оспорить. В эпоху Возрождения человек приобретает гораздо большую внутреннюю свободу [12]. Люди стремятся к научному

познанию действительности и обоснованию законов природы [1]. Эти перемены в восприятии времени, как пишут ученые, были обусловлены экономическими причинами. Среди них можно выделить экономический рост, переход к капиталистическому строю, а также большую значимость городской культуры в этот период по сравнению со Средними веками. Все эти факторы оказали влияние на изменения, произошедшие в перцепции времени [6–8]. Ко времени относились как к драгоценному божественному дару, и его безрассудная трата считалась большим грехом. Поэтому в произведениях того периода особенно ярко эксплицированы представления о времени как о ценности, ресурсе, который надо использовать разумно и с максимальной пользой [9]. Время представлялось быстротечным, а жизнь человека – слишком короткой, чтобы успеть свершить все задуманное. Соответственно наиболее частотными метафорами времени, встречающимися в ранненовоанглийских литературных произведениях, являются «TIME IS A MOVING SUBJECT» («ВРЕМЯ – ПУТНИК»), «TIME IS A POSSESSION» («ВРЕМЯ – ПРЕДМЕТ ОБЛАДАНИЯ»), «TIME IS A MASTER» («ВРЕМЯ – ГОСПОДИН»), «TIME IS A ROAD» («ВРЕМЯ – ДОРОГА»). Рассмотрим механизмы формирования этих метафор в терминах теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [5] на примере поэзии Е. Спенсера [10; 11].

Во многих поэтических произведениях этого периода время выступало в роли существа, имеющего неограниченную власть над людьми, высшей силы, управляющей жизнью человека, безжалостного господина, перед которым человек бессилен. При формировании таких метафор в роли исходного домена 1, или концептуального референта (в терминах теории концептуальной метафоры), выступает «TIME», а исходного домена 2, или концептуального коррелята (в терминах теории концептуальной метафоры), – «MASTER». В результате перекрестного картирования в референте на первый план выходят такие черты (попадающие в общее пространство рассматриваемых доменов), как его значимость и неподвластность воле человека, способность изменять окружающее людей пространство и самого человека и ряд других. При этом остаются неактивированными такие свойства времени, как «атрибут, всеобщая форма бытия материи», «способность выражать длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире» и др. В процессе взаимодействия понятийных областей «TIME» и «MASTER» образуется бленд «TIME IS A MASTER» (см. схему 1), позволяющий нам

говорить о времени как о безжалостном господине, в руках которого сосредоточена неограниченная власть над судьбами людей, который властен над их чувствами, жизнями и т. д.

Схема 1

Примерами таких метафор могут, в частности, служить следующие строки из произведений Е. Спенсера:

- 1) All flesh is frail, and all her strength unstayed
Like a vain bubble blown up with air:
Devouring time and changeful chance have preyed,
Her glory's pride that none may it repair [10, с. 58].

Вся плоть слаба, и силою живой,
Как пузырьёк воздушный скоротечна;
Бич времени и случай роковой
Погубят славу гордую навечно [4, с. 71].

- 2) For when as day the heaven doth adorn,
I wish that *night the noyous day would end*:
and when as *night hath us of light forlorn*,
I wish that day would shortly reascend» [10, с. 86].

Ведь если день украсит небосвод,
Хочу, чтоб ночь сменила день тоскливый,
Когда же ночь безлунная придёт,
Возврата дня я жду нетерпеливо [4, с. 99].

В первом примере время выступает в роли неумолимого господина, уничтожающего все на своем пути, отбирающего у человека не только жизнь, но и славу, даже саму память о нем, что подчеркивается наличием у существительного *time* (*время*) определения *devouring* (*пожирательный*).

Во втором примере активным деятелем, вносящим изменения в ситуацию, является ночь, которая может сменить день (*night the noyous day would end*) и лишить людей возможности наслаждаться его светом (*night hath us of light forlorn*).

Однако время не всегда так безжалостно к человеку. В поэтических произведениях Е. Спенсера встречается и обожествление отрезков времени, таких, например, как времена года или сам год в целом. Так, Новый год, выглянув из ворот Января, предвещает новую радость, любовь и процветание:

- 3) New yeare, forth looking out of Janus gate,
Doth seeme to promise hope of new delight:
And, bidding th' old Adieu, his passed date
Bids all old thoughts to die in dumpish spright:
And, calling forth out of sad Winters night
Fresh Love, that long hath slept in cheerlesse bower,
Wils him awake, and soone about him dight
His wanton wings and darts of deadly power.

For lusty Spring now in his timely howre
Is ready to come forth, him to receive;
And warnes the Earth with divers-colord flowre
To decke him selfe, and her faire mantle weave [10, с. 4–5].

Открыл ворота Янус. Новый год,
Суля восторгам новым упованье,
Прощается со старым, чей уход
Похоронил все прежние желанья.
Покинуть ложе зимнего молчанья
Зовёт он Купидона, и готов
Украсить крылья резвого созданья
И стрелы, чей укол для всех суров.
Листая свой предвечный часослов,
Весне он предвещает изобилье
И нежит Землю яркостью цветов,
Сплетая ей прелестную мантилью [4, с. 17].

Весна в поэзии Е. Спенсера становится прекрасным вестником, посланником короля любви, облаченным в одеяния из цветов и предвещающим блаженство:

- 4) Fresh Spring, the herald of loves mighty king,
In whose cote-armour richly are displayd,
All sorts of flowers, the which on earth do spring,
In goodly colours gloriously arrayed;
Goe to my love, where she is carelesse layd,
Yet in her winters bowre not well awake;
Tell her the joyous time wil not be staid,
Unlesse she doe him by the forelock take [10, с. 69–70].

О, ты, Весна, герольд царя любви!
В твоём гербе – роскошные розетки
Из всех цветов, скорей их нам яви,
Раскрашенные в чудные расцветки.
Потом лети туда, где на кушетке
Любимая в чертоге зимнем спит;
Скажи ей, дни блаженства крайне редки,
Пусть ловит их за прядь и не глупит [4, с. 83].

Отметим, что в этих строках присутствует и идея того, что человек не всегда является рабом времени. Человек может влиять на время, заставить его замедлить свой бег, остановиться. Для этого надо только схватить старика-время за бороду (*she doe him by the forelock take*).

Еще одной важной метафорой, характерной для произведений ранневоанглийского периода, является «TIME IS A MOVING OBJECT / SUBJECT» («ВРЕМЯ – ПУТНИК»). При формировании этой метафоры в роли исходного домена 1, или концептуального референта, выступает «TIME», а исходного домена 2, или концептуального коррелята, – «MOVING OBJECT / SUBJECT». В результате перекрестного картирования в референте высвечиваются такие свойства, как его динамичность, возможность измерений, которые попадают в общее пространство рассматриваемых доменов. В процессе взаимодействия понятийных областей «TIME» и «MOVING OBJECT / SUBJECT» образуется бленд «TIME IS A MOVING OBJECT / SUBJECT», репрезентирующий восприятие времени как путника (см. схему 2).

Схема 2

Метафора «TIME IS A MOVING OBJECT / SUBJECT»

В качестве примеров метафоры «TIME is a MOVING OBJECT / SUBJECT» можно привести следующие строки:

- (5) Make haste therefore sweet love, whilst it is prime,
For none can call again *the passed time* [10, с. 70].
Пусть милая спешит, пока юна,
Ведь дней прошедших не вернёт она [4, с. 83].
- (6) For lo *the wished day is come* at last,
That shall, for all the paynes and sorrowes past,
Pay to her usury of long delight [10, с. 91].
Глядите! День желаемый пришёл:
Не будет больше горестей и зол,
Она восторг взамен получит скоро [4, с. 111].
- (7) And many *nights, that slowly seemed to move*,
Theyr sad protract from evening untill morn [10, с. 85–86].
И, кажется, что медленно, незримо,
Ночей тянулся скорбный хоровод [4, с. 99].
- (8) The *night is come*, now soon her disaray,
And in her bed her lay [10, с. 108].
Её разденьте к ночи поскорей,
Средь свежих простыней... [4, с. 129, 131].
- (9) The weary *year his race now having run*,
The new begins his compast course anew:
With shew of morning mylde he hath begun,
Betokening peace and plenty to ensew [10, с. 62].
Усталый год свой путь окончил ныне,
Явился новый – круг свой совершать:
Погожим утром он в своём почине
Блаженство нам сулит и благодать [4, с. 75].
- (10) So sorrow still doth seeme too long to last;
But *joyous houres doe fly away too fast* [10, с. 86].
Мы слишком долго грусти видим лик,
Но час блаженства исчезает вмиг [4, с. 99].

Во всех этих примерах время представляет собой динамичное, активное начало, находящееся в бесконечном движении, что эксплицируется в тексте с помощью употребления глаголов движения

(*to come, to pass, to move, to run, to fly*) в сочетании с лексическими единицами, номинирующими время (*day, night, year, hours*). **Время приходит** – *the wished day is come; nights, that slowly seemed to move; The night is come*); **проходит** – *the passed time*; **летит** – *joyous houres doe fly away too fast*; **мчится** – *The weary year his race now having run*. Завершив очередной цикл, обусловленный конвенциональной сменой состояний природы, например, сменой времен года, **время начинает движение по новому кругу** – *The new begins his compast course anew*. Время быстротечно и неуловимо. Оно ускользает от человека, безвозвратно унося с собой его жизнь, растворяясь в бесконечности, и человек не в силах заставить его замедлить свой бег.

Интересно отметить, что в произведениях Е. Спенсера время-путник может предстать перед читателем в образе птицы, например:

- (11) How slowly does sad *Time his feathers move*? [10, с. 107].

И машет Время крыльями незримо! [4, с. 129].

- (12) Before this worlds great frame, in which al things
Are now containd, found any being place,
Ere flitting Time could wag his eyas wings
About that mighty bound, which doth embrace
The rolling Spheres, and parts their houres by space,
That high eternall powre, which now doth moue
In all these things, mou'd in it self by loue [10, с. 25].

Когда ещё Идея всех миров
В материю не поместила семя,
И возле сфер не делало кругов
На молодых беспёрых крыльях Время,
Деля часы в пространстве между всеми, –
Та Мощь, что ныне движет все тела,
Сама Любовью движима была [4, с. 193].

Поэт наделяет время не только способностью летать, но и *крыльями (wings), перьями (feathers)*, как у птицы, что позволяет сделать метафору еще более яркой и образной.

Для ранненованглийского дискурса характерно и восприятие времени как высшей ценности, как предмета обладания, бережное отношение к которому представляется человеку эпохи Возрождения совершенно необходимым. В таких случаях можно говорить о реализации в тексте метафоры «TIME is a POSSESSION». В качестве исходного домена I, концептуального референта, в этой схеме также

выступает «TIME», а исходного домена 2, концептуального коррелята, – «POSSESSION». В результате перекрестного картирования в референте высвечиваются в первую очередь такие свойства, как его ценность, возможность его измерить. В процессе взаимодействия понятийных областей «TIME» и «POSSESSION» образуется бленд «TIME is a POSSESSION» (см. схему 3).

Схема 3

Репрезентация времени как ценности, предмета обладания выявляется, в частности, в следующих строках:

- (13) WHEN my abode's prefixed *time is spent*,
My cruell fayre straight bids me wend my way [10, с. 45].
Когда прошёл свиданья краткий час,
Меня краса отправила в изгнанье [4, с. 59].
- (14) *Thus I the time with expectation spend*,
And faine my grieffe with chaunges to beguile [10, с. 86].
В надежде трачу время молчаливо,
Стремясь печаль той сменой обмануть [4, с. 99].
- (15) *But let this day, let this one day be myne*,
Let all the rest be thine [10, с. 97].
Пусть будет только этот день – моим,
А ты – царь остальным [4, с. 117].
- (16) NOW cease, ye damsels, your delights forepast;
Enough it is, that *all the day was yours* [10, с. 108].
Девицы, наслаждались вы весь день,
Прошёл он, и теперь вам здесь не место... [4, с. 129].
- (17) *The days they waste, the nights they grieve and groan* [11, с. 26].
Их дни пусты, а ночью тяжек сон... [4, с. 153].
- (18) How slowly do the *houres* theyr numbers *spend*? [10, с. 106].
Как медленно идёт отсчёт часов... [4, с. 129].

В примерах (13) – (18) время трактуется как предмет обладания, который может принадлежать человеку, что выражается в языке при помощи сочетания темпоральных номинаций с притяжательными местоимениями (*day be myne, all the rest be thine, the day was yours*), а также как ценность, деньги, которые можно потратить, что передается с помощью глаголов *to spend, to waste* (*тратить*). Таким образом, можно говорить о том, что для человека эпохи Возрождения время становится в большей степени утилитарной ценностью, исчерпаемым ресурсом, имеющим больше экономическое значение, чем священная сущность, дарованная Богом. Время стало сродни денежной единице, собственностью человека¹. Но, несмотря на это, в поэзии Е. Спенсера существительные, обозначающие определенные отрезки времени, могут характеризоваться и как священные (*holy*), что говорит о том, что восприятие времени как Божьего дара еще характерно для носителей

¹ См. об этом подробнее [13, с. 45–46].

английского языка, живших в XVI веке. В качестве примеров можно привести следующие строки:

(19) *This day for ever to me holy is* [10, с. 104].

Этот день для меня всегда будет свят¹.

(20) *This day is holy* [10, с. 105].

Этот день священен.

В приведенных выше контекстах день описывается автором как священный (*holy*), что позволяет сделать вывод о том, что в ранневоанглийский период перцепция времени как Божественного дара все еще имеет большое значение для представителей той эпохи.

Обратимся к метафоре «*TIME is a ROAD*», отражающей восприятие времени как дороги, по которой человек движется от момента своего рождения до смертного одра. Роль исходного домена 1, концептуального референта, здесь также играет «*TIME*», а исходного домена 2, концептуального коррелята, – «*ROAD*». В результате перекрестного картирования в референте высвечиваются в первую очередь такие свойства, как возможность его измерить, изменение окружающего движущийся объект пространства. В процессе взаимодействия понятийных областей «*TIME*» и «*ROAD*» образуется бленд «*TIME is a ROAD*» (см. схему 4), репрезентирующий жизненный путь человека. Примером такого восприятия времени могут, в частности, служить следующие строки:

(21) *Thus I the time with expectation spend,
And faine my grieffe with chaunges to beguile,
That further seemes his terme still to extend,
And maketh every minute seeme a myle* [10, с. 86].

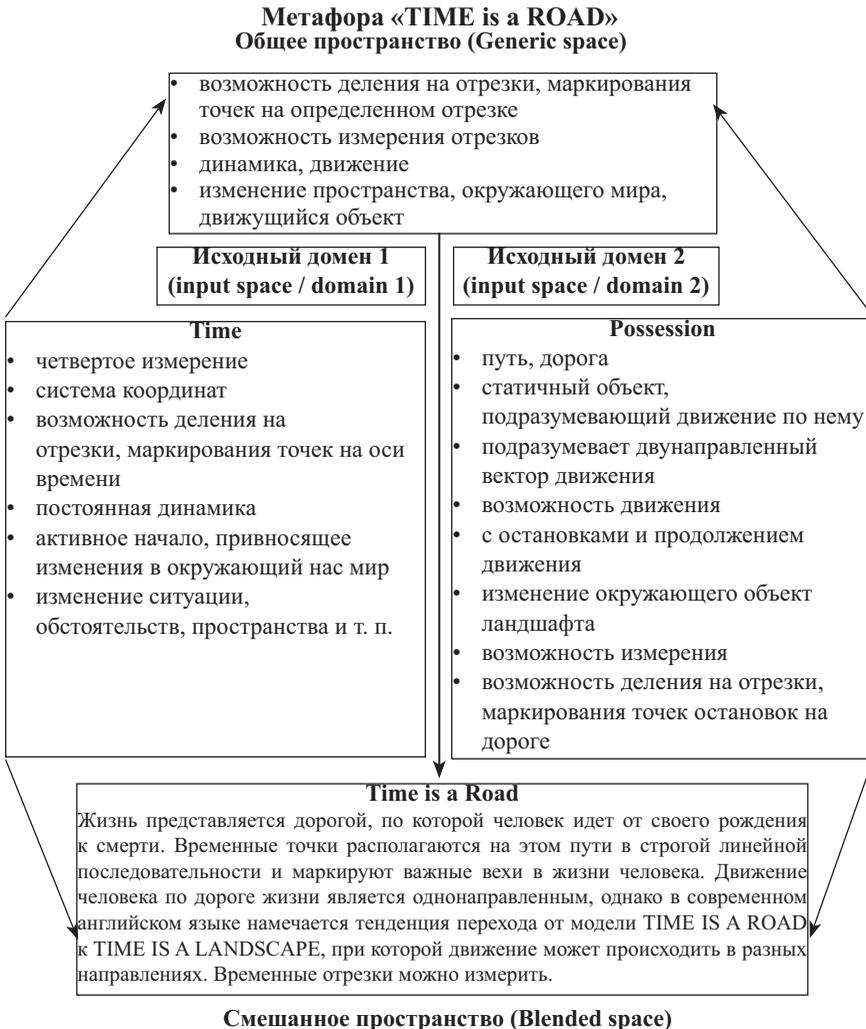
В надежде трачу время молчаливо,
Стремясь печаль той сменой обмануть,
Но снова скорбь гнетёт меня ревниво,
И кажется мне длинным краткий путь [4, с. 99].

В этом примере скорбные минуты тянутся для поэта так долго, что каждая минута кажется ему длиною с милю. И по этой горестной дороге он вынужден продолжить свой путь в надежде, что печальный отрезок его жизненного пути окончится и следующий отрезок будет более радостным и приятным. Анализ поэзии Е. Спенсера позволил

¹ Перевод примеров (19) и (20) наш. – Е. Н.

сделать вывод о том, что для писателей ранненовоанглийского периода наиболее значимыми характеристиками времени были его необратимость, быстротечность, ценность, способность изменять окружающую действительность. Оно представлялось носителям языка, с одной стороны, как дар Божий, драгоценнейший предмет обладания, с другой – как грозный господин, с властью которого невозможно бороться.

Схема 4

Время может предстать перед читателем как дорога, по которой человек движется от момента своего рождения до смертного одра, или как поток событий, в которых человек принимает активное участие. Но он не может управлять ходом этих событий, изменять существующий порядок вещей, хотя стремится к этому. Человек не может изменить установленный природой порядок, повлиять на течение времени: приблизить желанный миг или отдалить неприятный момент, поскольку существующий порядок вещей подчинен законам природы и определен Божьей волей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гурочкина А. Г., Персинина А. С.* Концепт «время» и его образная объективация в поэтическом идиолекте У. Шекспира // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: ИЯ РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – С. 201–208.
2. *Нильсен Е. А.* Модели языковой экспликации концепта ВРЕМЯ в английских художественных произведениях XVII в. // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Лингвистика. – Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2012. – № 2 (261). – С. 14–19.
3. *Нильсен Е. А.* Отражение образной составляющей концепта «время» в произведениях английских авторов XVI в. // Вестник ТГУ. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – № 12 (80). – С. 300–305.
4. *Спенсер Э.* Сонеты, песни, гимны о любви и красоте / пер. с англ. А. В. Лукьянова, В. М. Кормана; сост., ст., прим. А. В. Лукьянова. – М.: СПСЛ, Русская панорама, 2011. – 440 с.
5. *Fauconnier G., Turner M.* Mental Spaces: Conceptual Integration Networks // Cognitive Linguistics: Basic Readings / ed. by Dirk Geeraerts. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. – P. 303–371.
6. *Ferguson W. K.* Europe in Transition: 1300–1520. – Boston: Houghton Mifflin, 1962. – 625 p.
7. *Jardine Lisa.* Worldly Goods: a New History of the Renaissance. – N. Y.: Nan A. Talese, 1996. – 470 p.
8. *Jensen De Lamar.* Renaissance Europe. – Lexington: MA, 1981. – 402 p.
9. *Quinones R. J.* The Renaissance Discovery of Time // Harvard Studies in Comparative Literature. – Vol. 31. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1972. – 549 p.
10. *Spenser Ed.* Amoretti: Including the Prothalamion and the Epithalamion / by Edmund Spenser. – London: R. B. Johnson, 1904. – 128 p.

11. *Spenser Ed. Fovvre hymnes* / by Edmund Spenser. – London : printed [by Richard Field] for William Ponsonby, 1596. – 71 p.
12. *Time and the literary*. Edited by Karen Newman, Jay Clayton, Marianne Hirsch. – N. Y.–London : Routledge, 2002. – 261 p.
13. *Zabotkina V., Konnova M. Dynamics of the Time Concepts in the English and German Cultures // Präsens: collection of papers / under the general editorship of E. I. Pivovar; executive editor V. I. Zabotkina; introduction – V. I. Zabotkina, E. M. Pozdnyakova.* – M. : OLMA Media-Group, 2012. – P. 41–57.

УДК 81'27

А. А. Ржешевская

кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры иностранных языков и перевода для иностранных учащихся факультета по обучению иностранных граждан МГЛУ; e-mail: arlen_nastya@rambler.ru

О СДВИГАХ ПЕРСПЕКТИВЫ В ДРАМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты исследования языковых средств и когнитивных механизмов, реализующих сдвиги перспективы в дискурсе драмы. На материале современной английской пьесы, построенной на конфликте, показано, что многоплановый характер драмы обуславливает множественные внешние и внутренние сдвиги перспективы. Данные сдвиги реализуются несколькими взаимосвязанными когнитивными механизмами: объективации, субъективации, наведения (де)фокусирования и др.

Ключевые слова: сдвиг перспективы; внешний сдвиг перспективы; внутренний сдвиг перспективы; когнитивные механизмы; драматический дискурс.

Rzheshhevskaya A. A.

Ph. D., Senior Teacher Chair of Foreign Languages and Translation for foreign students Department for Foreign Students; MSLU;
e-mail: arlen_nastya@rambler.ru

ON THE SHIFTS OF PERSPECTIVE IN DRAMA DISCOURSE

The paper investigates linguistic means and cognitive mechanisms of perspectival shifts in drama. Analyzing the conflicts in English modern plays, the author argues that the multi-layer character of drama results in multiple external and internal shifts of perspective. These shifts are realized through a number of interrelated cognitive mechanisms – objectivation, subjectivation, zooming, (de) focusing and others.

Key words: perspective shift; internal perspective shift; external perspective shift; cognitive mechanisms; linguistic means; dramatic discourse.

Драматические произведения представляют особый интерес для изучения когнитивных механизмов перспективизации, под которой понимается реализуемое в тексте эксплицитное конструирование образа объекта (события) с точки зрения наблюдателя (концептуализатора)¹. Дискурс драмы, как известно, создается на пе-

¹ В исследованиях Р. Лэнкера и Л. Талми построение перспективы представляет собой когнитивный процесс, лежащий в основе любой коммуникации [3; 5].

ресечении нескольких планов: «драматург – читатель», «режиссер – актер», «персонаж – персонаж», «актер – зритель», «режиссер – зритель», что обуславливает необходимость множественных сдвигов перспективы по ходу прочтения (просмотра) пьесы. Сдвиг перспективы – это изменение в выстраиваемой точке зрения на объект, которое может касаться разных компонентов перспективы – субъекта, объекта, ракурса (включая оценку), дистанции, масштаба и др.

В драме реализуются два вида сдвига перспективы – внешний и внутренний. Внешний сдвиг перспективы отражает процесс смещения перспективы читателя/зрителя при его мысленном переходе из вымышленного мира пьесы в реальный мир и обратно, что позволяет читателю/зрителю интерпретировать пьесу с его собственной точки зрения.

Внутренний сдвиг перспективы способствует интерпретации читателем сюжетной линии. Он относится к плану «персонаж – персонаж» и происходит по ходу смены реплик героев пьесы, каждый из которых оценивает те или иные события со своей точки зрения. Внешний сдвиг охватывает внешние по отношению к сюжету планы, т. е. планы «драматург – читатель», «режиссер – зритель», «режиссер – актер» и др.

С когнитивных позиций, внешний сдвиг перспективы предполагает установление проекций между ментальными пространствами реального мира и мира пьесы, а внутренний сдвиг – между ментальными пространствами, запускаемыми репликами персонажей о тех или иных сюжетных событиях или героях¹. Так, в пьесе, построенной на конфликте, внутренний сдвиг будет осуществляться за счет построения персонажами ментальных пространств с контрастными перспективами.

Иными словами, если внутренний сдвиг перспективы происходит у читателя, как бы погруженного в действие пьесы и следующего за ее героями, то внешний сдвиг перспективы – это мысленное перемещение читателя/зрителя из реального мира в вымышленный мир пьесы и обратно, что позволяет читателю/зрителю переключаться с реальной системы координат на сценическую. При этом система координат реального мира, в которой существуют точки зрения драматурга и читателя/зрителя, является фиксированной относительно сюжета,

¹ О понятии ментального пространства см. [2].

в котором происходит постоянное столкновение конфликтующих персонажей. Именно наличие относительно фиксированного «взгляда» из реального мира позволяет читателю/зрителю интерпретировать события и поведение персонажей драмы с собственной точки зрения и с точки зрения драматурга.

Анализ текстов драматических произведений позволил выявить, что внутренние и внешние сдвиги перспективы в драме реализуются через ряд когнитивных механизмов: механизмы субъективации и объективации, эксплицирующие субъект или объект перспективизации; механизм интерсубъективации, характеризующий типы взаимоотношений между участниками конфликта; механизмы наведения и отдаления, уточняющие степень детализации описания объекта; механизмы (де)фокусирования, смещающие внимание с одних свойств объекта на другие [1]. Однако у каждого типа сдвигов есть своя иерархия механизмов перспективизации и свои языковые средства.

Так, в реализации внешнего сдвига участвуют главным образом такие механизмы, как объективация, наведение/отдаление, интерсубъективация и (де)фокусирование.

Внешний сдвиг перспективы читателя обеспечивается глобальными сеттингами к пьесе, локальными сеттингами к актам, межрепликовыми ремарками, а также в отдельных случаях – графическими способами выделения слов и выражений в репликах персонажей драмы. В качестве языковых средств используются имена собственные (топонимы, личные имена), временные формы глагола (особенно настоящее время), пространственный дейксис, глаголы с семантикой физических действий и др.

Рассмотрим в качестве примера локальный сеттинг пьесы П. Шаффера «Упражнение для пяти пальцев» («Five Finger Exercise»), демонстрирующий взаимодействие когнитивного механизма перспективизации наведения/отдаления:

SCENE – *The same. The following morning.*

When the CURTAIN rises, it is a bright, cold day. The table is set for breakfast. WALTER is standing up L of the table, holding two plates with the remains of kippers. PAMELA is seated on the upstage end of the bench L of the table, reading “The Sunday Times”, which is spread on the downstage end of the bench. She wears jodhpurs and shirt. WALTER crosses and puts the plates on the sideboard [4, с. 63].

Первые два эллиптических предложения (*The same. The following morning*) задают относительно крупный масштаб описываемой сцены (механизм отдаления), что подтверждает отсутствие деталей и простая отсылка читателя к предыдущему акту пьесы. Далее происходит детализация местоположения персонажей и их действий на сцене, что указывает на смену отдаления механизмом наведения. Следует отметить, что переход к большей детализации, а также употребление настоящего простого и продолженного времени сокращает ментальную дистанцию между читателем и событиями.

Языковыми средствами реализации механизма наведения служат местоименные и временные дейктические единицы (*the same, the following morning*); имена личные (*Walter, Pamela*), имя собственное (название газеты «The Sunday Times»); временные формы глаголов (настоящее время: *She wears...*; *WALTER crosses and puts...*); настоящее продолженное время (*WALTER is standing*); пассивные конструкции, обозначающие состояния (*PAMELA is seated...*; *The table is set for breakfast*). Данные языковые средства, потенциально указывающие на полимодальность театрального кода, описывают главным образом расположение действующих лиц и предметов на сцене (*WALTER is standing up L of the table...*; *PAMELA is seated on the upstage end of the bench L of the table...*; *...The Sunday Times, which is spread on the downstage end of the bench*). Примечательно также предложение *When the CURTAIN rises*, которое содержит референцию к занавесу как неотъемлемому атрибуту театрального действия и таким образом «стирает границу» между реальным миром читателя / зрителя и вымышленным миром пьесы, осуществляя переход перспективы зрителя / читателя в пространство пьесы. Этот переход становится еще более очевидным благодаря тому, что данное предложение является зависимым по отношению к предложению *it is a bright, cold day*, в котором имплицитно представлена точка зрения персонажей.

Анализируемый фрагмент демонстрирует проявление перцептивной перспективы, поскольку в нем приводится описание физически воспринимаемых особенностей событий (*rises, bright, standing, holding, crosses, puts*). Примечательно, что преобладание перцептивного модуса описания действий персонажей (актеров) на сцене указывает, в свою очередь, на преобладание механизма объективации над субъективацией, выраженной в данном отрывке имплицитно (в частности лексемы *upstage, downstage*). В целом описание в приведенном

отрывке текста носит отстраненный характер, представляя, по сути, простое перечисление действий персонажей. На механизм объективации указывают отсутствие оценочной атрибутивной и присутствие стилистически нейтральных лексем и выражений.

В то же время преобладание стороннего, объективного взгляда на события на сцене не отменяет возможности действия механизма субъективизации. Подтверждением этому случит цитируемое нами ранее предложение *it is a bright, cold day*, которое имплицитно указывает точку зрения персонажей.

Внутренний сдвиг обеспечивается репликами персонажей, в которых (поскольку речь идет о конфликтном взаимодействии) нередко отражается эмоциональная оценка событий героями, что обуславливает значимость когнитивного механизма субъективации. В то же время диалоговый характер пьесы обуславливает постоянное противопоставление перспектив, либо согласование точек зрения при стремлении сгладить конфликт. Это в целом приводит к значимости таких когнитивных механизмов, как интерсубъективация и дефокусирование. Языковыми средствами данного типа сдвигов служат оценочная лексика, лексические и синтаксические повторы, параллельные конструкции, отрицательные конструкции, пассивные конструкции, персональный дейксис и др.

Рассмотрим в качестве примера фрагмент из пьесы К. Уотерхауса и У. Холла «Билли-лжец»:

Billy: Well, you want to tell whoever saw me to mind their own fizzing business.

Alice: It is our business – and don't you be so cheeky. You're not old enough for that.

Florence: If she's coming for her tea this afternoon she wants to tell her. If she doesn't I will.

Billy: I suppose that she who's coming for her tea is Barbara and she who wants to tell her is Mother and...

Alice: I've told you – shut up. I'm going to tell her, don't you fret yourself. You've never played fair with that girl. Carrying on. I'm surprised she bothers with you. You shouldn't mess her about like that. One and then the other. That's no way to carry on. I know where you'll finish up – you'll finish up with none of them – that's where you'll finish up.

Geoffrey: He'll finish up on his *bloody* ear-hole. I'm *not* having him staying out half the night. *Not at his age. He's not old enough.* He'll wait till he's twenty-one before he starts them *bloody* tricks. I've told him before, he can start coming in of a night or else go and live somewhere else.

Billy: *Perhaps I will do* [6, с. 243–244].

Приведенный отрывок отражает одновременно взаимодействие и столкновение нескольких точек зрения – Билли (сына), Элис (матери), Флоренс (бабушки), Джеффри (отца). Элис, Флоренс и Джеффри недовольны поведением несовершеннолетнего Билли, что и служит поводом для конфликта. Билли противопоставляет свою позицию мнению других людей, выражая это в реплике *Well, you want to tell whoever saw me to mind their own fizzing business*, в которой также задействован механизм объективации. Так, употребление местоимения *you* фактически отождествляет его с личным местоимением 1-го л. *I*. Это указывает на прием самодистанцирования и одновременного на попытку субъекта перспективизации завуалировать собственную точку зрения. Таким образом, данная реплика обнаруживает имплицитную перспективу. Эксплицитная перспектива раскрывается в репликах родственников Билли. Так, Элис указывает на то, что поведение Билли – это дело не кого-либо, а дело их семьи, что подтверждается ее фразой *It is our business*. Реплика Элис также содержит указание на рациональную перспективу: *You are not old enough for that*. Подобная рациональная перспектива дублируется в реплике Джеффри: *He's not old enough*. В свою очередь, рациональная перспектива сочетается с эмоциональной, что отражается в использовании инвективной лексики (*bloody, fizzing*) и перебивании (*shut up!*). Кроме этого, реплики Элис и Джеффри содержат лексические повторы (*you'll finish up – you'll finish up ... you'll finish up*) и отрицания (*don't you be so cheeky; don't you fret yourself; You shouldn't mess her about like that; That's no way to carry on; you'll finish up with none of them; Not at his age; He's not old enough*), а также параллельные конструкции, которые присутствуют в реплике Флоренс (*If she's coming... If she doesn't...*). Схожие мнения Элис и Джеффри в данном эпизоде демонстрируют солидаризацию, в ходе которой реализуется механизм интерсубъективации. Их объединенные точки зрения противопоставляются перспективе Билли. В репликах персонажей отмечается частичный лексико-синтаксический повтор:

Billy: ... their own fizzing business.

Alice: It is our business ...

Таким образом, данный эпизод демонстрирует тот факт, что конфликтующие стороны, чьи мнения противопоставляются, вносят общий вклад в конструирование образа объекта ситуации, в данном эпизоде – поведения Билли. Выбранный нами пример подтверждает присутствие нескольких точек зрения на одну ситуацию (т. е. полиперспективность конфликтного драматического дискурса), что достигается через действие механизма интерсубъективации, позволяющего вводить и соотносить разные мнения об одном и том же референте.

Для иллюстрации совместного вклада персонажей в конструирование образа объекта в условиях конфликтного взаимодействия в драме на концептуальном уровне, изобразим схематично (рис. 1) взаимодействие Элис, Флоренс, Джеффри и Билли в виде ментальных пространств (МП).

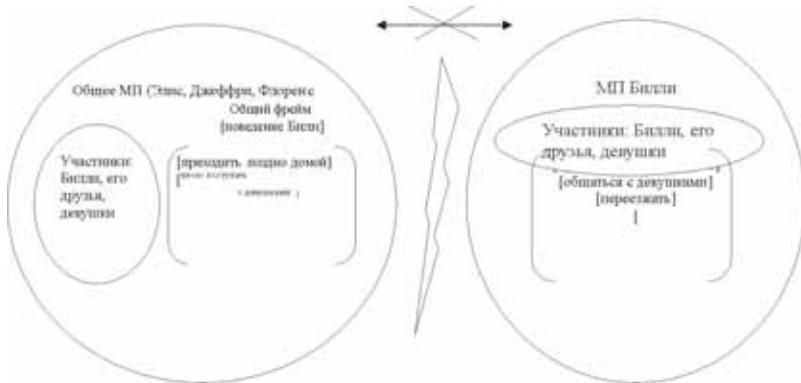

Рис. 1. Внутренние сдвиги перспективы:
фрагмент пьесы К. Уотерхауса и У. Холла «Билли-лжец»

В результате действия механизма интерсубъективации ментальные пространства Элис, Флоренс и Джеффри сливаются в единое общее ментальное пространство, противопоставленное ментальному пространству Билли. Противопоставленные МП обладают сходным набором концептуальных компонентов (участников), но разным набором признаков, задающих различия в ракурсе перспективизации и в оценке. Так, участниками обоих МП являются Билли и его друзья, при этом оба МП структурируются общим фреймом [поведение Билли], включающим в себя частные фреймы [общаться с девушками]

и [приходить поздно домой]. Однако компоненту «Билли», который является центральным объектом перспективы, в обоих МП приписываются разные признаки (роли): в МП Эллис, Флоренс и Джеффри он наделяется признаками «несовершеннолетний», «сын», «внук», а его поведение получает оценку «неприемлемое». В МП Билли на первый план выходят признаки «самостоятельный человек», «взрослый человек», а поведение Билли оценивается им самим как «приемлемое». Иными словами, при сходстве общей структуры обоих МП, наблюдается различия в ракурсе (выделенных свойствах) и общей оценке событий.

Динамика построения перспективы в драме проявляется не только во взаимодействии различных механизмов перспективизации, но и в том, что при построении перспективы на уровне текста пьесы в целом эмоциональная перспектива сочетается с рациональной (хотя и преобладает над последней), контраст точек зрения сменяется их солидаризацией, а фиксированная перспектива сменяется переменной.

Современные англоязычные пьесы, отражающие конфликтное коммуникативное взаимодействие персонажей, демонстрируют тот факт, что авторские ремарки служат, главным образом, для обеспечения внешнего сдвига перспективы, в то время как реплики персонажей осуществляют внутренний сдвиг перспективы. Особое значение при этом имеет реализация таких когнитивных механизмов построения перспективы, как субъективация, объективация и интерсубъективация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ирисханова О. К.* О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. – № 15. – Тамбов: ТГУ, 2013. – С. 43–58.
2. *Fauconnier G.* Mental Spaces. – Cambridge : CUP, 1994. – 190 p.
3. *Lagnacker R. W.* Grammar and Conceptualization. – Berlin–N. Y. : Mouton de Gruyter, 2000. – 427 p.
4. *Shaffer P.* Five Finger Exercise // Modern English Drama. – М.: Raduga Publishers, 1984. – P. 35–156.
5. *Talmy L.* Figure and Ground in Complex Sentences // Working Papers on Language Universals. – Stanford: SUV, 1978. – P. 627–649.
6. *Waterhouse K., Hall B.* Billy Liar // Modern English Plays. – М.: Progress Publishers, 1966. – P. 233–336.

УДК 81.22

О. Н. Павленкова

аспирант кафедры стилистики английского языка МГЛУ;
e-mail: lady.pavlencko2012@yandex.ru

ЛИТОТА КАК СРЕДСТВО СЕМАНТИЧЕСКОГО ДЕФОКУСИРОВАНИЯ В СТИЛИСТИЧЕСКОМ ПРИЕМЕ АНТИТЕЗЫ

В статье рассматриваются возможности смещения семантического фокуса в стилистическом приеме антитезы при употреблении литоты, которая может присутствовать как в одной, так и в двух противопоставляемых концептологических категориях. Автор выдвигает гипотезу, что использование антитезно-литотных конструкций дает возможность дефокусировать не только эксплицитные, но и имплицитные говорящим свойства объектов и явлений онтологической реальности для достижения более сильного перлокутивного эффекта.

Ключевые слова: литота; антитеза; антитезно-литотные конструкции; семантическое дефокусирование; фокус; «игры фокуса».

Pavlenkova O. N.

Ph. D., candidate, Department of English Stylistics, MSLU;
e-mail: lady.pavlencko2012@yandex.ru

LITOTES AS A MEANS OF SEMANTIC DEFOCUSING IN THE STYLISTIC DEVICE OF ANTITHESIS

The article deals with the possibilities that are opened at the shifting of the semantic focus in the stylistic device of antithesis with the help of litotes, which can be contained in one or two contradicting concept fields. The author makes a hypothesis that antithesis-litotes constructions give an opportunity to defocus not only explicit, but also implicated by the speaker qualities of the objects and things of the ontological reality for achieving a stronger perlocutionary effect.

Key words: litotes; antithesis; antithesis-litotes constructions; semantic defocusing; focus; «focus games».

В настоящее время в лингвистике происходит переориентация на изучение гибридных дискурсивных явлений, что обусловлено междисциплинарным и полимодальным характером современной лингвистической науки.

В этой связи нас заинтересовали коммуникативные стратегии «игр фокуса» в языке, реализуемые посредством семантического дефокусирования в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы,

разрабатываемые О. К. Ирисхановой. Свои исследования О. К. Ирисханова проводила на примере стилистического приема эвфемизма [2]. Мы полагаем, что механизм дефокусирования открывает интересные перспективы для анализа перлокутивных эффектов и других стилистических приемов, так как данный механизм представляет собой «один из универсальных языковых механизмов, лежащих в основе разнообразных языковых и речевых фактов – от морфологических до дискурсивных» [2, с. 295]. Выбор направления данного исследования определяется общей тенденцией современных когнитологов к преодолению границ между когнитивной семантикой и прагматикой и смещением акцента с константности на динамичность различных лингвистических явлений. Интересно, что на способность стилистических приемов передавать не только статичные, но и переменчивые оттенки, еще в середине XX в. обратил внимание И. Р. Гальперин. В своих «Очерках по стилистике английского языка» он писал, что литота может передавать «едва уловимые и противоречивые» оттенки и непостоянство описываемых характеристик, т. е. их неконстантность [1].

Материал нашего исследования мы ограничили публицистическим дискурсом. Его специфика, как средства «регулирующего совместные действия социальных групп и языковых коллективов» [4, с. 54], предполагает использование литоты как одного из способов косвенной передачи необходимой информации для реализации «подводных» стратегий и способов воздействия на реципиента. Однако мы сделали акцент на анализе комбинированных стилистических приемов, так как считаем, что они могут обладать большой стилистической экспрессивностью, которая достигается смещением фокуса основного стилистического приема, в нашем случае антитезы, с помощью вспомогательного, представленного литотой. Следует обратить внимание, что оба эти приема являются семантически сходными. Поясним, что под литотой мы понимаем троп, построенный на иносказании и передаваемый с помощью отрицательной частицы и лексического средства выражения отрицания, как эксплицитного (с помощью негативных аффиксов) или имплицитного (негативная коннотация). Антитеза, как известно, основывается на противопоставлении, порой на резком противопоставлении понятий и образов.

Употребление литоты позволяет дефокусировать основное контрастное значение антитезы, сделав сдвиг по оценочной шкале

противопоставляемых семантических значений. Проведенный нами анализ показал, что антитезно-литотная конструкция может быть симметричная (когда литота присутствует в обеих частях антитезы) и асимметричная¹ (литота есть только в одной части антитезы), что, в свою очередь, обуславливает сбалансированные или дисбалансированные аттенциональные сдвиги в рамках полярных семантических детерминантов концептуальных полей антитезы. Более того, мы полагаем, что симметричные антитезно-литотные конструкции достаточно редко встречаются по сравнению с асимметричными, что, возможно, определяется большей стилистической нагрузкой и воздействующим эффектом последних.

Рассмотрим пример асимметричной антитезно-литотной конструкции, которая позволяет автору сместить центр фокуса антитезы, усилив ее перлокутивный эффект.

В статье блога газеты «The Telegraph» автор Т. Corrigan смещает фокус заголовка статьи, употребив литоту во второй части антитезы:

Interest Rate Cut will Help some but not without Hurting others (04.12.2008) [8].

В первичном фокусе антитезы – противопоставление значений глаголов *help* и *hurt*. В статье речь идет о правительственных реформах, направленных на снижение процентных ставок для увеличения притока капитала в банки. Однако результатом такой политики может стать снижение доходов пенсионеров и других слоев населения, которые живут на проценты от вкладов. Употребление литоты позволяет сместить фокус с общего противопоставления двух понятий (*помощь 50% – боль 50%*) на негативную сторону антитезы (*помощь 30% – боль 70%*). Далее позиция автора подтверждается структурой всей статьи. В первой части приводятся аргументы за необходимость реформ, т. е. раскрывается первая часть антитезы (*help*). Во второй, фокусно более важной части – негативные последствия, которые может повлечь за собой снижение процентной ставки в банках, т. е. поясняется вторая часть антитезы (*hurt*). Более того, в последнем абзаце статьи опять используется асимметричная антитезно-литотная конструкция,

¹ Термины «симметричный» и «асимметричный» впервые были использованы в лингвистическом контексте С. И. Карцевским в статье «Об асимметричном дуализме языкового знака» (1929) [3] и являются в настоящее время базовыми категориями языка.

но литота стоит уже в первой (тематической) части, суммируя изложенную в статье информацию:

That doesn't mean that cutting rates was the wrong thing to do. It just means that, once again in this crisis, each beneficial measure also brings more pain.

Теперь, в первичном фокусе противопоставляются мнения автора о реформах: *the wrong thing to do – beneficial measure*. Литота помогает смягчить резкость высказывания относительно предпринимаемых мер, которые нужны, несмотря на то что приносят боль определенной категории населения.

При этом раскрывается значение литоты, употребленной в антитезном заголовке статьи *not without hurting → brings more pain* и подчеркивается негативное отношение автора к проводимым в стране реформам.

Таким образом автору с помощью литоты, употребленной в нескольких антитезно-литотных конструкциях, удалось, с одной стороны, избежать резкой критики проводимых реформ, с другой стороны, обратить внимание читателей на серьезные негативные последствия происходящих изменений для социально незащищенных групп населения.

Еще один интересный пример асимметричной антитезно-литотной конструкции встречается в эссе «The True Friend» [9] английского епископа и автора многочисленных религиозных работ Джозефа Холла (1574–1656). В эссе дается характеристика человека, которого можно считать настоящим другом. Эссе начинается с антитезы, подчеркивающей противоречивость человеческой природы, и делается акцент на том, что переживания за близкого друга превалируют над мыслями о себе.

His affections are both united and divided: united, to him he loveth; divided, betwixt another and himself: and his own heart is so parted, that, while he hath some, his friend hath all.

Далее, в центре произведения, где речь идет об уходе близкого друга в мир иной, автор употребляет антитезу с литотой:

When his mate is dead, he accounts himself but half alive: then his love, not dissolved by death, derives itself to those orphans, which never knew the price of their father: they become the heirs of his affection, and the burden

of his cares. He embraces a free community of all things; save those, which either honesty reserves proper, or nature: *not by untruth, not by flattery; but by discreet secrecy*: neither is he more favourable in concealment, than round in his private reprehensions; and, when another's simple fidelity shews itself in his reproof, he loves his monitor so much the more by how much more he smarteth. His bosom is his friend's closet, where he may safely lay up his complaints, his doubts, his cares: and look, how he leaves, so he finds them; save for the addition of seasonable counsel for redress. If some unhappy suggestion shall either disjoint his affection or break it, it soon knits again; and grows the stronger, by the stress [9].

В приведенном примере в первичном фокусе противопоставляются понятия неправда, лесть и тактичное умение хранить тайну. Включение литоты в состав антитезы смещает фокус так, что противопоставляемые на первый взгляд характеристики: *неправда (untruth)*, *лесть (flattery)* и *умение хранить тайну (secrecy)* переходят из отрицательных в положительные. Они подготавливают читателя к восприятию фокусно более значимой для автора характеристики, максимально усиливая ее: *не неправда (not untruth)* → *правда (truth)*; *не лесть (not flattery)* → *искренность (sincerity)* → *умение хранить тайну (discreet secrecy)*.

Таким образом, употребление асимметричных антитезно-литотных конструкций дает возможность не только сдвигать фокус на одну из частей антитезы, но и одновременно усиливать или ослаблять противопоставляемую категорию, находящуюся в фокусе конкретного локутивного акта.

Рассмотрим аттенциональные сдвиги в симметричной антитезно-литотной конструкции, употребленной в эссе Дж. Аддисона (1672–1719) «Laughter» [6], в котором автор юмористически размышляет о смехе и насмешке, их месте в жизни человека.

Man is the merriest Species of the Creation, all above and below him are Serious. He sees things in a different Light from other Beings and finds his Mirth rising from Objects that perhaps cause something like Pity or Displeasure in higher Natures. Laughter is indeed a very good Counterpoise to the Spleen; and it seems but reasonable that we should be capable of *receiving Joy from what is no real Good* to us, since we can *receive Grief from what is no real Evil* [6].

В первичном фокусе антитезы идет противопоставление двух понятий: *добро (good, joy)* → *зло (evil, grief)*. Употребление литоты дает

возможность размыть границы четко полярных понятий онтологической реальности: *добро (good) → не подлинное добро (no real good)*; *зло (evil) → не годливное зло (no real evil)*, сместив акцент на индивидуальное восприятие и понимание этих двух сущностей каждым человеком. Как пишет А. Шопенгауэр: «Меланхолик примет за трагедию то, в чем сангвиник увидит лишь интересный инцидент, а флегматик – нечто, не заслуживающее внимания» [5, с. 100].

Еще один пример асимметричной антитезно-литотной конструкции встречается в статье «Promo Lands Buffet in Soup» [7]:

In a country rife with mis-selling of financial products, critics says, offering unrelated incentives will further undermine standards and set a precedent for others to follow. They stress, however, that regulation is unclear and Buffett has done nothing illegal.

“It’s not completely ethical, but then it’s not against the letter of the law either”, says S.W. Mathur, secretary general of the life insurance council.

“It’s purely a gimmick, which is not known to the insurance industry so far. We are not in favour of it,” said Kammalji Sahay, CEO of Star Union Dai-ichi Life insurance (*«The Financial Times»*, 24.03.2011).

В статье речь идет о поездке известного миллионера Уоррена Баффета в Индию, во время которой он предложил организовать вечернюю презентацию для всех покупателей автомобильной страховки компании «Беркшир Иншуранс». Такой рекламный ход стимулировал продажи достаточно дорогой страховки. Однако манипулятивные действия У.Баффета вызвали бурный общественный резонанс. Глава совета по страхованию жизни С.Матхур использует литоту в составе антитезы для комментирования сложившейся ситуации, давая себе возможность смягчить резкую критику и повернуть негативную оценку события в позитивную. Он назвал рекламное предложение Баффета не совсем этичным, но и не противоречащим закону.

Изначально в первичном фокусе антитезы два понятия: противоречие моральным нормам – незаконно. Однако литота позволяет сдвинуть фокус таким образом, что внутри обеих концептологических категориях знак «–» меняется на «+»: *не совсем этично → в принципе допустимо; не противоречит закону → законно*. Так, с помощью употребления антитезно-литотной конструкции С.Матхуру удается не только показать несостоятельность поднявшейся критики, но и придать негативной характеристике У. Баффета позитивный оттенок.

Таким образом, в симметричных антитезно-литотных конструкциях не нарушается равновесие между двумя противопоставляемыми концептуальными полями антитезы, а сдвиг фокуса происходит внутри каждого из них. Следует также отметить, что перцептивное восприятие одной и той же антитезно-литотной конструкции разными коммуникантами может отличаться в зависимости от общего уровня развития индивидов и конкретной референтной ситуации.

В заключение подчеркнем еще один момент. Употребление литоты в антитезе дает возможность сместить фокус не только на релевантные эксплицитные свойства объекта, но и на имплицитные и только подразумеваемые характеристики, расширяя таким образом границы восприятия референтом объектов внешнего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
2. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
3. *Карцевский С. И.* Об ассиметричном дуализме языкового знака // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. – Ч. 2. – М. : Просвещение, 1965. – С. 85–90.
4. *Сескутова И. К.* Публицистические тексты в стилистическом измерении // Стилистика в современных лингвистических исследованиях. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 53–59. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 5(611). Сер. Языкознание).
5. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости. – СПб. : Азбука, 2014. – 304 с.
6. *Addison J.* Laughter. – URL: <http://grammar.about.com/od/classicessays/a/addlaughter.htm>
7. *Akanksha A.* Promo Lands Buffet in Soup dt. 24.03.2011 // The Financial Times. – URL: <http://blogs.ft.com/beyond-brics/2011/03/24/promo-lands-buffet-in-soup/#axzz2GinBgc1S>
8. *Corrigan T.* Interest Rate Cut will Help some but not without Hurting others. dt. 04.12.2008 // The Telegraph. – URL: http://blogs.telegraph.co.uk/finance/tracycorrigan/5893997/Interest_rate_cut_will_help_some_but_not_without_hurting_others/
9. *Hall J.* The True Friend. – URL: <http://grammar.about.com/od/classicessays/a/The-True-Friend-By-Joseph-Hall.htm>

УДК 81'22

О. В. Попова

ст. преподаватель кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail: domolgi@rambler.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В БЛОГОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются способы именования общественно-политических деятелей в англоязычных и русскоязычных блогах. Сопоставление примеров из двух языков позволяет выявить современные тенденции в использовании онимов для выражения субъективной оценки.

Ключевые слова: блог; имя собственное; оценка; интернет-дискурс.

Popova O. V.

Senior Lecturer, Department of Second Foreign Language of Pedagogical FacultiesMSLU; e-mail: domolgi@rambler.ru

THE USE OF PROPER NAMES IN BLOGS: A COMPARATIVE STUDY

The article studies ways of naming public figures in English and Russian language political blogs. Analyzing examples from the two languages reveals modern tendencies in the use of proper names as a means of evaluation.

Key words: blog; proper name; evaluation; internet discourse.

Коммуникация в Интернете имеет ряд особенностей: общение осуществляется посредством технических средств (компьютер, планшет, смартфон), в виртуальной реальности, когда коммуниканты разделены во времени и пространстве и могут сохранять полную или частичную анонимность. В результате интернет-дискурс характеризуется отсутствием каких-либо социальных, экономических и психологических барьеров, свойственных традиционным формам коммуникации [4]. Анонимность способствует большей раскрепощенности участников коммуникации в выражении своих мыслей и чувств, обеспечивает свободу в выборе языковых средств, стимулирует креативность и словотворчество. Такая свобода, в свою очередь, ведет к нарушению норм литературного языка (грамматическим и орфографическим ошибкам, обилию сниженной лексики и т. д.), а также к нарушению общепринятых поведенческих норм, правил вежливости, субординации и т. д. [3].

Существенными характеристиками блога, отличающими его от других жанров интернет-дискурса, являются прежде всего сочетание монологической речи (собственно авторская запись в блоге) и диалогической речи (читатели блога посредством комментариев могут вступать в дискуссию как с автором, так и с другими читателями), а также нацеленность блога на массового читателя. В то время как электронная почта обеспечивает исключительно межличностную коммуникацию, а форумы и чаты – в основном групповую коммуникацию, авторы блогов обращаются не только к группе зарегистрированных пользователей, но и к неограниченному кругу потенциальных участников. Широта охвата и высокая степень вовлеченности сближают блогговую коммуникацию с языком СМИ. Вместе с тем в отличие от традиционных СМИ, в задачи которых входит информирование читателя и формирование у него определенного отношения к проблеме, для блога важен сам факт наличия обратной связи, выражаемой в количестве полученных комментариев, без учета модуса оценки [4]. По сути, блог представляет собой площадку для обсуждения, где авторская запись (пост) становится лишь поводом для дискуссий между комментаторами.

Как правило, запись в блоге (пост) содержит в себе следующие компоненты: а) заголовок; б) «тело» поста – высказывание автора на некую тему; в) комментарии читателей, на которые, в свою очередь, может реагировать и автор поста. Поскольку сочетание монологической и диалогической речи является характерной особенностью жанра блога, читатели автоматически становятся соавторами той или иной записи [2], что дает основание включить комментарии к записям в исследуемый языковой материал.

В связи с тем, что блогговая коммуникация осуществляется путем обмена письменными сообщениями, но при этом носит неофициальный, лично ориентированный характер, данный формат сочетает в себе черты письменной и разговорной речи [4].

Экспрессивность языка блогов и эмоциональный настрой коммуникантов при обсуждении конкретных политических и общественно значимых событий, влияют на выбор языковых средств, в том числе и на выбор личных имен [3]. В этой связи интересным представляется установить общие закономерности и различия в способах именования политических и общественных деятелей в русском и английском языках.

Принципиальное отличие имени собственного от нарицательного заключается в том, что оно дается конкретному, индивидуальному объекту и называется не класс предметов, а один конкретный предмет. В качестве основных функций имен собственных в речи большинство лингвистов отмечают номинативную, идентифицирующую и дифференцирующую [1]. Кроме того, поскольку имена собственные являются единицами языка и речи, они выполняют также ряд функций, свойственных и нарицательным именам: коммуникативную, аппелятивную, экспрессивную, дейктическую, аккумулятивную [6]. В отличие от нарицательных имен (президент, премьер-министр), выражающих понятия о представителях класса, антропоним называет конкретное лицо (номинативная функция), выделяя его из всех других людей (дифференцирующая функция) и позволяет опознать носителя имени (идентифицирующая функция).

Однако одного и того же человека, в зависимости от ситуации общения и ряда других экстралингвистических факторов, можно назвать полным именем или только по фамилии, по имени (включая девичьи), по имени и отчеству, возможно намеренное искажение фамилии или имени, а также использование прозвища. Различные способы номинации позволяют не только назвать конкретного человека, но и сообщить о его родственных связях или происхождении (социальная функция), выразить уважительное или, наоборот, пренебрежительное отношение к данному лицу, вызвать у адресата положительные или отрицательные эмоции в адрес денотата, антропонимы прозвищного типа могут выполнять также и характеризующую функцию.

В качестве объектов данного исследования выступили только те именованья, которые были образованы от личных имен или фамилий реальных лиц, а не мотивированы особенностями внешности человека, чертами характера либо другими индивидуальными факторами, составляющими основу прозвищ. Вместе с тем в исследование включены примеры такого искажения фамилий, которое придает им характер прозвищ.

С точки зрения выражения оценки, используемые в английских и русских блогах именованья людей можно разделить на нейтральные и эмоционально окрашенные. Однако отнесенность конкретной ономастической единицы к нейтральным или эмоционально окрашенным культурно обусловлена. Так, в англоязычных культурах распространена практика использования уменьшительного имени

в качестве официального, в то время как в русскоязычной культуре случаи использования диминутивов для названия официальных лиц, как правило, эмоционально окрашены.

I observe merely that it gives everyone permission to discuss *Ed Miliband's* image problem, which is not helpful to the Labour leader (<http://blogs.independent.co.uk/2014/07/26/ed-milibands-unwise-speech/>).

Полное имя британского политика, лидера оппозиционной лейбористской партии – Edward Samuel Miliband, на официальном сайте британского парламента (<https://www.parliament.uk/>) его полное имя урезается до *Edward Miliband*, однако во всех средствах массовой информации, включая блоги, в качестве способа номинации используется сокращенная форма имени – *Ed Miliband*. При этом никакой эмоциональной и стилистической нагрузки в таком способе именования нет и форма является полностью нейтральной. В то же время уменьшительная форма *Eddy* применительно к тому же лицу приобретает экспрессивный оттенок, необязательно отрицательный:

We have to hope and pray (even as atheists) that *Eddy Miliband* wins this leadership campaign (<http://giroscope.blogspot.ru/2010/06/new-balls-please-no-thanks.html>).

В данном случае диминутив *Eddy* использует явный сторонник Милибэнда, высказывающий надежду, что именно этот политик возглавит лейбористскую партию.

Напротив, в русскоязычной политической культуре случаи стилистически нейтрального использования уменьшительных имен крайне редки и обусловлены такими экстралингвистическими факторами, как возраст и социальный статус референтов.

Стоило бы поучиться сплоченности у политических противников (либералов): вчера Кудрин был в правительстве, сегодня раз и он уже на оппозиционном митинге; вчера *Маша Гайдар* боролась с властью, сегодня раз и она уже в администрации области у Белых (<http://roman-n.livejournal.com/6816265.html>).

Использование сокращенной формы *Маша* в данном примере не несет в себе ни положительной, ни отрицательной экспрессивной окраски, что подтверждается одновременным использованием стилистически нейтрального имени *Кудрин*. Можно предположить, что уменьшительная форма личного имени (без экспрессивных

суффиксов) в адрес молодого политика, не занимающего ответственных постов, вполне допустима и не звучит оскорбительно. Однако аналогичная форма номинации в отношении действующего премьер-министра приобретает пренебрежительный, фамильярный оттенок:

Большевики и их последователи по сей день оскверняют истинный образ царя – Николая Александровича Романова. И вот в комментариях вижу, что мол «тряпкой» он был как нынешний *Дима Медведев* (<http://sadalskij.livejournal.com/1870655.html>).

Еще больше экспрессии добавляют формы имени с оценочным суффиксом *-он*:

Димон Медведев уже сокращал чиновников на 20 %, после этого их количество увеличилось на 30 % (<http://shri-boomer.livejournal.com/247461.html>).

В некоторых случаях в качестве способа номинации выбирается одно только имя, без фамилии. Идентификация объекта в таком случае осуществляется не столько при помощи онима, сколько из контекста сообщения или на основе имеющихся у коммуникантов экстралингвистических знаний. Можно сказать, что в таком случае на первый план выходит коммуникативная функция антропонима, т. е. имя уже известно собеседникам и служит основой сообщения:

Interesting story in the *Sun* this morning that *Boris* is considering changing his mind about a third term as London mayor and may run again in 2016 (<http://order-order.com/2013/09/05/bojos-road-to-downing-street/>).

В данном примере для идентификации объекта служит не столько оним *Boris*, сколько нарицательное *mayor* в сочетании с топонимом *London*. Предполагается, что фамилия лица собеседникам известна и автор не считает нужным озвучивать ее специально. Общий тон сообщения звучит нейтрально, именование должностного лица по имени не несет в себе какой-либо экспрессивности.

Рассмотрим аналогичный пример из русскоязычного блога:

Вот и сейчас – у Собянина программа вообще отсутствует. Просто бессмысленный набор каких-то штампов. У *Алексея* программа есть (<http://eugenyshultz.livejournal.com/470951.html?page=7#comments>).

В процитированном отрывке речь идет о предвыборной кампании на пост московского мэра, причем один из кандидатов назван по фамилии, другой по имени. Очевидно, что темой высказывания являются

не личности кандидатов, а качества их программ. Использование полной формы личного имени *Алексей* стилистически нейтрально, также как использование фамилии *Собянин*. В свою очередь, выбор уменьшительной формы в качестве способа именованя, напротив, придает высказыванию разговорный оттенок и служит для выражения оценки. В русском языке эмоциональная нагруженность диминутивов в отношении общественных деятелей субъективно воспринимается как отрицательная:

Желаю, чтобы *Лёха* победил на выборах. И через год митинги в Москве. «Навальный – вор! Навального на нары!» (<http://eugenyshultz.livejournal.com/470951.html?page=7#comments>).

Из контекста видно, что автор высказывания желает победы кандидату только для того, чтобы тот проявил свою несостоятельность в качестве исполнителя занимаемой должности. Разговорно-фамильярная форма *Лёха* подчеркивает неуважительное отношение к денотату и служит своеобразным средством оценки его способностей.

Раз все идет от прокуроров надо вспомнить чей человек Чайка, Чайка – чувак Ельцина, значит кроме *Вовы* и *Димы* процессом рулят и *Толя* с *Ромой* (<http://eugenyshultz.livejournal.com/470951.html?page=5#comments>).

В данном примере автор поясняет с помощью нарицательного имени *прокурор* только одного из референтов, а в других случаях он, очевидно, полагается на фоновые знания собеседников, используя уменьшительные формы *Вова*, *Дима*, *Толя*, *Рома* без дополнительных комментариев. В сочетании со сниженной лексикой (*чувак*, *рулить процессом*) данные диминутивы придают высказыванию резко эмоциональный характер и выполняют не столько коммуникативную (понимание всей фразы требует дополнительных экстралингвистических знаний), сколько экспрессивную функцию. Примечательно, что в англоязычной культуре диминутивы не приносят негативных коннотаций даже в тех случаях, когда уменьшительной формой именуется лица, обычно называемые полным именем.

Time to get *Maggie* on the back of the next bank note – surely no-one could object to another woman honoured in that way (<http://order-order.com/2013/07/29/maggie-funeral-final-cost-1205809/>)

Коммуникант выражает пожелание разместить портрет Маргарет Тэтчер на банкноте, при этом называя бывшего премьер-министра

Великобритании уменьшительным именем *Maggie*. Диминутив несомненно обладает дополнительной экспрессивностью, но выражаемая оценка носит скорее одобрительный характер, хотя и придает высказыванию разговорный оттенок.

Использование полной трехчленной формулы (для русского языка – это *фамилия, имя и отчество*, для английского – *first name, middle name, last name*) несвойственно речевым ситуациям вне официального общения; и поскольку блогерская коммуникация неформальная и лично ориентированная, трехкомпонентные онимы должны рассматриваться как средства именования, выполняющие помимо номинативной еще и дополнительные функции. В русском языке полная формула именования подчеркивает высокий социальный статус денотата, уважительное отношение к нему со стороны адресанта.

Владимир Владимирович Путин – очень предсказуемый политик. Зачем его убирать? Чтобы поставить *Владимира Вольфовича Жириновского*? (<http://seva-riga.livejournal.com/208004.html?thread=21274500>).

В данном примере полное имя выполняет не только идентификационную функцию, но также является средством выражения уважительного отношения, что характерно для официальной коммуникации.

В англоязычной традиции среднее имя употребляется крайне редко, даже в официальных ситуациях, как правило, применяется двухкомпонентная формула *имя + фамилия*.

It would be more logical to assume that David Cameron is showing totally unacceptable devotion to his bum-boy buddy *Barack Hussein Obama* at whose bidding the UK is now being dragged back into the unwinnable struggle to keep the very large oilfields around Irbil (aka Erbil) under western control (<http://greenteeth.blog.co.uk/2014/08/16/the-u-s-is-bombing-iraq-isnt-for-humanitarian-reasons-19154289/>).

Хусейн – мусульманское имя, оно отражает этническое происхождение и вероятную религиозную принадлежность носителя. Для осуществления идентификационной функции среднее имя президента избыточно, а значит, адресант намеренно использовал его именно в качестве социального маркера, намекая на некую связь между этнической и религиозной принадлежностью Барака Обамы и его ближневосточной политикой.

Поскольку общение в Интернете осуществляется путем письменных сообщений, в блогерской коммуникации удобно использовать такой способ номинации как аббревиатура.

The Bush's, the Clintons and Obama are all mass murderers and war mongers in the tradition of *LBJ* and Nixon (<http://americablog.com/2014/07/putin-theres-never-better-time-rebuild-empire.html>).

LBJ – Линдон Бейнс Джонсон, тридцать шестой президент США. В англоязычной культуре аббревиатуры активно используются и в устной, и в письменной коммуникации, это стилистически нейтральная форма. В русском языке использование аббревиатур в устной речи нетипично, но в блогговой коммуникации это довольно распространенное явление.

ВВП типичнейший западник. «Партнёров» убеждает, предлагает варианты, ищет возможности ... (<http://seva-riga.livejournal.com/208004.html>).

За время правления *ВВП* Росфедерация стала глухо сырьевой страной, живущей за счет вывоза необработанных (или едва обработанных) природных материалов (<http://m-kalashnikov.livejournal.com/1697011.html>).

Из приведенных выше примеров видно, что аббревиатура *ВВП* (Владимир Владимирович Путин) используется как сторонниками, так и оппонентами политика и не обладает выраженной стилистической или эмоциональной окраской.

В блогах встречаются также другие виды сокращений имен собственных – один или два первых слога от фамилии:

Prices have risen faster than wages in all but one month of David Cameron's premiership – and that was April 2013, when *Cam* cut taxes for the rich and bank bonuses skyrocketed (<http://www.leftfootforward.org/2013/08/cameron-worst-pm-in-recorded-history-for-living-standards>).

I feel a bit sorry for *Mili* serious. He's trying to break out of the goody two shoes image, after growing up in public (<http://order-order.com/2013/09/24/puff-mili-ed-in-rappers-tailors-suit>).

Между тем, пока внимание москвичей приковано к фигуре Ходора и прочей политической движухе, у них прямо под носом происходят события, также связанные с нефтью, и куда больше влияющие на жизнь столицы (<http://asaratov.livejournal.com/4276149.html>).

Огромное множество украинцев на Майдане заявили, что под крылышко *Пу* не пойдут ни за какие 20 миллиардов долларов – то есть, согласны жить беднее, лишь бы не быть обязанными режиму РФ (<http://voiceoftheworld.livejournal.com/261644.html>)

С одной стороны, использование таких неполных форм может объясняться прагматическими целями – стремлением сократить время, потраченное на написание поста или комментария, избежать повторения одних и тех же имен. С другой стороны, сравнение со стилистически нейтральными полными формами фамилий (*Cameron – Cam, Miliband – Mili, Ходорковский – Ходор, Путин – Пу*) указывает на оценочно-экспрессивный характер подобных форм, но установить содержание данной оценки затруднительно в силу субъективности ассоциаций, вызываемых такими сокращениями.

Среди других способов именования политических и общественных деятелей в блоговой коммуникации особый интерес представляют онимы, образованные намеренным искажением имен и фамилий называемых лиц. Такие формы служат примером подлинной лингвокреативности, поскольку задействуют не только экспрессивные средства языка (именование по имени и отчеству, уменьшительные имена, имена с суффиксами субъективной оценки, аббревиатуры и сокращения), но и способы именования, основанные на фонетическом и графическом сходстве собственных имен конкретных лиц с именами нарицательными, выражающими оценку.

A major problem with people like *Bliar*, Cameron and their ilk, as I see it, is that – part from their obvious crimes – they actually subvert morality.

I like the subtle but necessary change to his name in your piece from Blair to Bliar, may I suggest *BLiar* as a more prominent moniker when discussing such a traitor (<http://www.craigmurray.org.uk/archives/2011/09/bliar-how-much-death-can-one-man-wa/>).

Перестановка двух букв в фамилии бывшего премьер-министра Великобритании и написание его имени через две прописные буквы делает имя собственное *Blair* схожим с нарицательным *liar* – лжец.

Our own loveable Rupert *Mudrock*, owns the biggest gambling joint in the world, DJ index, and the rating agencies controlled by Financial Times (<http://business.blogs.cnn.com/2012/01/13/what-would-eurozone-downgrade-mean/>).

Такой же прием задействован и для искажения фамилии американского медиамагната Руперта Мердока – *Mudrock* соотносится по звучанию с *mud* – грязь. Аналогичный способ именования в русскоязычном блоге: фамилии *Навальный* придается созвучие с глаголом *наврать*:

Нет разницы где находится жулик и вор. Не так ли? Сядет ваш Навальный, ох сядет (<http://leteha.livejournal.com/1547881.html>).

Рассмотренные выше примеры выражают эмоциональную, уничижительную оценку, но, несмотря на сходство данных форм с прозвищами, нельзя сказать, что они выполняют характеризующую функцию, т. е. отражают черты свойственные этим людям в действительности; скорее это черты, которые автор высказывания им приписывает, а значит, они сообщают нам о его отношении к данным общественным деятелям, и, следовательно, о его политических пристрастиях.

Развитая морфология русского языка позволяет русскоязычным блогерам и комментаторам использовать множество разнообразных суффиксов для построения экспрессивных онимов на основе фамилий:

Этого клоуна выпустили на время из тюрьмы, чтобы *Собяка* мог раздавить его как таракана и показать ему, кто он есть на самом деле (<http://eugenyshultz.livejournal.com/470951.html?page=3#comments>).

Формально закон не нарушен, если *Собяиша* ранее не приватизировал жилье. В фантастическом случае избрания Лехи мэром он бы тоже переехал в служебную квартиру в центре Москвы. А там, глядишь, и приватизировал бы (<http://kungurov.livejournal.com/68501.html>).

Ну-да воруют чиновники, но всё-таки какая-никакая стабильность, да и кем его заменить: *Жупук*? Зюганов? Навальный? Прохоров? (<http://m-kalashnikov.livejournal.com/1677659.html>).

В приведенных выше примерах из русскоязычных источников пренебрежительная оценка выражена путем суффиксации, в отличие от примеров из англоязычных блогов (*Bliar*, *Mudrock*), где тот же эффект достигается на основе ассоциации с некоторым апеллятивом, имеющим отрицательную коннотацию. Можно предположить, что в русском языке сам факт искажения фамилии придает антропониму уничижительный оттенок.

Помимо суффиксов, выражающих идею экспрессивности, существующих в языке, новообразованные онимы могут содержать отсылки к прецедентным именам и ситуациям:

In fact the whole issue, as it is filtered through the media, and by extention Americablog, reaks of the mendacious cheerleading that led up to the illegal invasion of Iraq. But rah-rah, evil Russians, righteous Americans etc etc, with all the threat conveniently packaged for your convenience, a la Hollywood, in

one persona, boogeyman of the moment, *Osama bin Putin* (<http://americablog.com/2014/08/russian-think-starve-people-punish-west.html>).

Оним *Osama bin Putin*, образованный путем объединения имен *Osama bin Laden* и Путин, использован автором в качестве стилистического приема для описания обобщенного образа врага, создаваемого американскими средствами массовой информации.

Так вот, представьте себе в России такую картину: *Никита Однопроцентович Мигалков* одарил своим присутствием аэропорт Домодедово и тут какой-то смерд-охранник заикнулся на тему «проверить багаж и личные вещи» (<http://nicshe2003.livejournal.com/405719.html>).

Для того чтобы коммуниканты могли оценить лингвокреативность автора, им необходимо обладать экстралингвистическим знанием о прецедентной ситуации, а именно о том, что Михалков пользуется мигалкой, чтобы объезжать московские пробки, а значение «отчества» Однопроцентович непонятно тому, кто не знает, что режиссер настаивал на введении однопроцентного налога на продажу носителей информации – компакт-дисков и DVD. Обе прецедентные ситуации вызывали массу критики в среде блогеров, и данный способ именованья, несомненно, содержит отрицательную оценку.

Сопоставительный анализ способов именованья политических и общественных деятелей в русскоязычных и англоязычных блогах выявляет как общие тенденции, имеющие место в обоих языках, так и различия, свойственные одному языку и несвойственные другому. К общим закономерностям можно отнести нейтральный характер полных имен, фамилий и аббревиатур, стилистическую и экспрессивную загроуженность уменьшительных имен и полных формул именованья, лингвокреативность в выборе способов номинации, важную роль экстралингвистических факторов в понимании стилистической и эмоциональной окраски ономастических единиц. Поскольку русский язык обладает широким спектром экспрессивных средств в области морфологии, в русскоязычных блогах можно наблюдать большее разнообразие ономастических единиц с суффиксами субъективной оценки. В целом же функционирование собственных имен в блогерской коммуникации на русском и английском языках осуществляется в одном русле: ономастические единицы служат не только для называнья конкретных лиц, вовлеченных в общественно-политическую жизнь, но и для выражения

субъективной оценки их деятельности как со стороны сторонников, так и со стороны оппонентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. *Вокуев Н. Е.* Между дневником и массмедиа: особенности блога как средства коммуникации // Аналитика культурологии / Электрон. журн. 2011. № 19. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mezhdu-dnevnikom-i-mass-media-osobennosti-bloga-kak-sredstva-kommunikatsii#ixzz3NlSmJmPY>.
3. *Галичкина Е. Н.* Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство : дис. ... д-ра филол. наук. – Астрахань, 2012. – 373 с.
4. *Казнова Н. Н.* Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации (на примере французской блогосферы) : дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2011. – 238 с.
5. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. – М. : Наука, 1973. – 367 с.

УДК 811.111, 159.923.2

Е. В. Трощенко

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского гос/ ун-та;
e-mail: kathlyntr@gmail.com

МЕТАРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАРТИЙНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается метарепрезентация партийных стереотипов в общественно-политическом дискурсе. Исследование строится на двухэтапном методе, включающем в себя моделирование релевантных социокультурных репрезентаций в эксперименте с американскими респондентами и последующий дискурсивный анализ онлайн комментариев в американской прессе. Описываются результаты эксперимента на стереотипизацию республиканской партии, затем обсуждаются аргументативные стратегии, используемые демократами для критики политических оппонентов.

Ключевые слова: метарепрезентация; партийные стереотипы; игровой вариант ложной идентичности; психолингвистический эксперимент; стратегии аргументации.

Troshchenkova E. V.

Associate Professor English Linguistics and Cultural Studies Department
St.Petersburg State University; e-mail: kathlyntr@gmail.com

METAREPRESENTATION OF PARTY STEREOTYPES IN SOCIOPOLITICAL DISCOURSE

The article deals with the problems of using metarepresentation of political party stereotypes in socio-political discourse. The research is based on a two-step method, which includes modeling of the relevant sociocultural representations in a psycholinguistic experiment with American respondents and following discourse analysis of the on-line comments in American press. The article covers the results of an experiment on stereotyping the Republican party and then discusses the argumentation strategies used by the Democrats to criticize their political opponents.

Key words: metarepresentation; party stereotypes; mock identity; psycholinguistic experiment; argumentation strategies.

1. Вводные замечания

Современные коммуникационные технологии в Интернете создали новую среду, удобную для активного обмена мнениями по

актуальным проблемам. В этой ситуации процессы формирования общественного мнения и самоидентификации отдельных групп внутри языкового и социокультурного сообщества оказываются еще более сложными и многоуровневыми, чем прежде. Широкая общественность не остается пассивным адресатом применения манипулятивных стратегий со стороны политиков и журналистов. Напротив, она занимает активную позицию и включается в процессы дискурсивного взаимодействия, в ходе которых и формируются разделяемые членами сообщества социокультурные знания [2]. Немаловажную роль среди таких знаний занимают знания о субъектах этого взаимодействия в форме стереотипных ожиданий относительно социальных ролей участников коммуникации.

Как показывают наши исследования, для американского общественно-политического дискурса особенно важно деление участников по признаку партийной соотнесенности [3; 4]. В комментариях к статьям в американской прессе аргументы по любым, даже не относящимся напрямую к политике вопросам очень часто формулируются в терминах партийных предпочтений. При этом участники дискуссии часто выбирают для себя именно роль республиканца / демократа в качестве ведущей.

В настоящей статье проводится исследование роли стереотипного видения партийными группами друг друга в аргументативных стратегиях общественно-политического дискурса. Мы исходим из того, что сторонники обеих партий обладают не только знаниями о себе как о группе, разделяющей определенные ценности, идеологию и т. п., но и стереотипными представлениями об оппозиционной группе. Они также способны оперировать знаниями, которыми, с их точки зрения, владеют в этом отношении их оппоненты. Таким образом, мы имеем дело с метарепрезентациями партийных стереотипов. Мы опираемся на понятие метарепрезентации, предложенное Д. Спербером [11; 12].

Лингвисты отмечают, что ментальные метарепрезентации в языке прототипически объективируются в виде предложений-высказываний с глаголами мнения, утверждения, эмоционального отношения [1]. И этот аспект функционирования метарепрезентаций в языковой коммуникации представляется достаточно изученным. Однако существует и другой, не получивший, на наш взгляд, достаточно полного освещения аспект, касающийся ситуации, когда метарепрезентация становится основой выражения собственного мнения и даже

манипуляции мнением аудитории в своих интересах. При этом сами метарепрезентационные знания, являясь основой аргументации, не выражаются прямо как пропозициональное включение в рамку описания собственных метакогнитивных состояний. Именно этот аспект использования метарепрезентаций партийных стереотипов и находится в фокусе нашего внимания.

В качестве метода мы используем двухуровневое исследование (обсуждавшееся более подробно в [2]), предполагающее экспериментальное моделирование соответствующего фрагмента знаний с последующим использованием полученной модели в ходе дискурсивного анализа материала непосредственной коммуникации сторонников республиканской и демократической партий.

2. Стереотипные представления о республиканцах: данные психолингвистического эксперимента

В качестве первого этапа описываемого исследования мы провели психолингвистический эксперимент с американскими респондентами (55 чел.), нацеленный на выявление стереотипных ролевых ожиданий относительно сторонников республиканской и демократической партий США. Респондентам предлагалось продолжить предложения трех типов для двух ролей: 1) *X should...* 2) *X should not...* 3) *Usually X...*, где X – республиканцы и демократы. Анализ результатов позволяет делать выводы об идеале и антиидеале исполнения роли республиканца / демократа (т. е. о том, как эта роль должна / не должна исполняться) и представлениях о том, как эти роли исполняются в действительности (*status quo*).

В настоящей статье рассмотрим данные эксперимента относительно роли республиканцев, поскольку в дальнейшем нас будут интересовать комментарии, связанные с представлениями демократов о республиканцах. Для начала проигнорируем оценочный аспект полученных реакций и обратим внимание на имеющиеся у респондентов представления об идеологии партии по ключевым политическим, социальным и экономическим вопросам, вне зависимости от того, как респондент относится к этим идеям (проценты приводятся относительно общего числа полученных реакций – 160). Можно выделить два больших блока таких представлений:

1) 18,8% экономия средств государственного бюджета за счет сокращения госаппарата и трат на социальные программы,

необходимость финансирования которых вызывает рост налогов. Граждане должны больше рассчитывать на собственные силы и предпринимательскую инициативу, а не на помощь государства. Сторонниками республиканцев такая позиция рассматривается как благоприятная для развития экономики и свободного рынка, противниками – как поддержка интересов больших корпораций в ущерб беднейшим слоям населения;

2) 9,4% поддержка традиционных ценностей (в частности религиозных, а также прав человека и идеалов демократии, зафиксированных в базовых правовых документах США), консерватизм и стабилизирующее влияние на американское общество, что противниками воспринимается как фанатизм и косность.

Если рассматривать полученные реакции с точки зрения оценочности, то в общей сложности 31,5% реакций от 54 продолжений – предложения *Republicans should...*, 69% от 56 продолжений – *Usually Republicans...* негативно окрашены, причем некоторые содержат достаточно агрессивные или саркастичные по отношению к республиканцам замечания.

Основные стереотипы относительно негативных черт членов этой партии, которые можно выделить при анализе реакций, следующие (проценты от общего числа реакций – 160):

- поддержка богатейших слоев населения и защита интересов больших корпораций (вместо того чтобы служить благу большинства своих избирателей) – 13,8%;
- глупость и узость взглядов – 8,1%;
- эгоизм, преследование главным образом своих личных интересов и обман своих избирателей – 7,5%;
- склонность слепо, некритически следовать линии партии – 6,9%;
- косность, неспособность к компромиссам – 5,6%;
- склонность к дискриминации ряда групп – 2,5%.

Полученная модель негативных стереотипных представлений о республиканцах отражает в первую очередь то, как республиканцы видятся «со стороны», как их рассматривают сторонники демократов. При этом, как будет показано ниже, индивидуальные комментаторы, выстраивая свои коммуникативные стратегии, исходят из того, что их собственные представления о республиканцах в целом совпадают с представлениями той группы, которую они рассматривают

как «свою»: «Я знаю, что демократы думают о республиканцах Х». Однако случаи «превентивных оправданий» в комментариях республиканцев, которые мы рассматривали в [3], наглядно показывают и метарепрезентационные процессы у данной группы: «республиканцы знают, что демократы думают о них Х».

3. Дискурсивный анализ комментариев

Следующим шагом исследования стал дискурсивный анализ комментариев к статьям в американской прессе с учетом полученных моделей партийных стереотипов. Анализ 160 комментариев к трем статьям из «New York Times» [7] и «Washington Post» [9; 10], содержащих резкую критику республиканской партии со стороны сторонников демократов, показывает, что большая часть этих комментариев, в сущности, представляет собой озвучивание стереотипных представлений, которые были выявлены в эксперименте. То, какие стереотипы активируются в первую очередь, безусловно, зависит от тематики обсуждения, во многом заданной той статьей, к которой пишутся комментарии. Статистически относительно выбранного корпуса примеров их набор можно представить следующим образом:

В 70% комментариев речь идет о дискриминации республиканцами ряда социальных групп – Women, Africa Americans, Hispanics, LGBT community. Наиболее частотные обвинения в адрес республиканцев – *racism, bigotry, hatred*. Республиканская партия представляется как *party that is racist, homophobic, and misogynist* [9], состоящая главным образом из *wasp males*, которые отстаивают идеи *white supremacy* [10]. В 23% комментариев республиканцы обвиняются в глупости, узости взглядов. В 14% отмечается стремление поддерживать богатых в ущерб беднейшим слоям населения, собственная жадность и игнорирование интересов избирателей. 6% комментариев обвиняют республиканцев во лжи и такой же процент комментариев представляет их косными и отсталыми. В статье «Slurs against Latinos, gays complicate GOP's mission to broaden its tent» [10] они 9 раз получают наименование *dinosaurs*, а типичные приписываемые им определения – *retrograde* и *reactionary*. Также в трех процентах случаев подчеркивается их склонность к агрессивной политике: *war-mongering* [7], *gun-toting* [10].

Интересно, что в большинстве случаев обвинения выдвигаются без дальнейшей поддерживающей аргументации, как данность, как нечто неоспоримое (примеры 1, 2):

(1) **SmokeyWest**

By the very nature of the Republican party and its core values. it does not want an inclusive party. Following the philosophy of their guru, Ann Rynd, they want a society of wealthy elites who enjoy an elevated status and are kept apart from the masses. Bigotry is part of their genetic code and they are unable to hide their true colors anymore than a pig can mask its smell. Both are repugnant to the vast majority of people (6 Likes) [10].

(2) **banterweg**

Obviously the Republican party is nothing but a bunch of rich bigots, racists and want to be Nazis ready to form a dictatorship where they can get rid of the poor, the minorities and all women rights. (2 Likes) [9].

Комментирующий рассчитывает на поддержку своей группы, исходя из предположения, что используемые стереотипы полностью разделяются группой «своих». Уверенность в том, что та группа, на которую ориентируется комментирующий, исходит в оценке республиканцев из тех же представлений, позволяет пользоваться особенностями функционирования стереотипов. Создаваемый стереотипами эффект «слепого пятна» и игнорирование противоречащих им фактов гарантирует, что большая часть аудитории, на которую рассчитан комментарий, отнесется к нему некритически. Одновременно с этим, если комментарий содержит указание на единичные факты, подкрепляющие стереотип, автор может рассчитывать на то, что они будут восприняты как достоверные и убедительно доказывающие высказанную точку зрения.

Опора на стереотипы активно используется демократами как инструмент критики и очернения политического оппонента, поэтому республиканцы часто прибегают к демонстрации стереотипизации как защитной стратегии. Пример (3) наглядно показывает как экспликация республиканцами партийных стереотипов, используемых демократами, работает в качестве средства восстановления своей репутации. Те, кто используют стратегию указания на использованные стереотипы, подспудно дают понять другим участникам дискуссии, что представления демократов о республиканцах не соответствуют реальности, а представляют собой обобщения, сделанные из отдельных, мало показательных примеров. Демократов таким образом обвиняют в лицемерии и намеренном разжигании конфликтов путем использования недобросовестной аргументации.

(3) **0438**

Conservative logic. There are a few racists in the Democratic Party so it's OK for us to be racist. (3 Likes)

OttoDog

Dem tactic, There are a few in the Republican Party so we'll say they ALL are. (Hat tip to Himmler & Alisky).

0438

I can understand why you attack Demos – how could you defend these morons?

newsman12

So, let's get this straight. *GOP = evil and racist, while the Democratic Party = the best humanity has to offer. No generalizations there, right? The idea that the Democratic Party doesn't have prejudices, biases and narrow-minded thinking among its own is ludicrous.* I give you Al Sharpton as Exhibit A, a man who makes his living race-baiting and distorting facts to stir up the masses in the loudest of voices, but is celebrated as a champion for social justice, an emotional-laden term he struggles mightily to define. So, to our friends on the left I say that before you become all warm and fuzzy about how much good liberals are doing in this world, you might want to think about who among you is trying to erect walls rather than tear them down. Liberalism and hypocrisy go hand in hand, **but liberals are so busy stereotyping others they have no time for self-reflection.** (1 Like)

mdouglas40324

in theory your argument is true. but in practice, the *GOP does a standup job of stereotyping itself, no need for help from liberals.* That's the shame of it. (1 Like) [10]

В примере (4) содержатся некоторые из комментариев, где используется та же защитная стратегия, к которой в статье прибегают в общей сложности семь раз на протяжении всей дискуссии:

(4) **CommentRulesWillBeFollowed**

Well, there you go, *Democrats crying racism constantly over political disagreement* (1 Like)

<...> Correct actions speak louder than words. *Creating false narratives to inflame race relations*, then making racist flyers trying to say that it is 1963 and the whole GOP is racist, as PLDs did in GA, NC, and now MD. All PLDs do is lie. The damage you guys are doing is going to cause real problems. And it's all based on lies [9].

В ответ на многочисленные обвинения республиканской партии в дискриминации и расизме комментирующий прямо указывает на то, что дискуссия намеренно уводится в сторону от конкретных вопросов, связанных с предвыборной кампанией и политическим курсом страны в область голословных обвинений политических оппонентов. Тем самым комментирующий подталкивает аудиторию к конструктивному диалогу. Однако анализ последующих комментариев в тред показывает, что лишь немногие участники выбирают в качестве темы своих комментариев анализ конкретных действий республиканской партии. Большая часть текстов продолжает строиться по образцу примеров (1, 2).

Что касается стратегий демократов, основанных на метарепрезентации партийных стереотипов, наиболее любопытной нам представляется конструирование игрового варианта ложной идентичности говорящего (*mock identity*, *сокр.* МІ). Эта стратегия более сложная, чем описанное выше ориентирование на знание собственной группы, поскольку требует метарепрезентации репрезентаций не только группы «своих», но и «чужих».

Речь идет о случаях, когда человек начинает выражать стереотипные ценности некой группы в заведомо преувеличенной, гротескной форме с целью достижения иронического эффекта, а не с целью обмана аудитории. МІ конструируется таким образом, чтобы окружающие на самом деле отчетливо понимали, что она не является истинной идентичностью говорящего. Этот тип идентичности основывается на метарепрезентации «чужих», т. е. на том, что группа, к которой в действительности принадлежит говорящий, думает о той группе, которую говорящий пытается пародировать. Конструирование и интерпретация МІ представляют значительную когнитивную сложность для участников дискурса и потенциально всегда содержат высокую опасность коммуникативной неудачи, что впрочем – в случае если МІ все-таки была сконструирована верно – повышает экспрессивность и действенность сказанного. В связи с этим случаи конструирования МІ немногочисленны. Е. Е. Шеховцова в своем дипломном сочинении, написанном под нашим руководством [5], рассмотрев 7 530 комментариев к 30 статьям различных американских интернет-СМИ, обнаружила, что лишь 0,3 % от общего числа просмотренных комментариев содержат МІ. К этим случаям можно добавить ограниченное цитатное конструирование МІ, но они в настоящей статье затрагиваться не

будут. Мы анализировали 27 прототипических случаев и выяснили, что подавляющее большинство комментариев (25 из 27), содержащих МІ, принадлежит демократам.

Успешное конструирование МІ требует выполнения двух – на первый взгляд несовместимых – условий: с одной стороны, комментирующий должен писать так, как если бы это было написано представителем другой партии, с другой стороны, комментарий должен быть построен таким образом, чтобы аудитории была ясна истинная идентичность комментирующего, т. е. содержать какие-то маркеры МІ.

Для выполнения первого условия комментирующий опирается на стереотипные представления об оппозиционной партии, рассчитывая на то, что эти стереотипы разделяют его сторонники, а также что и сами представители оппозиционной партии знают об их существовании. Причем анализ комментариев показывает, что выбор этих стереотипов в целом соответствует тем основным представлениям, которые были выделены нами в эксперименте. Функционально такие комментарии призваны одновременно выставить оппонента в неприглядном свете в целом и показать слабость его позиции по конкретному обсуждаемому в данный момент вопросу, тем самым создавая сильный аргумент в пользу реальной позиции комментирующего. При этом «выигрыш в игре» одного комментирующего в каком-то смысле распространяется на всю группу «своих».

Демократы, конструируя МІ сторонника республиканской партии, как и в случае обычной прямолинейной критики, пытаются акцентировать необразованность и низкий интеллектуальный уровень комментирующего.

(5) **dspiege l301**

Y'all are **dem dam librulls dat ma daddy hated**. Y'all think **dat** your kid's right **ta** life is more important than ma right **ta** own **whuddever guns** I want. **Rong!** *I need all ma AK's so I can take down your **guv'mt's nukes and tanks** when they come after me!* I know '**cus Rush and dat LaPear dude said so!** Gotta **git back ta ma trailer** now '**cus there ain't no dam librulls** in ma trailer park. Bye! (2 Likes) [10].

Так, в примере (5) мы видим попытку воспроизвести на письме соответствующие фонетические особенности речи и подчеркнуть низкое социальное положение (*ma trailer*) и склонность слепо верить авторитетам (*ma daddy, cus Rush and dat LaPear dude said so*).

(6) **dspiege l301**

Things I know are true.

Fox News is fair and balanced.

Evolution is “just a theory.”

The world was created in six days 6000 years ago.

Obama was born in Kenya.

Obama was elected by people who each voted three times.

George Zimmerman is a fine young patriot, and Travon Martin got what he deserved.

*Sarah Palin is **a lot smarter** than the Washington Post.*

*Michelle Bachmann is **a lot smarter** than John Stewart.*

*Rush Limbaugh is **a genius**.*

And especially...

Guns don't kill people – people kill people.

*Wayne LaPierre is **a really smart guy** (6 Likes) [10].*

В примере (6) утрированно перечисляются наиболее одиозные с точки зрения демократов представители республиканцев с эпитетами *smart, Slurs against Latinos, gays complicate GOP's mission to broaden its tent*, а также упоминается телеканал FoxNews.

(7) **dapepper mingori**

Yes! Time to spend more money on the US Military!

Let's raise the taxes on all those want to ‘rebuild and redeploy the American army, navy ...’!

More taxes for more military!

I am so frightened by the Russians!

We must have another Cold War so we can spend more money for the military!

Guns, Not Schools! Guns, Not Health Care! It is The American Way! (12 Likes) [7].

(8) **alexdfolet**

Those *darn dems*. Always wanting to eliminate tax breaks for *honest hard-working billionaires* when what *we should be doing is slashing medicare and social security benefits* to elderly Americans. Those greedy old fools need to get up off their wrinkled old butts and get jobs, so our nation's job creators can buy another private jet to fly to their mansions in the Bahamas (5 Likes) [8].

(9) **scruffyhere**

If those *mothers would only see the light, stop working, and stay home to raise* and educate their children *as good law-abiding Christian patriots* why

there would be no need for maternity leave, the *kids* would be so smart they *won't need college*, millions of job opportunities would open *for bone fide bread winners*, and *we could safely revert to 1952* and «The Women's Room». What a wonderful world that would be [6].

В примерах (7) и (9) мы видим подчеркнуто презрительное отношение к образованию (*Guns, Not Schools!*, *kids would be so smart they won't need college*).

Вторая черта, которая активно демонстрируется, – это нежелание финансировать социальные программы и здравоохранение, поддержка наиболее богатых слоев населения (8), агрессивный патриотизм и готовность увеличивать траты на нужды армии в ущерб другим статьям государственных расходов (7). Также акцентируется отстаивание права на ношение оружия (5), рисуется фактически параноидальный образ говорящего (*I need all ma АК's...*).

Пример (9) также служит иллюстрацией игры со стереотипной религиозностью республиканцев и с предпочтением традиционных гендерных ролей в семье, при этом намеренно активизируется и стереотипное представление об отсталости, обращенности в прошлое (*we could safely revert to 1952*).

Эффект «аутентичности» комментария также усиливается за счет того, что комментирующий включает в свой текст негативно окрашенные ярлыки по отношению к демократам, которые действительно активно используются республиканцами в общественно-политическом дискурсе (пример (5) *dam libbrulls*, пример (8) *darn dems*).

Перейдем теперь к вопросу о маркерах MI, которые позволяют аудитории адекватно опознать истинную идентичность комментирующего и в этом свете воспринимать его позицию по конкретному обсуждаемому вопросу. Наиболее простыми являются случаи, когда комментирующий ранее уже участвовал в разворачивающейся дискуссии со своей идентичностью, тогда его ироничный комментарий, содержащий MI, скорее, будет верно опознан аудиторией.

Как видно из примера (10), комментарий с MI может появляться как ироничное продолжение мысли оппонента. В этом случае, хотя формально автор соглашается с предыдущим комментатором, высказанная позиция доводится до абсурда, что и создает ощущение MI.

(10) **AlSwearingin**

The term used is only «offensive» to the lib sycophants that roam these forums in an attempt to cause further racial divide in our country.

Raven_Hawk

I'm sorry that I used one of the terms in public that my party uses to describe minorities all the time in private (3 Likes) [10].

Дополнительным маркером, как в примерах (11–13), может быть употребление кавычек:

(11) **KaiserSoze**

I'm not always a racist, but when I am, I vote Republican. Stay thirsty my friends (3 Likes) [10].

(12) **AlexOldTown**

Message: «We've been trying to screw you for years and, generally speaking, despise you. And we've tried to stop you from voting. But if you can vote, vote for us!» (13 Likes) [9].

(13) **Cmsatown**

hey, we really don't hate you lazy moochers stealing our jobs... oh damn there we go again! (3 Likes) [9].

Более сложным маркером является использование специфических синтаксических средств: комментариев (примеры (6) и (7)) может строиться как набор реплик лозунгового и констатирующего характера, мало связанных между собой. Каждая из них написана на отдельной строке, что обычно нехарактерно для комментариев, не содержащих игрового элемента.

(14) **0438**

Geez, I don't understand. *Just because we* want to make it harder for them to vote, the poor and the blacks hate us.

Just because we support Personhood Amendments, women seem to dislike us.

Just because we want a constitutional amendment to ban gay marriage, gays don't like us (Liked by 16 readers) [10].

(15) **moon-base-delta**

...well heck, we hired them whet backs to work for nothing, i didn't mean nothing by that it's just the way we did it...

...well gosh, we always went kloon hunting, it was what we did, i didn't mean nothing by that it's just what we did there at grand pappys...

...and by jove, when we ran off those gays i didn't mean no harm, i thought they wanted to go, my grand pappy said they was asking for it...

...well golly, when didn't we burn a cross on those negroes front yard when they tried to move into the neighborhood, i didn't mean nothing by it we was just roasting some marshmallows grand pappy brought along...

...aw shucks, when we painted those swastikas on that synagogue we just havin some fun with those jew boys, i didn't mean to offend we was just doin what everyone did at the time...

...i meant no malice, so what's the big deal?... (Liked by 6 readers) [10].

В примерах (6) и (14) ощущение, что комментарий не обычное выражение собственного мнения по какому-то вопросу, а вероятно элемент какой-то игры, создается за счет использования специальных стилистических приемов. Употребление параллельных анафорических конструкций фокусирует внимание читающего на форме комментария, тем самым настраивая его на то, что комментирующий не ограничится простым изложением собственного мнения, а подаст его в необычной форме.

4. Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что в общественно-политических дискуссиях стереотипные партийные представления играют важную роль как в аргументации членов стереотипизируемой, так и стереотипизирующей партии.

Анализ использования стереотипов о республиканцах позволяет сделать вывод о том, что демократы часто используют их для создания негативного образа оппонента вместо доказательной аргументации. Это делается в расчете на то, что такие стереотипы разделяются другими представителями их партии, и их позиция по какому-либо вопросу будет благосклонно и некритически воспринята группой «своих» на основании этих общих для них знаний.

Более сложным случаем использования стереотипов о республиканцах как приема критики политического оппонента является конструирование МІ. Этот прием требует метарепрезентации не только знаний своей группы, но и достаточно обширных знаний о том, как оппоненты смотрят на ситуацию. Успешная его реализация за счет наличия игрового элемента позволяет достичь большего эффекта воздействия на аудиторию и создать впечатление интеллектуального превосходства не только самого автора комментария, но и всей группы, с которой он себя отождествляет.

Однако конструирование МІ, также как и более простые комментарии с опорой на стереотипы, позволяет комментирующим плотнее идентифицироваться с группой «своих» и служит одним из импульсов как солидаризации, так и дистанцирования групп внутри американского социокультурного сообщества. Успешная метареферентация того, что думают сторонники комментирующего о противниках, становится опорой аргументации по конкретному вопросу. С точки зрения общественно-политического дискурса как непрерывно развивающегося процесса, это способствует координации представлений группы о «других», а соответственно и о самих себе.

Сами же республиканцы используют стереотипные представления демократов о себе для того, чтобы показать слабость аргументации комментатора-демократа. Экспликация опорных стереотипов становится защитной стратегией, показывающей, что оппонент переводит дискуссию в непродуктивную плоскость навешивания ярлыков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Клепикова Т. А.* Лингвистические метареферентации. – СПб. : Астерион, 2008. – 249 с.
2. *Троценкова Е. В.* Оппозиция ценностей Freedom и Security в американском общественно-политическом дискурсе // Сознание и речевая деятельность: социо- и лингвокультурологические аспекты: материалы Междунар. науч. конф. памяти В. Я. Шабеса. – СПб. : Университетские образовательные округа, 2014. – С. 143–151.
3. *Троценкова Е. В.* Вариативность в распределенных социокультурных референтациях комплексных ценностей в американской культуре и ее роль в аргументативных стратегиях // Язык как культурный код нации. – СПб. : С.-Петербургский гос. ун-т, 2014. – С. 228–250.
4. *Троценкова Е. В.* Методология экспериментального исследования социокультурных ментальных референтаций // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой референтации. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2012. – С. 430–440.
5. *Шеховцова Е. Е.* Игровой вариант ложной идентичности в американском общественно-политическом дискурсе: выпускная квалификационная работа на соиск. степ. бакалавра лингвистики. – СПб., 2014.
6. Family values hypocrisy // Washington Post. 15.12.2013. (1219 comments). – URL: <https://clck.ru/9Lkym>

7. *Obama Answers Critics*, Dismissing Russia as a 'Regional Power'. – New Y. Times. 25.03. 2014 (369 comments). – URL: <http://clck.ru/9GBkU>
8. Republicans mock Democratic shutdown scheme // Washington Post. 22.02.2013. (351 comments). – URL: <https://clck.ru/9Lkyb>
9. Republicans ramp up minority outreach nationwide ahead of 2016. // Washington Post. 25.10.2014. (105 comments). – URL: <https://clck.ru/9LkyV>
10. Slurs against Latinos, gays complicate GOP's mission to broaden its tent // Washington Post. 29.03.2013. (1452 comments). – URL: <https://clck.ru/9LkyZ>
11. *Sperber D.* How do we communicate? // How things are: A science toolkit for the mind / J. Brockman, K. Matson (Eds.). – N. Y. : Morrow, 1995. – P. 191–199.
12. *Sperber D.* Metarepresentations in an evolutionary perspective // Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective / D. Sperber (ed.) – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 117–137.

УДК 81-114

А. М. Чашчина

преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного ун-та; e-mail: anna_chashchina@yahoo.com

АНАЛИЗ ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ: СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье анализируется политический дискурс. Дается определение политического интервью, раскрываются его элементы, свойства. Приводится исследование коммуникативной стратегии самопрезентации, через которую реализуется воздействующая функция языка. Представлены лингвистические особенности построения текста политического интервью, конкретные речевые средства реализации тактик отождествления, солидаризации, позиционирования в рамках стратегии самопрезентации на материале англоязычных политических интервью.

Ключевые слова: политический дискурс; политическое интервью; коммуникативная стратегия; самопрезентация; отождествление; солидаризация; позиционирование.

Chashchina A. M.

Ph. D. candidate Lecturer English Theory and Practice Department Chelyabinsk State University; e-mail: anna_chashchina@yahoo.com

POLITICAL INTERVIEW DISCOURSE ANALYSIS: SELF-PRESENTATION STRATEGY

The article is devoted to political discourse analysis. Definition of political interview is given as well as its elements and features. Language persuasion is examined through the communicative strategy of self-presentation. A case study of political interview in English presents linguistic peculiarities of political interview text together with certain language means of realization of the following tactics within self-presentation strategy: identification, solidarisation, positioning.

Key words: political discourse; political interview; communicative strategy; self-presentation; power struggle; identification; solidarisation; positioning.

В лингвистической литературе разделяется широкое и узкое понимание политического дискурса. Ученые, придерживающиеся широкого понимания политического дискурса, трактуют его как «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [7, с. 23]; «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса

или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [2, с. 246]. Такое понимание политического дискурса учитывает растущее влияние массмедиа, развитие новых коммуникационных технологий, расширение процессов глобализации и процесс коммерциализации политической коммуникации.

Узкого определения политического дискурса придерживается, в частности, голландский лингвист Т. ван Дейк. Он считает, что политический дискурс – это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой [10, с. 134]. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков – это те жанры, которые принадлежат сфере политики.

Наиболее частотной событийной жанровой формой во всех видах политического дискурса является интервью. В исследовании А. К. Михальской выявлена специфика политического интервью как речевого жанра. Она отмечает, что политическое интервью – это высококонвенциональный (социально «условный»), публичный речевой жанр с жестким распределением речевых ролей непосредственных участников, в котором журналист раскрывает или стремится раскрыть значимые для общества черты политика, в том числе и негативные, тогда как последний, отвечая на вопросы журналиста, стремится убедить общество в своей востребованности [5].

Культурную ситуацию политического интервью составляют определенные элементы. Е. А. Беляева выделяет следующие из них [3, с. 8]:

- 1) сцена действия, включающая в себя:
 - а) обстановку: *время* (как правило, интервью проводится после какого-либо важного события, требующего комментариев компетентных в данной области лиц); *место* (радио- или телевизионная студия, редакция газеты / журнала);
 - б) условия: *физический контекст* (участники интервью беседуют лицом к лицу); *социальный контекст* (беседа журналиста с общественным деятелем по актуальным вопросам, проходящая по особому сценарию);
- 2) культурный эпизод, включающий:
 - а) событие, отражающее участников и их действия (группа «Мы» – сторонники, осуществляющие созидательную деятельность, оказывающие помощь; группа «Они» – противники и их вмешательство);

- б) последствия, предполагаемые и ожидаемые интервьюируемым: *позитивные* (результат действий группы «Мы»; *негативные* (результат действий группы «Они»).

Своеобразие политического интервью обусловлено сочетанием в его характеристике признаков, свойственных и политическому дискурсу и дискурсу СМИ, а также особенностями, присущими ему как диалогическому тексту. Н. И. Лавринова указывает на некоторые свойства текста политического интервью [4]:

- персуазивность;
- полисубъектность;
- особая диалогичность;
- двусубъектный характер: в качестве автора текста выступают оба собеседника;
- вектор адресованности: от автора-интервьюера к собеседнику и от собеседника к интервьюеру, с одной стороны, и от них обоих к потенциальному читателю – с другой;
- информативность;
- оценочность;
- институциональность;
- спонтанность;
- авторство: только в отношении интервью можно быть в определенной степени уверенным, что большая часть текста принадлежит определенному автору, а не команде экспертов, что является преимуществом интервью в качестве объекта дискурсивного анализа.

В политическом интервью язык понимается как механизм для осуществления определенных целей. Как правило, политик желает: а) побудить адресата проголосовать на выборах за определенного кандидата, партию, блок, движение; б) завоевать авторитет или укрепить свой имидж, «понравиться народу»; в) убедить адресата согласиться с говорящим, его мнением, принять его точку зрения (о том, что правительство работает плохо или что реформы идут успешно); г) создать определенный эмоциональный настрой, вызвать определенное эмоциональное состояние адресата; д) дать адресату новые знания, новые представления о предмете речи, информировать адресата о своей позиции по какому-либо вопросу.

Данные цели политического общения отражают активно используемую в политической коммуникации, в том числе и в политическом интервью, воздействующую функцию языка. Она реализуется через применение речевых стратегий. Коммуникативной стратегией

можно назвать совокупность мер по реализации коммуникативных намерений говорящего, при разработке которых учитываются условия, в которых протекает коммуникация [1].

В англоязычном политическом интервью популярной речевой стратегией является самопрезентация. Реализация той или иной стратегии происходит за счет тактик, которые представляют собой конкретный коммуникативный этап с набором приемов, определяющих использование тех или иных языковых средств. В рамках стратегии самопрезентации мы, вслед за О. Н. Паршиной, рассматриваем тактики отождествления (дистанцирования), солидаризации, позиционирования [6]. Тактика отождествления (дистанцирования) направлена на создание имиджа. Политик показывает себя либо как приверженца одной стороны (отождествление), либо как оппозиционера другой (дистанцирование). Основная цель – самопрезентация за счет отнесения части себя к целому – не меняется. В тактике солидаризации отсутствует акцент на создании общности взглядов, не используются речевые формы установления контакта. Тактика непосредственно направлена на согласие с проблемой дискуссии. Это позволяет отличить ее от тактики отождествления. Позиционирование включает употребление своего имени в контексте имен известных личностей, лидеров мнений, людей значимых в обществе, имеющих высокую репутацию и поддержку населения.

1. Тактика отождествления (дистанцирования)

В приведенных ниже интервью президент США Барак Обама говорит об основных направлениях деятельности, о своих приоритетах в управлении страной. Он использует местоимение *we* в значении государство и американский народ, обращение к близким и понятным ценностям, как к тому общему, что объединяет политика с журналистами, народом, создает имидж защитника этих ценностей.

...basic principle of *free speech and freedom of the press*. That's a *universal value we cared about* [12].

What the Americans have said is *we want cost controls in health care, we want security in health care* [12].

С помощью местоимения *we* создается отождествление с государством, страной. Обозначая основные проблемы народа как первостепенные, президент отождествляет себя с данным народом, создает имидж заботы о народе:

My practical focus, my common-sense focus right now is *how do we out-innovate, out-educate, out-building, out-compete* the rest of the world? *How do we create jobs* here in the United States of America? How do we make sure that *businesses are thriving*? But *how do we* also – making sure that ordinary Americans can live out the American dream? [12].

Следующий вопрос изначально направлен на указание слабых сторон того, к чему президент не подготовлен, что застало его врасплох при вступлении в должность. Несмотря на это, Б. Обама сумел презентовать себя с другой стороны и акцентировать свои сильные стороны. Постоянно подчеркивается его личность: *I, my, me*, что создает имидж ответственного и серьезного политика, умеющего принимать решения, не боящегося сложных проблем, на которого народ может положиться.

What is it about the job that has surprised you the most? That you weren't prepared for coming in here?

You know, *I think* that the thing you understand intellectually, but you don't understand in your gut until you're in the job, is that every decision that comes to *my desk* is something that *nobody else has been able to solve*. The easy stuff gets solved somewhere by somebody else. By the time it gets to *me*, you *don't have easy answers* [12].

Продолжая отвечать на заданный вопрос, политик использует повтор прилагательного *optimistic*, что характеризует его как равнодушного к своему народу. Личное местоимение *I* придает речи искренность. Усилительные конструкции (*the more*) придают речи убедительность:

But I will tell you that the longer I'm in this job, the more *I enjoy it*. The more *optimistic I am about the American people*. The more *optimistic I am about this country*. There's something about this position that gives you a pretty good vantage point of the country as a whole. And for all the arguing that we get into and all the debates between Democrats and Republicans...

A tremendous country. Right? It is.

There's just a sense – *there's a common sense and a decency to the American people* that makes me *optimistic* even on the worst of days [12].

В интервью накануне кубка США по американскому футболу политик относит себя к группе болельщиков спортивной команды Bears:

FOX Sports has the Super Bowl tonight. You know, they're charging an enormous amount of money for it. And they're going to make a fortune. They pay all my expenses here. Who's going to win the game? Come on! Come on, come on.

Bill, here's the thing. Once *my Bears* lost, I don't pick sides [12].

В следующем интервью перед выборами в 2012 году президент упоминает американскую мечту и называет важные сферы деятельности: медицинское обслуживание, дороги, дома для престарелых, образование. Отождествляя себя с народом, политик показывает, что его мнение и мнение американцев едины. На синтаксическом уровне отождествление выделено анаколуфом. Анаколуф – это риторическая фигура, состоящая в нарочитом нарушении грамматической согласованности членов предложения, допущенная по недосмотру или как стилистический прием. Анаколуф здесь носит выделительный характер на фоне грамматически правильной речи. В данном примере мы видим разрыв в структуре предложения и на графическом уровне – с помощью тире.

If we believe those things – *and I think the vast majority of Americans do* – then we've got to... [8]

2. Тактика солидаризации

Абсолютное согласие с точкой зрения интервьюера обычно выражено словами *indeed, absolutely*. Интервьюер благодарит президента Б. Обаму в начале беседы за помощь захваченным в Каире американским журналистам, благодаря действиям правительства они избежали смерти. Солидаризация выражена с помощью наречия *absolutely*:

Those guys could have died.
Absolutely [12].

В интервью ирландскому телеканалу накануне саммитов ЕС и НАТО констатация правоты интервьюера в речи бывшего президента США Дж. Буша выражена с помощью слов *absolutely, of course*. Интервью проводилось на фоне активных антитеррористических, по мнению правительства США, действий на территории Ирака.

Can you look them in the eye when you get there and say "It will be worth it, it will work out"?

Absolutely! I wouldn't be doing this, I wouldn't have made the decisions I did if I didn't think the world would be better. *Of course!* [11].

Встречается также частичное подтверждение точки зрения интервьюера в речи Дж. Буша. Чаще всего это предложения с противительным союзом *but*:

Can democracy really flourish with the violence that's going on? A hundred Iraqis're dead today Mr. President.

Yeh. You know, I don't like that either. I mean you keep emphasizing the death and I don't blame you, *but* all that goes to show the nature of the enemy [11].

Далее согласие подкреплено утвердительными формами и лексически – словами *true, no doubt*. Б. Обама соглашается с тем, что он изменился после того, как стал президентом США:

Even on a personal level. Some people who know you say, you know, he's not – he doesn't have the – the – he's not as light as he used to be; he's not as spontaneous.... Preoccupied?

I would say – I would say *that's probably true*. I mean, look, *there's no doubt* that the weight of the office *has an impact* [12].

Подхват реплики интервьюера используется в следующем примере в речи кандидата в вице-президенты США 2008 года. Сары Пейлин в интервью во время предвыборной кампании.

What happens if the goal of democracy, governor Palin, doesn't produce the desired outcome, for example in Gasa. The US pushed hard for elections and Hamas won...

Yeh, well, especially in that region we've got to protect those and support... [9]

Повтор реплики интервьюера указывает на то, что С. Пейлин соглашается не только с позицией собеседника по данному вопросу, но и с его выбором лексических единиц для изложения этой позиции:

Why shouldn't the US *talk to the Syrians* if the Israelis are and couldn't that help to further isolate Iran?

We will speak with the Syrians; we will speak with these countries, as preconditions are met, though [9].

Далее согласие выражено лексически, а также повтором в речи президента США Б. Обамы. Он говорит об особенностях своей работы в должности президента, о том, что ему приходится решать самые сложные проблемы.

So it's like wave after wave of *complicated problems* and there you are. *Complicated problems. Yes* [12].

Допущение правоты интервьюера можно проследить в реплике бывшего президента США Дж. Буша в ирландском интервью:

And they are angry over Iraq as well. And particularly the continuing deaths there.

Well, I can understand that. People don't like war, but what they should be angry about is the fact that there's a brutal dictator there that had destroyed lives and... [11].

Информирование интервьюера означает, что интервьюируемый снабжает его информацией, запрашиваемой в специальном вопросе. Реакция согласия кандидата в вице-президенты США 2008 года. С. Пейлин заключается в готовности отвечать на поставленный специальный вопрос:

As we stand before this aghast building and institution, what do you see as the role of the United States in the world?

I see that United States is being a force for good in the world. And as Ronald Reagan used to talk about America... [9]

3. Тактика позиционирования

В рамках тактики позиционирования встречается употребление своего имени в контексте имен известных личностей, лидеров мнений, людей значимых в обществе, имеющих высокую репутацию и поддержку населения. Президент США Б. Обама отвечает на провокационный вопрос о себе в контексте имен предыдущих президентов США:

I asked this to President Bush when I talked to him a few weeks ago. Does it disturb you that so many people hate you? No. I mean, it's a serious question.

You know, the truth is, that the people -- and I'm sure previous presidents would say *the same thing, whether it was Bush or Clinton or Reagan or anybody.* The people who dislike you don't know you [12].

Таким образом, коммуникативная стратегия самопрезентации осуществляется политиком с помощью тактик отождествления (дистанцирования), солидаризации, позиционирования. В результате исследования отмечено преобладание тактики солидаризации в пределах стратегии самопрезентации (58%). Этим политик располагает к себе интервьюера, а следовательно, и конечного адресата – электорат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акопова Д. Р.* Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И.Лобачевского. – 2013. – № 6 (1). – С. 403–409.
2. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
3. *Беляева Е. А.* Диалог аргументативного типа: когнитивные аспекты; структура, семантика, прагматика (на материале русских и английских текстов интервью) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2007. – 24 с. – URL: http://unilib.chel.su:6007/cgi-bin/irbis64r_81/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=IBIS&P21DBN=IBIS&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=fullw&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21COLORTERMS=0&S21STR=
4. *Лавринова Н. И.* Текстобразующие характеристики политического интервью // Вестник Поморского ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – № 5. – С. 68–71.
5. *Михальская А. К.* Полевая структура политического дискурса: Метод анализа и описания речевого поведения политика в политическом интервью // Журналистика в 1999 г. : тезисы науч.-практ. конф. Ч. 5. – М.: МГУ, 2000. – С. 28–70.
6. *Паршина О. Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. – Астрахань : АГТУ, 2004. – 196 с.
7. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. – Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.
8. ABC News, Exclusive Interview with President Barack Obama: Transcript Part Two. – URL: <http://abcnews.go.com/blogs/politics/2011/04/exclusive-interview-with-president-barack-obama-transcript-part-two/>
9. CBS Evening News. – URL: <http://www.cbsnews.com/news/exclusive-palin-on-foreign-policy/>
10. *Dijk T. A., van.* What is political discourse analysis? // Political linguistics; ed. Jan Blommaert, Chris Bulcaen. – Amsterdam : University of Amsterdam, 1998. – 279 p.
11. Embassy of the United States. – URL: http://dublin.usembassy.gov/ireland/bush_irishtv.html
12. FOX Nation. – URL: <http://nation.foxnews.com/bill-oreilly/2011/02/06/super->

Сетевое электронное научное издание

**ВЕСТНИК МГЛУ. ВЫПУСК 19 (730)
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Редактор *Н. Г. Павлова*
Компьютерная верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВПО МГЛУ

Подписано в печать 28.08.2015 г.
Объем 17,5 п. л. Формат 60х90/16
Заказ № 1341

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru